

Н-65

Библиотека Вып. 1.
Гражданской войны.

Я. НИКУЛИХИН

**КАК И ПОЧЕМУ
МЫ ПОБЕДИЛИ**

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНИЯ.

№ Д-60 „Либой“ Петроград-1924 г.

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь! —

Я. НИКУЛИХИН.

**НА ФРОНТЕ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ**

(1918 – 1921 Г.Г.)

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Издательство П Р И Б О Й Петроград, 1923 г.

Институт
Наследия

W

Посвящаю эту книгу памяти всех многочисленных безымянных жертв белогвардейского террора и всех погибших на фронтах смелых борцов за Советскую Республику.

Автор.

I. Едем на фронт.

30-го июля 1918 г., уезжая из Москвы со Всероссийского съезда служащих в Петроград, я хорошо уже понимал ту грозную опасность, которая создавалась чехо-словацким выступлением. Дорогой я уже догадывался о необходимости партийной мобилизации; читая-же горячие призывы в „Правде“ (орган Центрального Комитета нашей партии) ко всем членам ее и трудящимся Советской России—всем, как одному человеку, встать на защиту революции, я решил идти на фронт, мобилизованным или добровольцем — безразлично.

Предположения мои оправдались. Едва я только переступил порог Торговой секции Совета Народного Хозяйства Северного района, где служил секретарем, как мне объявили, что партийным коллективом я мобилизован на фронт. Мобилизованными из коллектива оказалось несколько десятков членов партии. У всех нас были суровые, задумчивые лица. Но ни у кого не было и тени боязни за свою судьбу или недовольства мобилизацией. В Смольном (сборный пункт) наша горсть пролетариев влилась в общую массу мобилизованных коммунистов Питера. Мы все пылали классовой ненавистью к буржуазии и ее ставленникам—царским генералам. Кой-когда весело посмеемся в вагоне, делясь воспоминаниями о прошлой жизни, ведь у каждого из нас была своя интересная история. В рассказах путь от Петрограда до Москвы нам казался коротким.

В воскресный день, 3 августа, мы веселой толпой шли по улицам Москвы в Оперативный Отдел Народного Комиссариата по военным делам. Рабочие с радостью смотрели на нас, обыватели с удивлением, а некоторые из интеллигенции ехидно подмигивали на разношерстное большевистское войско. Мы же, не смущаясь ничем, шли, заботясь об одном—скорее оформить документы, штатскую одежду сменить на военное обмундирование и идти на фронт.

В Комиссариате нас, действительно, не задержали. Ибо обстоятельства были слишком серьезные. Чехо-словаки взяли Казань,

Краснов напирал на Юге. Работа по отправке мобилизованных шла спешно, хотя нас, мобилизованных, было много—не только из Питера, но из Москвы и других губерний.

Пробыли мы, кажется, всего полтора часа. Получили документы, командировочные деньги и военное обмундирование. Я попал в партию из 30 чел., которую направляли в г. Балашов, Саратовской губернии. Таким образом, мы попали не на чехо-словаков, а на донских белых казаков. Признаться, нас это особенно не обескуражило, так как многих привлекал и Юг с его огромными, ровными степями, а бороться с контр-революцией нам было все равно где. Нам объявили, что мы отправляемся сегодня вечером с Рязанско-Казанского вокзала, до вечера же можем быть свободны. Мы решили переобмундироваться по военному и походить по Москве.

Обмундирование выдали, к несчастью, очень неуклюжее, рассчитанное на самых здоровых и крупной комплекции людей. К большинству из нас, особенно к тем, кто не был в армии, в том числе и ко мне, оно подходило, походящему выражению, как „к корове седло“. Нас это несколько смущало, и мы успокаивали себя тем, что сегодня уедем, а там на фронте, в чем угодно ни явись—все равно. Громко ударяя о панель своими огромными ботинками, изредка задерживались мы кучками в 3—4 человека у трамвайных остановок. Частенько со стороны элегантно одетой публики, принимавшей нас в таком одеянии за беспартийных красноармейцев—из крестьян, задавались такие вопросы:

— Правда-ли, что чехо-словаки подходят к Москве? Говорят, уже большевики хотят бежать из Москвы. Все приготовлено, не сегодня-завтра сдадут столицу и т. д.

Мы, конечно, как могли, возражали болтливым обывателям, и такие „ожидающие“ скоро прикусывали свои языки. Зато рабочие и работницы с затаенной боязнью и ненавистью к врагам Советской власти, расспрашивали о положении дел на фронте, сообщали, сколько ушло на фронт с их фабрики, завода, как они сами не знают, что делать—оставаться ли работать, или тоже итти братья за винтовку.—Мы подбадривали друг друга и любовно, по-товарищески, прощались. После таких разговоров нас еще больше щемило сознание грозной опасности, сами мы горели нетерпением скорее лететь дальше на линию огня. Паническое настроение обывателя и скрытая радость буржуазии по поводу советских неудач, боевое настроение рабочих масс пролетарской столицы—вот та обстановка, в которой приходилось работать рабочему правительству.

Перед самым отъездом нам удалось побывать на концерте-митинге Союза трактирных служащих, где товарищи нас чествовали и, ободряя, разжигали наш боевой пыл. В этот день мы забыли обо

всем личном—о своих родных, о невыполненных делах, о брошенном, почти-что на произвол судьбы, имуществе. Наши мысли были заняты фронтом. С таким-же чувством мы садились в вагоны на Рязанском вокзале.

Прежде всего в вагонах познакомились друг с другом. Потом затаили революционные песни,—ими наш вагон выделялся во всем поезде. Все обращали внимание, подходили, спрашивали:—что за люди?—и получали в ответ:—„едут питерские коммунисты на фронт“. Гордое „питерские“ внушало к нам особое уважение решительно в глазах всех встречных. Ибо, действительно, велика была любовь всех трудящихся к городу, в котором родилась и победила революция, где зародилась Советская власть. После нам приходилось не раз встречать на Юге со стороны рабочих и крестьян самое почтительное, даже „благоговейное“ отношение к Красной Северной столице, со стороны же буржуазии и белого офицерства лютую ненависть.

Поезд наш из Москвы отошел поздно вечером. Шел, правда, он быстро. На утро мы уже ехали по земле Рязанской губернии, где появились первые признаки близкого Юга—большое количество хлебных продуктов и фруктов на станциях, цены на которые, чем дальше мы ехали, тем становились все дешевле. После высоких питерских они были сказочно дешевы. Наголодавшись в Питере, мы начали раскошелиться во всю. Каким большим наслаждением было с'есть хлеба столько, сколько хочется. Да еще попробовать огурцов и хорошего мяса, которого мы так давно, кроме конины, не видали! Всем ехавшим особенно тяжело было переносить 1918 г., когда многим не удавалось по неделям есть хлеба, а больше питаться селедками да сухими овощами. В разговорах, песнях, за чтением захваченной с собой литературы, мы незаметно проводили свое время. Пред нашими глазами менялась картина природы. Все реже и реже попадались леса, все чаще расстилались равнины полей с большими и малыми деревушками, которые своим видом во многом отличались от наших северных деревень, особенно когда мы в'езжали в Тамбовскую губернию. Жадно дышали свежим воздухом и весело посматривали наши товарищи в открытые окна вагонов. Среди нас были такие, которые родились в Питере и все время до мобилизации прожили в нем и ни разу в своей жизни не видели такого вольного простора. Им особенно было интересно смотреть, как перед глазами открывалась иная жизнь, которую они раньше не видели и знать о ней могли только из книжек.

В своем вагоне мы только чувствовали первые впечатления.

Поэтому незаметно проходило время, хотя с Рязани мы начали витать более медленно.

Недалеко перед Козловом мы имели достаточно чувствительное переживание, можно сказать, своеобразное боевое крещение. На станции Хоботово с нами произошел такой комичный эпизод. Двое наших ребят, — один из них высокий детина, путиловец Иванов, — поссорились с красноармейцами заградительного отряда. Последние отбирали от спекулянтов мануфактуру, но квитанций никаких на отобранное не выдавали. Наши заметили это злоупотребление, начали от них требовать квитанции, те упирались и начали вдобавок еще угрожать. Это подлило масла в огонь—слово за слово, и дело дошло до револьверов. Стрельбы никакой не было, но все же обе стороны держались за револьверы—на всякий случай. Однако, один из заградительных агентов побежал к начальнику отряда заявить, что „красноармейцев из отряда бьют какие то проезжие“. Тот, ни-что же сумняшеся, задумал показать поезду свою силу. Отдал приказ своему отряду выступить в боевом порядке на платформу вокзала, окружил наш вагон, куда скрылись спорщики, и открыл стрельбу в воздух из пулемета и винтовок. Вот была потеха смотреть на всю эту картину „битвы“ с 30 питерскими коммунистами, у которых, кроме револьверов, ничего больше не было! Правда, если бы дело скоро не разрешилось, то на выручку нам думала притти группа матросов из крайнего вагона в поезде. Начальник отряда, молодой бравый парень, с серебряным черкесским кинжалом за поясом, заставил всех нас выйти из вагона и сдать оружие. Большинство сдало, меньшинство припрятало. Дальше он, держа нас под наставленными на нас винтовками своих красноармейцев, большинство которых было венгерцами из интернационального баталиона, начал об'ясняться. Он принимал нас сначала или за вооруженную группу спекулянтов, или какую-нибудь своевольную часть, которая смела запротестовать против его собственного своеволия. Но, узнав по документам питерских коммунистов, едущих на фронт, он был смущен, знал, что это так ему не пройдет, и, что-бы скрыть свой конфуз, сначала гордо, потом вежливее, с меньшим задором, выслушивал наши смелые об'яснения. Сначала он требовал от нас выдачи обоих смельчаков, в том числе и приобретшего за дорогу популярность путиловского Иванова. Мы ни под каким видом не хотели выдавать, держали их в толпе. В конце концов, гроза прошла, нам возвратили оружие, разрешили ехать, отряд убрался с платформы, а из-под вагонов начали вылезать, от стенок вокзала подниматься — перепуганные мешечники и спекулянты. Об этом безобразном своеволии отряда, — отрывке партизанщины — против чего партия наша боролась, мы довели в Козлове до сведения высших военных властей. Революционная карательная рука, несомненно, призовет к порядку не в меру ретивых хоботовских молодцов.

Нам этот случай дал повод к новым разговорам и, под впечатлением пережитого, мы провели ночь в ожидании поезда на Балашов, в страшном, для проезжающих, Козлове (в этом большом узловом жел.-дор. пункте всегда была масса проезжающих).

6-го августа, рано утром мы выехали из Козлова. Уже подвезжая к Тамбову, мы стали чувствовать близость фронта—в пути попадались военные эшелоны с частями войск, повозками, артиллерией и т. д. Дни стояли все время солнечные, и орудия на платформах своим блеском так и говорили о происходящих где-то фронтовых схватках. Приблизительно в этих местах мы начали раздавать свою литературу, которая разбиралась нарасхват.

После Тамбова пошли уже настоящие степи и многолюдные южные села. Появился и пшеничный хлеб, арбузы, баклажаны, на которые стала набрасываться наша публика, позабыв ржаной хлеб, закупленный в Рязанской губернии...

А поезд все мчал и мчал нас вперед. Наконец, к вечеру мы приехали в Балашов, в нескольких десятках верст от которого уже шли бои.

Мы у цели.

II. Красновский период.

1. В Балашове. Командировка в Борисоглебск.

Балашов уже дышал жизнью прифронтowego города. Тут и там сновали красноармейцы, проезжали конные ординарцы, толкались со своим скарбом беженцы, спасающиеся от красновских белых войск. Краснов в это время был атаманом контр-революции на Дону. Пока двое уполномоченных от нашей группы ходили к тов. Подвойскому (председатель высшей военной инспекции) для переговоров о нашей судьбе, мы расположились отдохнуть на травяной площадке перед вокзалом. Здесь мы впервые выслушали рассказы о последних боях с красновцами. Особенно азартно рассказывал сидевший со своей женой бравый кавалерист, который, только на „часочек“, выполняя поручение, заехал в город повидаться со своими. Он не без хвастовства рассказывал, как часть, в которой он служит, именно отряд Киквидзе, разбила недавно белых, сколько уничтожила их, как далеко прогнала. Говорил о подвигах казачьего полковника - большевика Миронова, который был грозой для Краснова, ибо Миронову удалось привлечь на свою сторону часть казаков.

Наши посланцы не заставили себя долго ждать и минут через 20 вернулись, об'явив, что распределять нас будут завтра, а ночь мы можем переночевать на мельнице, в версте от вокзала.

Рано утром мы были уже в поезде Подвойского. Просто одетый, высокий, с серьезным сосредоточенным выражением лица, он с нами товарищески поздоровался, в кратких словах передал инструкцию— как держаться коммунисту на фронте, в заключение разбил нас на три группы. Я попал в третью группу, которая направилась в Борисоглебск.

Каждой группе Подвойский кратко обрисовал состояние района, в который она направлялась. Про наш Борисоглебский район было сказано, что поработать в нем придется много, ибо в нем формируется несколько запасных частей; сам Борисоглебск, как фронтовой город, имеет большое значение, и лучшая постановка военной и

гражданской работы там будет непосредственно отражаться на фронте (Поворино-Новохоперский участок).

Назначение на должности мы должны были получить на месте в агитационно-вербовочном отделе военного комиссариата. Получив все такие указания, мы двинулись за литературой для раздачи в дороге; кстати у Подвойскаго ее оказалось очень много. Получив литературу, мы немного прождали поезд. Он состоял из одного классного вагона и нескольких платформ со снарядами и патронами. От Балашова до Новохоперска было всего 100 верст с небольшим. Дорога шла степями. По обе стороны ж.-д. полотна открывались огромные поля с готовыми снопами пшеницы, рядами скошенного проса, гречихи, спеющим подсолнечником. После петроградской голодухи обилие неубранного хлеба пленило наш взгляд, укрепляло в нас бодрость духа. Изредка по пути попадались нам села, и мы из окон вагона бросали газеты, воззвания, брошюрки, которые населением быстро расхватывались. Местные крестьяне почти поголовно были настроены против красновских казаков. Много их и пожилых, а в особенности молодых, уже дралось на фронте в красных рядах. Особенно нас поразила картинка гражданской войны, когда мы проезжали село Пески. Еще версты за две нам стали встречаться вооруженные винтовками группы крестьян, потом и настоящие цепи. Оказывается, недалеко шел бой, мы уже слышали глухие отклики орудий. Крестьяне защищали полотно железной дороги и свое родное село от белых, ибо последние могли-бы во время боя зайти в тыл передовым нашим частям. На самой станции вооруженных крестьян было несколько тысяч. Часть их вытянулась цепью вперед в сторону Поворино, взяв несколько южнее железной дороги. Часть на станции еще ожидает распоряжений. С фронта получились тревожные вести,—противник заставил красные части отступить, бой уже шел в 3—4 верстах, и вот по колокольному набату собрались крестьяне на помощь красноармейцам для защиты родного села, которое по числу населения не уступит другому уездному городу (22.000 человек).

Еще издавна, между ними и соседними казаками (здесь проходила граница Воронежской губернии и Донской области) была вражда из-за земли. У казаков ее было очень много, они в свое время отхватили от крестьян и теперь излишки ее сдавали в аренду за высокую плату. Революция сулила крестьянам прибавку земли, поэтому и выступили они за свое кровное против сознательных и бессознательных прислужников царя. Все они были сурово задумчивы, за некоторыми плелись их жены, дочери, сестры и невесты, которых кто упрашивал, а кто и просто гнал вернуться домой. Мало еще было дисциплины и военного порядка у этой местной четырехтысячной вооруженной крестьянской массы. У них было

большое желание биться за Советскую власть, но многие еще плохо владели оружием. Когда мы впервые увидели это пестрое воинство, нам сразу вспомнились отряды Красной Армии под Гатчиной и Царским Селом в ноябре 1917 г. в борьбе с Керенским. Теперь Керенщина с монархическим оттенком образовалась на Дону и пыталась играть роль палача молодой Советской власти. Крестьяне Юга и Дона, обиженные помещиками и казаками, инстинктивно почувствовали в Советской власти защиту, они надеялись что только она может осуществить их давнишние заветные чаяния, вот почему они во время летних работ схватились за винтовки. Нас они встретили на станции с криками „ура“. Мы их в свою очередь приветствовали от имени Красного Питера, что еще больше приподняло настроение. Литературу же они разбирали чуть не вступая в драку, стараясь каждый получить советский листочек.

Когда мы тронулись дальше, нам вслед еще долго, из тысячи крепких крестьянских грудей, несло „ура“, эхо которого далеко отзвучивало в степи, доходя до фронта, где оно наших прибадривало, врагов озадачивало, — все говорило о прибывшем подкреплении Красной Армии (обычно „ура“ кричалось вновь прибывающей части). Чем дальше мы отъезжали от села Пески к Поворино, тем явственнее доносились до нас орудийные выстрелы. На первом разезде железнодорожный сторож сообщил нам, что только полчаса назад в 1½ верстах от жел. дор. появлялся белый разезд. Сейчас казаки нападают на Поворино, ибо, по словам жителей, был приказ Краснова взять узловую станцию Поворино и Борисоглебск. Машинист хотел испугать нас заявлением, что иногда разезды белых останавливают поезда. Но мы, уезжая на фронт, рисковали всем и к встрече с белыми приготовились, хотя, кроме револьверов и нескольких бомб, ничего не имели. Но к нашему счастью все обошлось благополучно. В полночь мы были уже на Поворино, где узнали о последних результатах боя. Красновцы уже близко подходили к Поворино. С нашей стороны очень храбро дрался Литовский полк. Белых удалось отбросить.

Один раненый товарищ, севший в вагон доехать до Борисоглебска, вел шуточные рассказы про бой с белыми, в особенности про китайцев. Оказывается, в этом районе было несколько батальонов, сформированных из китайских рабочих, которых судьба забросила в Россию во время империалистической войны. Все они храбрые вояки, но одного не выносят — сабельного блеска. Казаки учли это обстоятельство и в солнечные дни перед атакой помахивали обнаженными пашками по воздуху. Тогда на китайцев находил панический страх, и они давали тягу в высокие подсолнухи. А так, вообще, китаец-красноармеец храбр, не отступает перед пулеметным дождем и лихо дерется.

В Красной Армии, помимо китайцев, были латыши, венгерцы, немцы, представители разных национальностей, с преобладанием, конечно, русской—это была подлинно интернациональная армия для защиты молодой Социалистической Республики. Впервые мы здесь познакомились со зверствами белых, которые с пленными и ранеными жестоко расправлялись. От этого товарища мы узнали, что судьба Борисоглебска, куда ехали, решалась накануне, белые уже были в 7 верстах, их отбили при помощи местных железнодорожных и заводских рабочих, которые единодушно взялись за винтовки и выступили на линию фронта, чем спасли положение. Словом, от раненого красноармейца мы многое узнали из военной жизни этого края, слушали его, пока он не устал и не заснул. Мы тоже заснули и не заметили, как приехали в Борисоглебск, в тот город, с которым связано так много воспоминаний и в котором пришлось пережить так много успехов и неудач нашей Красной Армии.

2. Первоначальная работа в Борисоглебске и кое-что из истории возникновения гражданской войны.

В первый же день приезда в Борисоглебск я был, как и большинство товарищей, направлен в казармы местного гарнизона. Красноармейцы гарнизона состояли почти все из местных тамбовских крестьян. Народ несознательный, плохо поддающийся дисциплине, с большой примесью кулацкого элемента. Политическую работу среди таких красноармейцев приходилось вести с большим упорством, и сначала она поддавалась очень медленно.

Мы пользовались каждым удобным моментом, чтобы устроить митинг или лекцию. Темы докладов или лекций обычно были такие: 1) почему мы воюем, 2) что такое Советская власть, 3) кто такие коммунисты-большевики, 4) религия и Советская власть, 5) чем должна быть Красная Армия (цели, дисциплина, честное поведение) и т. д.

Слушали внимательно, даже задавали вопросы. В свободное время, которого у нас было много, мы ходили по помещениям казарм, вели беседы, раздавали газеты и брошюры, следили за порядком, особенно следили, чтобы не было картежной игры на деньги, против чего велась жестокая борьба. Велась нами борьба и против посещения казарм женщинами, которые, под видом родных и знакомых, пытались приходить в казармы к красноармейцам. Командный состав частей состоял из тех бывших офицеров, которые не успели еще сбежать к Краснову. Они были привлечены к работе, как военные

специалисты. К нашей политической работе бывшее офицерство относилось безразлично. Большинство из них свою работу рассматривало, как неизбежное зло, и Советской власти в душе не сочувствовало. Комиссары частей были хорошие ребята из местных коммунистов-рабочих, работали они энергично. Гарнизон состоял из трех родов оружия: были артиллерийские, кавалерийские и пехотные части. Формированию запасных частей в Борисоглебске красным военным командованием придавалось большое значение, отсюда в значительной части отправлялись пополнения на фронт. За двухнедельное пребывание в казармах мы организовали приличную библиотеку-читальню и устроили несколько вечеров. Трудность нашей политической работы осложнялась плохой постановкой санитарного и снабженческого аппарата. Снабжение по началу в Красной Армии действительно было особенно плохим. Хлеб выпекался сырой, от него заболели желудки. Красноармейцы, в большинстве из крестьян, не особенно любили чистоту и порядок. Приходилось их приучать к порядку. Вот в таких-то неблагоприятных условиях, коммунисты в гарнизоне, опираясь на тонкий слой рабочих и передовых крестьян, перевоспитывали остальную серую массу крестьян в сознательных бойцов Красной Армии.

Работая в гарнизоне, мы одновременно заинтересовались работой местной партийной и советской организации, ибо на это толкали нас и интересы фронта, поскольку Борисоглебский уезд является большим поставщиком продовольственных и фуражных ресурсов. Укрепление всех местных организаций было нашей прямой задачей. Они же имели много недостатков, работа протекала вяло. Мы собирались несколько раз, обсуждая вопрос о переустройстве в первую очередь партийной организации на питерский лад, и нам этого удалось достигнуть.

Влияние в партии питерцев стало настолько велико, что на одном из очередных собраний, при пере выборах уездного комитета, прошло от нас 5 товарищей. Местные коммунисты в лице питерцев видели более развитых и опытных товарищей, почему мы и пользовались доверием и авторитетом. С притоком новых сил работа Борисоглебской организации быстро подвигалась вперед, число членов с 700 человек возросло до 1500, много волостных и сельских ячеек возникло на территории уезда, помощь фронту стала оказываться гораздо больше—за спиной Красной Армии мы упрочивали тыл.

Во время знакомства с местной организацией нам удалось узнать кое-что из истории возникновения гражданской войны.

До февраля 1918 г. в Борисоглебске была еще власть земства. Совет Р. и К. Д. хотя и существовал, но там все время было засилье меньшевиков и эс-эров. В декабре 1917 г. на весь город было только 13 большевиков. Только с приходом демобилизованных

солдат из армии и появлением матросских отрядов, число большевиков увеличилось в несколько раз, и февральский уездный Съезд Советов постановил взять власть в свои руки. Городская управа с земством, имея поддержку в лице кавалерийского полка старого времени и среди местной буржуазии, думала еще сопротивляться, но перевес силы был уже на стороне большевиков. Кавалерийский полк был обезоружен, Совет имел свою артиллерию и вооруженные отряды. В уезде, в больших волостях, как-то: Мучканской, Сукмановской и других имелись тоже вооруженные отряды в несколько десятков человек, а иногда они переваливали и за сотни. На местах стихийно организовывались Советы, отбиравшие власть у волостных помещичье-эс-эровских земств. Земля и имущества помещиков явочным порядком захватывались крестьянами.

Во всем этом процессе первоначального зарождения Советской власти в Тамбове было много от анархии. Были случаи, когда происходили схватки вооруженных большевистских отрядов с большевиками-же. Так, например, огромное село Мучкан, Борисоглебского уезда, где сидели большевики, не хотело по каким-то незначительным причинам подчиниться распоряжениям из Тамбова. Последний немедленно выслал батальон красноармейцев с артиллерией, и была начата настоящая осада села. Хорошо, что жертв при этом было мало. Одной из причин, как выяснилось, была излишняя подозрительность наших товарищей, которые видели в некоторых действиях большевистских ячеек на местах провокаторскую работу контр-революционеров или анархистов.

Конечно, было и это, но не в такой сильной степени. Словом, в Борисоглебском уезде, как самом южном в Тамбовской губернии, процесс перехода власти к Советам затянулся на 4 месяца, и проходил в своеобразной обстановке беспорядка, стихийного разгула, при полном почти отсутствии опытных руководителей. Сама масса бурлила и строила свой быт, как умела. Причем, процент пролетариата был здесь очень незначителен по сравнению с крестьянством. Помещики, буржуазия и часть активных кулаков, хотя и охваченные паническим страхом перед большевистской революцией, все-таки иногда оказывали сопротивление молодой власти, устраивая заговоры, восстания, распространяя различные провокационные слухи и ведя погромную агитацию. Вот при таких-то условиях пришлось в феврале 1918 г. брать бразды правления в свои руки Борисоглебскому Уездному Исполнительному Комитету и пролетарским организациям города, от беспомощной управы и земства. С первых же дней существования нового исполкома, ему пришлось все свое внимание сосредоточить на борьбе с контр-революцией и изыскании продовольствия для Красной Армии и голодающего центра.

В начале марта вспыхнуло восстание буржуазии в соседних городах Балашове и Новохоперске, где она не хотела платить контрибуции. Пришлось из Борисоглебска посылать для подавления отряды и артиллерию. В это-же время приезжали делегаты от красных частей казачества из станицы Урюпинской с просьбой прислать им на поддержку против юнкеров-казаков артиллерию. Последней Борисоглебск был богат — число пушек у него доходило до 24. Имея жел. дор. сообщение с Царицыном, узловую станцию Поворино, откуда, кроме Царицына, шли дороги в Харьков и Пензу, Борисоглебску приходилось своим вооружением обслуживать все ближайшие места. Так, в конце марта и начале апреля отряд с артиллерией, вместе с Царицынскими отрядами, посылался на подавление кадетского восстания в Верхне и Нижне-Чирскую станицы 2-го Донского округа. Буржуазия оказывала сильное сопротивление. Едва только кончили там, как подняла голову контр-революция недалеко по соседству — в Хоперском округе.

В первых числах апреля, казачий прапорщик Дудаков сформировал отряд из белых офицеров, реалистов и гимназистов и взял центр округа — станицу Урюпинскую и захватил даже несколько советских работников. Дудаков вообще на севере Дона положил начало гражданской войне, в то время, как на юге Дона ее начали Каледин и Краснов.

Как только были получены первые сведения о занятии Урюпинской станицы Дудаковым, из Борисоглебска были посланы 2 роты пехоты, пеший и конный отряд милиционеров с бронепоездом. Дорогой к этим вооруженным силам присоединились отряд анархистов в 200 человек, и Поворинская комендантская команда. Словом наших сил было в 2 раза больше Дудаковских. (Дудаковский отряд насчитывал 500 человек при 40 пулеметах). К тому-же красным перевес давала артиллерия. После короткого боя с Дудаковым, удалось его выгнать из Урюпинской за реку Хопер. К месту боя прибыли на подкрепление из Балашова еще два полка и Борисоглебские военные силы вернулись домой. В начале 1918 года вооруженные схватки на севере Дона были незначительными и настоящего фронта не было ни с той, ни с другой стороны. Война гражданская только еще начиналась.

Между прочим надо сказать несколько слов о чехо-словаках. Часть их эшелонов двигалась через Борисоглебск на Балашов в конце февраля и начале марта месяца. Тогда они только еще готовились к своему выступлению, но все-таки в пути, пользуясь отсутствием крупных военных сил на юго-востоке России, они уже делали, что хотели. Борисоглебск счастливо отделался от них консервами местной фабрики. Чехо-словаки удовлетворились подарком в виде нескольких вагонов консервов и спокойно проехали дальше.

В мае месяце из Москвы было привезено 3 вагона снарядов, 10 пулеметов, 100.000 винтовочных патронов, бомбы и вагон телефонного имущества. С таким подкреплением борисоглебцам пришлось идти своими силами для подавления восстания юнкеров и казаков на ст. Лог и хутор Логовской, по близости у Царицына.

Кроме Борисоглебских сил в 1200 чел., там были Кирсановский отряд, Шацкий в 1200 чел. и другие. Фронт против юнкеров-казаков здесь растянулся на 42 версты. Командовал красными силами, получивший впоследствии известность, казак Миронов. Через 1½ месяца Борисоглебская армия вернулась обратно домой.

Наконец, участие Борисоглебцев в отдельных партизанских боях с контр-революцией выразилось в посылке 2-х рот пехоты с артиллерией и 2-х эскадронов кавалерии под командой Славченко, на подавление вспыхнувшего в июне мятежа в г. Тамбове. В мае и июне несколько раз Борисоглебку угрожала непосредственная опасность от Дудаковско-Красновских банд. В подкрепление постоянных военных сил, приходилось призывать к бою всех рабочих и отбивать всеми силами свой родной город, — в котором твердо уже укрепились Советская власть.

В мае и июне через Поворино и Борисоглебск с Украины стали проходить отступающие, под напором немцев, части советских партизанских отрядов. Прошел Киквидзе, Сиверс, Петров, Маруся-анархистка и много других. Большинство их шло под Царицын, для защиты от казаков этого важного промышленного и торгового города; Петров прошел на Кавказ, где и погиб под Баку, Киквидзе и Сиверс заняли участок фронта на северо-востоке Донской области против Красновских банд. Все они заезжали в Борисоглебск, требовали финансов, продовольствия и Совет сколько мог — помогал. Порою снабжение не удовлетворяло храбрых партизан, и они арестовывали исполком, занимали его помещения, осуществляли своеобразную „диктатуру“ в городе. Через некоторое время исполком освобожден из-под ареста и дело как-нибудь кончалось миром, либо требовавшие понимали, что нельзя получить больше, чем дано, либо еще какая-нибудь доля выкраивалась их отрядам из Борисоглебских уже скудных запасов. Были и такие случаи, когда горсть представителей власти заставляла красных партизанов быть вежливыми и сговорчивыми. Так, однажды, когда отряд Сиверса выносит уже пулеметы из здания исполкома, член его, т. Мордвинцев, обвешенный кругом бомбами и с двумя в руках готовыми к бросанию, ворвался в середину рядов отряда Сиверса и командовал: „если вы, товарищи, сейчас же не внесете пулеметы в исполком, я брошу бомбы, пусть сам погибну, но и вы не уйдете! Согласны или нет? Я считаю: раз... два...“ Последнее „три“ ему не дали прокричать — закричали: „согласны!“

Подобных курьезных случаев было не мало в то время.

Прибавьте к этому ряд восстаний и брожений среди мобилизованных тамбовских крестьян (среди которых очень много кулаков) из-за нежелания служить. Восстания надо было усмирять агитацией и вооруженной силой, и вы поймете, как приходилось бодрствовать Борисоглебскому пролетариату, красноармейцам и большевистской части крестьянства. Революционно-карательные экспедиции Борисоглебска для подавления контр-революции, его собственная оборона от нее, подавление внутренних мятежей дает нам яркий пример разыгравшейся великой социальной борьбы, которая вспыхнула на всем пространстве необъятного Российского государства.

Небольшие окраинные города в значительной части одни поддерживали некоторые только что образовавшиеся фронты. В частности, Борисоглебск выставил на поворинский фронт свой 1-й Социалистический полк, артиллерийский дивизион, а после и другие части. В августе месяце Советская власть повела новую атаку на своих врагов. В деревнях она стремилась организовать Комитеты деревенской бедноты для похода против кулачества с целью выкачать у него хлебные излишки. В лице Комитетов Бедноты в августе-сентябре 1918 г. в Борисоглебске Советская власть начала сильно укрепляться. Гражданская же война все более разгоралась. Красная армия требовала все больше пополнений и материальных средств. На это была направлена работа нас, питерцев, и надо сказать—мы ее выполняли добросовестно. За время первых месяцев работы было несколько контр-революционных заговоров.

С участниками их разговор был короток—расстрел. Иногда приходилось выдерживать и сильное брожение кулаков и необузданной анархически настроенной массы, угрожавшей существованию власти и нашего фронта.

3. Восстание унтер-офицеров в Борисоглебске 4-го сентября 1918 года.

Всего за несколько дней до восстания в Тамбовской губернии случилось несчастье. Назначенный для нее военный диктатор Саянов, побывав в Борисоглебске, совершил предательство: он захватил несколько миллионов денег и улетел на аэроплане в лагерь белых. Такие случаи предательства командного состава из старых офицеров в то время наблюдались очень часто. Имел ли какую связь перелет Саянова к белым и его короткая остановка в Борисоглебске, с унтер-офицерским восстанием—установить это не удалось, но восстание все-таки началось вскоре. Главными зачинщиками и действующими лицами мятежа 4-го октября были только

что мобилизованные унтер-офицеры. Подстрекателями и руководителями же являлись эс-эры и кулаки. Унтер-офицеров было призвано около 1.000 человек, да еще примкнуло к ним посторонних дезертирствующих 500 человек. Связь восстания с Красновскими бандами намечалась в плане мятежников, — захватить Борисоглебск и соединиться с бело-казачьим фронтом.

Началось восстание с митинга мобилизованных унтер-офицеров у казарм первого Борисоглебского пехотного батальона. На этом митинге была формулирована программа мятежа из таких пунктов погромно-белогвардейского характера:

1) Удалить из Советских учреждений всех жидов (всего в Борисоглебском исполкоме на 15 членов был один еврейской национальности т. Лемберг — зав. здравотделом, 2) проконтролировать все Советы, 3) переменить весь командный состав, дав командные должности призванным унтер-офицерам, 4) распустить Чрезвычайную Комиссию (ЧЕКА) по борьбе с контр-революцией, преступлениями по должности и спекуляцией. Были и другие лозунги, самого спутанного и кулацкого свойства. Митинг начался утром и продолжался несколько часов. Во время митинга группа унтер-офицеров, в 200 человек, у стоявшей по близости пулеметной команды захватила 14 пулеметов, у артиллерийского дивизиона 2 трехдюймовых орудия, которые доставили для пущей важности на митинг.

С утра того же дня на митинг Уездным Комитетом партии и Военным Комиссариатом были посланы агитаторы и ответственные работники, чтобы уговорить унтер-офицерскую массу. Мы настолько были наивны и доверчивы тогда, что даже отпустили на митинг Уездного Военного Комиссара т. Воробьева.

Конечно, им там не дали говорить, быстро арестовали и препроводили в один из предназначенных для них барачков, в ожидании скорого суда. Пока мы посылали делегацию за делегацией на митинг к мятежникам, те уже выбрали себе военного руководителя, командиров и свой Исполнительный Комитет, который должен на случай победы быть их правительством.

Вскоре мятежники набрались смелости и приступили к действиям. Прежде всего они предъявили требование о добровольной сдаче Военного Комиссариата и Чрезвычайной Комиссии. С нашей стороны последовал отказ, хотя мы сознавали, что перевес сил был на стороне мятежников. Из верных частей у нас была комендантская команда, небольшой отряд Чрезвычайной Комиссии и несколько десятков вооруженных коммунистов. Другие части гарнизона под влиянием агитации мятежников колебались, вследствие чего мы считали лучше не выводить их из казарм на улицу. Но за то у нас было большое упорство защищать город и уверенность, что среди

мятежников не будет большой организации и сплоченности. К тому же, вырвавшись из под ареста несколько наших товарищей, во главе с военкомом, воспользовавшись оплошностью стражи мятежников, рассказали нам, как их приговорили к расстрелу, хотели приговор привести ночью в исполнение и как пагубно, по их мнению для фронта и Советской власти, отдать город унтер-офицерам, — необходимо всеми силами разбить их. Мы решили немедленно действовать против мятежников, сообщив о восстании командующему местным участком фронта, который был всего в 25 верстах, прося его прислать помощь. Во время переговоров с унтер-офицерами я был в Военном Комиссариате и не видел там паники, за исключением 2-3-х перепуганных из командного состава. В 2 часа дня нам был пред'явлен последний ультиматум мятежников, после чего начались военные действия. Мятежники открыли огонь из орудий по Военному Комиссариату и Чрезвычайной Комиссии. В то же время цепи бандитов двинулись с окраины города к центру. Для усиления своих рядов они освободили всех заключенных из тюрьмы, гауптвахты и концентрационного лагеря, причем половина всех освобожденных были уголовными преступниками.

Наша редкая цепь караульного батальона и Чрезвычайной Комиссии не могла долго сдерживать противника, который брал своим количеством и богатым захваченным вооружением. Перестрелка цепей была непродолжительной, после чего „верное“ нам войско частью разбежалось, частью сдалось противнику, и небольшая часть присоединилась к коммунистическому отряду, охранявшему Советские учреждения города. Противник, наступая, беспорядочно бухал по городу из артиллерии. Окраина города, откуда стрелял противник, была недалеко от центра. В центре города на площади, против мятежников, с нашей стороны был выдвинут испорченный, недвижимый броневик с двумя пулеметами и укреплено здание Чрезвычайной Комиссии, где всего оставалось шесть человек во главе с храбрым питерским рабочим Ник. Суворовым (членом коллегии Чека).

Мятежники, во что-бы то ни стало, задались целью овладеть зданием Чрезвычайной Комиссии и броневиком, который своими пулеметами наносил им большой урон. Подвезя орудие на близкое расстояние, они залпами начали стрелять по броневикам и зданию. Пулеметчики броневика вскоре были ранены и один красноармеец, отвинчивавший замки у пулеметов, был убит. Броневик умолк, но зато обильнее осыпали восставших два пулемета из окон Чрезвычайной Комиссии. Мятежники еще усерднее начали посылать в „проклятую Чеку“ снаряды. Им удалось один пулемет с человеком засыпать обвалившимся от снаряда простенком и частью потолка, другой пулемет нашим храбым товарищам (осталось их всего 5 защитников)

пришлось перетащить для работы по защите проходов на лестнице. Один проход весь был забаррикадирован, другой открыт, в него то и кидались озверевшие от ярости, а некоторые и от самогонки, унтер-офицеры, но каждый раз оставляли на месте раненых и убитых. Наконец, они принуждены были отступить.

Обескураженные беспримерной стойкостью защитников Чека, мятежники ринулись к находящемуся по близости Военному Комиссариату. Там оставалась к тому времени только одна телефонистка, которая в разгар обстрела здания Чрезвычайной Комиссии, все время переговаривалась по телефону с осажденными в ее стенах. Она даже помогала своему пулеметчику в обстреле беспорядочных яростных рядов мятежников (Военный Комиссар со штабом в это время переехал для успешности действий против мятежников на станцию, имея под рукой рабочую организацию железно-дорожных мастерских).

Неподалеку от Военного Комиссариата, на Советской улице, (бывшей прежде Дворянской) на охране исполкома и партийной организации, был еще, под моим руководством, небольшой коммунистический отряд. Мятежники без труда взяли здание Военного Комиссариата с отважной телефонисткой, которой, к счастью, удалось скоро заговорить им зубы и таким образом легко отделаться. Дорвавшись до пустого большевистского штаба, унтер-офицеры дали волю своим рукам, позабыв необходимость развивать в дальнейшем свой успех. Они ломали шкафы, обдирали со столов обойку-сукно, разбили несгораемый пустой, но запертый, денежный сундук. Между тем они могли бы при достаточной организованности и смелости в это время без больших жертв занять не только первую, но и вторую половину города со всеми другими, более важными, учреждениями.

Но получив ошеломляющий отпор от Чека, они ожидали получить такой же в остальных учреждениях, особенно в исполкоме и Коммунистическом клубе, где помещался вооруженный отряд коммунистов в 25 человек. Конечно, они не знали о нашей малочисленности и предполагали здесь столкнуться с нашими главными силами. Отдельные разведчики мятежников пробовали подходить близко, но нам удавалось ружейным огнем их отгонять. Они не решались идти атакой на нас, ибо атака требовала больших жертв, а ни один унтер-офицер не хотел умирать, предвкушая скорое ограбление всего города. Посему, они ограничились только жестоким обстрелом из артиллерии и пулеметов нашей главной Советской улицы. Шрапнель и гранаты тут-же рвались на мостовой и город стонал от сотрясения орудийных взрывов.

Пока мятежники возились у Чрезвычайной Комиссии и Военного Комиссариата, дело клонилось к вечеру. С фронта к этому времени успел подойти бронепоезд и броневик. Бронепоезд из тяжелых орудий

начал обстреливать казармы мятежников, где помещался их тыловой штаб и арестованные. От первых же выстрелов все оттуда разбежались. Грохот тяжелой артиллерии деморализующе подействовал на настроение противника, унтер-офицеров об'ял панический страх за будущее. А тут еще прибывший с фронта броневик, с командующим тов. Ролько, врезался в их ряды на Базарной площади, обстреливая из своих пулеметов и принося ободряющую весть о скорой вырубке посаженным 5 чекистам. Наступила ночь, а мятеж еще не был ликвидирован, орудия беспрестанно стреляли, наводя жуть на обывателя. Пулеметы трещали каждый раз, как только кто-нибудь из наших перебежал Советскую улицу. На площади пылали огромные костры, на которые уходили многие лавченки базара. Вокруг костров шли совещания унтер-офицерской орды.

Наступающая ночь сулила им полную неизвестность на завтра. Среди нас не было тоже полной уверенности отстоять город до завтра. Были сомнения: что, если ночью не придет подкрепление с фронта и мятежникам удастся захватить весь город? Что, если придется пережить позор отступления? Такие мысли и сомнения появлялись у нас, коммунаров, когда мы со сжатыми в руках винтовками всматривались во мраке осенней ночи в сторону бандитов.

Тов. Савин Николай (тов. председателя исполкома), только что вернувшийся из Новохоперска отправился на разведку к Военному Комиссариату и оттуда больше не вернулся. Мятежники узнали его, схватили и зверски убили. Мы не знали еще тогда о его смерти, а только догадывались, что наверное с ним случилась беда. Для демонстрации противнику нашей силы (о, если-бы он знал, какая она была небольшая, то наверное не остановился-бы!), мы посылали поближе к его расположению разведки, которые тревожили его короткими обстрелами.

Так тянулось до полуночи, пока не пришел на помощь Красный 1-й Донской кавалерийский полк. В боевое столкновение с унтер-офицерами сразу он не вступил, ибо вступить в бой ночью кавалерии с пехотой в незнакомом городе, значило бы понести огромные жертвы. Поэтому, полк ограничился об'ездом нескольких смежных улиц и остановился на одной из них ночевать до утра... Однако, один только факт прибытия с фронта кавалерии—оказал паническое действие на восставших. Паника в рядах унтер-офицеров, поднятая прибытием большевистской кавалерии с фронта еще усугубилась пленением их военного руководителя—Родикова. Последний, окруженный эскадром, ночью под'ехал к вокзалу станции, которая находилась в наших руках. Родиков не озаботился раньше взять станцию в свои руки, и по легкомысленности и самоуверенности думал, что большевики в смертельном страхе давно освободили этот важный пункт обороны. С чувством победителя и вновь испеченного „вождя“

кулачества, вошел Родиков в телеграфное отделение вокзала и отдал такой приказ служащим: „Я, новый военный руководитель города, приказываю вам без моего ведома не принимать от представителей старого исполкома и большевистских начальников никаких депеш; все получаемое здесь передавать только мне!“ В это время на телеграфе находился наш комендант города, тов. Попов, с отрядом.

Пока тов. Попов говорил с мятежным главкомом, часть остальных товарищей, заметив конвой, обстреляла его из винтовок. Унтер-офицерский отряд, не ожидавший такого сюрприза, позабыл о защите своего Главкома, и оставив на месте несколько раненых, поскакал к главным силам с донесением о несчастье. Главные же силы были в состоянии полного разложения. Под грохот своих орудий и треска пулеметов мятежники, словно воры, боясь наступающего дня, на заре быстро разбежались в соседние села, казармы и по частным домам. На утро мы без боя заняли Базарную площадь и казармы, пленив остатки мятежников. На месте унтер-офицерского фронта остались 4 человека убитых и 9 раненых с нашей стороны, мятежники же своих раненых увозили неизвестно куда; жертв у них было значительно больше.

Отголоски мятежа донеслись только до соседнего, расположенного в 7 верстах от города, села Чигорак, где утром бежавшие унтер-офицеры собрали сход и выбрали свой новый Совет, просуществовавший всего несколько часов. В дальнейшем судьба мятежников сложилась так, что все они, за редкими исключениями, были переловлены, преданными Советской властью частями или сами добровольно являлись для сдачи. Из захваченных активных руководителей мятежа пострадало только 42 человека, остальным дано помилование.

Большие села, расбросанные недалеко от города, их не поддерживали. Наоборот, к утру из некоторых сел готовы были к выступлению советские отряды из коммунистов, крестьянской бедноты и волостных отрядов красноармейцев. Особенно быстро спешил к городу со своим отрядом в 250 человек один из первых местных большевиков, видный продовольственный работник, старый вояка, тов. Саврасов. Быстрое осведомление уезда о мятеже было обязано орудийному эхо и широкой телефонной связи, которую восставшие позабыли уничтожить или захватить в свои руки, так как она находилась в занятой ими части города. Если бы мятежники продержались до утра и дальше повели бы борьбу, то несомненно развязка грозила бы быть очень кровопролитной и печальной. Но благодаря отсутствию идейности и сплоченности восставших, нашей твердости и помощи с фронта, мятеж был так скоро, и сравнительно дешево, ликвидирован. На наших войсках мятеж мало чем отразился, разве только еще больше укрепил сознание красноармейцев в том, что сражаясь на фронте, нужно быть зорким и к ближайшему тылу. Белые же

донские газеты захлебываясь от злорадства писали о мятеже, пытались приободрить дух своих казаков и офицерства. Борисоглебская буржуазия, за исключением эс-эров, не имела времени войти в сношения с восставшими и принять участие в мятеже. Рабочие, бедняки и середняки-крестьяне были против мятежников, ибо они кроме грабежа и убийств ничего не могли принести.

Поражение унтер-офицерского мятежа в Борисоглебске выбило всякую почву для противосоветских восстаний. Население имело наглядную возможность убедиться в твердости нового строя, который нельзя уже поколебать даже такой внушительной по численности силе, как 1500 унтер-офицеров, с орудиями и пулеметами.

4. Фронт и ближайший тыл Борисоглебск-Поворино-Новохоперского района.

С августа 1918 года, когда попытка красновцев захватить Поворино и Борисоглебск не увенчалась успехом, больших военных успехов или поражений, которые бы коренным образом изменили положение на фронте, до декабря месяца не было. Разве только стоит отметить занятие в октябре соседнего небольшого городка Новохоперска, который был скоро отбит обратно. Вообще Новохоперску за гражданскую войну больше всего доставалось—он занимался белыми 13 раз, Борисоглебск же только три раза.

В данном случае его занятие сопровождалось ожесточенностью и наглядным выяснением борьбы классов. При отступлении наших войск, коммунистов и большинства рабочих, буржуазия от радости встречи со своими так обнаглела, как никогда раньше. Она бросала в отступающих бомбы, стреляла из окон домов и с крыши. Несколько попов втащили пулеметы на колокольни своих церквей и смертоносный огонь с „дома молитвы“ пускали по рабочим и крестьянам. Все это хотя несколько усилило панику среди наших частей, но зато укрепило в них решимость жестоко отомстить палачам народа и провокаторам, углубляло ненависть к своему классовому врагу. Много захваченных в плен красноармейцев было расстреляно белыми, часть раздета и выпорота шомполами (любимое наказание белых тем, кому они хотят оставить еще жизнь). Особенно сильно пострадала Московская бригада, которая лишилась своего храброго командира, тов. Ражицкого.

Еще можно отметить сильную схватку с белыми 28—29 ноября под Повориным на фронте 14 Стрелковой дивизии. Силы белых на этом участке были пополнены переведенными частями из под Царицына, где все атаки белых потерпели неудачу, а отчасти пополнения пришли из запасных частей. Краснов еще раз отдал при-

каз, во что бы то ни стало, взять Поворино и Борисоглебск. Ему нужно было до зарезу иметь в своих руках Поворино, как узловую станцию и имеющий большое значение для фронта Борисоглебск, чтобы обеспечить себе железнодорожные линии, идущие от Поворино на Царицын в одну сторону, и в другую на Лиски, закрепитесь на станциях и прилегающих городах.

Большим несчастьем для Донской контр-революции было то, что север Дона был отрезан от юга (все ключи—узловые станции Поворино, Лиски, Царицын были в советских руках), с другой стороны, кроме занятых Калачевского, Богучарского и части Бобровского уездов, красновцы не имели в своих руках районов с преобладанием крестьянского населения, где они могли бы принудительными мобилизациями увеличить свои силы до размеров, обеспечивающих полный разгром большевиков. Вот почему были так понятны ожесточенные многочисленные атаки красновцев на Поворино, Лиски, Борисоглебск.

28 ноября Краснов предпринял еще одну из таких атак. После ожесточенной схватки, оставив на месте массу своих убитых и раненых, он вынужден был отойти. В этом бою особенно отличились: славный Курземский полк и латышские части. Последние у станции Алексиково были окружены многочисленными сотнями казаков. Но храбрые латышские стрелки не растерялись, приняли бой, разбили на голову противника и пробились к своим. Из командного состава в этом бою отличились, в особенности, начдив т. Ролько, который на броневике ворвался в тыл красновским частям, внося панику и неисчислимы жертвы. Правда, до конца боя ему не удавалось вырваться опять к своим, из-за своей храбрости он мог бы оставить дивизию без начальника, но в Красной Армии геройски всегда сражались и политработники-коммунисты. Заведывающий политическим отделом Поворинского участка-фронта рабочий Егориченко, видя что начдив отрезан, сам вступил в командование и с честью в первых бсевых цепях выполнял взятое поручение до поражения белых. В результате такого героизма красноармейцев белые 3 недели собирались с силами к новому наступлению на Борисоглебск. (20 декабря 1918 г. красновцами на две недели был занят Борисоглебск).

В остальном до этого момента боевые операции на фронте ограничивались мелкими стычками и небольшими сражениями с переменным успехом. Линия фронта никогда не была постоянной, она колебалась на границе Донской области с Воронежской и Саратовской губерниями. (Тамбовская губ. с Донской областью граничит на протяжении 25 верст через Воронежскую землю).

С нашей стороны было больше войск и орудий, но мало было военного опыта и мало преданных военных командиров. Причем

части, несколько потрепанные в боях, скоро заменялись свежими, которым приходилось привыкать к боям и к тактике противника.

У противника было меньше войск, но они зато были отборные из офицеров и профессиональных вояк казаков. Вначале, в рядах казаков было большинство стариков-бородачей, которые ополчились против „нехристей и недругов царевых“. В нашей же Красной Армии были исключительно рабочие, которые только начинали учиться военному искусству. Но за то на стороне Красной Армии была революционная сознательность, энтузиазм и твердая вера в победу трудящихся, чего не было у белых.

Белые выставляли затасканный, и потерявший уже свой авторитет, лозунг „Учредительное Собрание“. При этом у казаков к этому лозунгу, примешивался лозунг: „Бей коммунистов“, которых они считали—„лентяями, пастухами, босовиками, каторжниками“. А казаки, за редким исключением, жили зажиточно. Даже среди примкнувших к Красной Армии, многие жили зажиточно. Примкнуть последних к советским войскам толкнула ненависть к царскому режиму, тяга к свободе. Неудивительно поэтому, что среди красных казаков большей частью была молодежь. Казацкая молодежь и казаки фронтовики сначала, вообще, отсутствовали в красновской армии, за исключением офицерства, юнкеров, реалистов, гимназистов. Частью они примыкали к красным, или же оставаясь дома, сохраняли нейтралитет. Впоследствии же Краснов силой стал мобилизовать „нейтралитов“ в свои банды. Только в результате мобилизации в белых рядах седые бороды стали реже попадаться. Но не легко удалось Краснову уломать часть молодежи. Сколько провокации, и грязной агитации, сколько шомполов и расстрелов он сыпал на непокорных? Зато та казацкая молодежь, которая уходила в Красную Армию, шла с гордым сознанием бить „золотопогонников“ и защищать трудовую Советскую власть. Она составляла самую отважную часть нашей Красной кавалерии. Нередки были случаи, когда отец с сыном или младший брат со старшим встречались в бою, как враги из двух непримиримых лагерей.

Если среди казачества было мало сторонников Советской власти, зато все рабочие и крестьяне Дона были всецело за Советскую власть. В отличие от казаков они назывались „иногогородними“. Хотя они составляли половину населения Дона, но земли имели во много раз меньше казаков. И то арендовали больше казачью землю, т. к. пришли на Дон они значительно позже. Казаки к рабочим и крестьянам относились пренебрежительно, крестьян иначе и не звали, как „мужики“. Прав „иногородние“ не имели, как казаки, и жили обособленно от них. Вполне понятны поэтому симпатии „иногородних“ к Советской власти и Красной Армии, ибо они видели в них защитников своих интересов. Очень много „иногородних“ уходило

и в Красную Армию. Лучшая конница Буденного, Жлобы, группы Блинова и другие кавалерийские единицы наряду с красными казаками в большинстве имели в своих рядах Донских и Кубанских „иногородних“, порядочно было и шахтеров Донецкого бассейна.

Белые в свою очередь воздвигали гонения на советские семьи. Были случаи когда убивали и запарывали шомполами заподозренных в большевизме, конфисковали или сжигали имущество, облагали большими налогами, а иногда и выселяли из пределов родных селений в „Совдению“. (Так они величали Советскую Россию).

Если крестьянство и рабочие Донской области были против Красновского казачьего большинства, то нечего и говорить о настроении крестьян в соседней Воронежской, Тамбовской и Саратовской губ. Они все в подавляющей массе были против контрреволюционеров-казаков не только за то, что они имели много земли и шли против революции и Советской власти, но и за прошлую службу царю, когда по многим крестьянским спинам прогуливалась казацкая нагайка. Особенно памяты в этом отношении были годы 1905 и 1906. Пользуясь жестоким террором, белые еще умели создать себе на Дону прочный для себя тыл, но всегда, как только они вступали в крестьянские губернии, им приходилось высылать десятки карательных отрядов, восстания следовали за восстаниями, сочувствия им от крестьян, за исключением кулачества, не было.

Особенно сильны в 1918 году были восстания в Калачевском и Богучарском уездах, подавленные Красновым при помощи немецких войск. Восстания подавлялись с необыкновенной жестокостью: жгли до тла села и деревни, убивали все мужское население и частично отправляли в наказание на работы в Донецкие шахты, откуда большинство рабочих при белых сбежало. Донецкие шахты при белых стали каторгой.

Мне еще и сейчас очень памятно большое восстание в селе Никольском, Богучарского уезда. Подготовлено оно было хорошо. Повстанцам было назначено место, где собраться, но их предал местный священник. Он донес о всех планах повстанцев белым, те устроили засаду с пулеметами и в упор расстреливали двухтысячную толпу восставших крестьян. Немало крестьян оставляло свои семьи, в особенности фронтовая молодежь. Собираясь в лесах и оврагах, они составляли партизанские отряды и вступали в единоборство с противником или же уходили через фронт к красным. Из этих крестьянских частей впоследствии создалась доблестная Красная Богучарская 40-я дивизия.

Белые видя лютую ненависть к себе со стороны крестьян, ничуть не думали ее сглаживать. Зная, как злит крестьян возвращение царских порядков, они все-таки не придумали ничего нового,

как их восстановление. Так, вновь появились старшины, урядники, земские и т. д., которых крестьяне частенько убивали, за что получали на свои головы новые жестокости.

При таком настроении крестьян было бы глупостью производить мобилизации населения занятых белыми мест. Но они ее проводили. Самонадеянное офицерство, по примеру прошлых лет, привыкшее властвовать над серым мужиком „олухом“, „скотиной“ и т. п. думало, что наказаниями и воинской дисциплиной оно заставит воевать их за себя, выбьет из дурацких голов всю „большевицкую дурь“.

Мало кто из крестьян, однако, являлся на мобилизационные пункты белых, да и то лишь под влиянием жестоких преследований семей скрывавшихся. Убежал сын,—вешают или расстреливают отца, конфискуют имущество, а иногда сжигают целые села, из явившихся белые все-таки сколачивали части в такой пропорции: на каждые 35 человек крестьян, они ставили 15 своих офицеров.

Но это продолжалось до первого случая. Крестьяне в белой Армии, первыми начали переходить на сторону Красной Армии. Белых в тылу наших крестьянских губерний поддерживали только торговцы, помещики, духовенство и часть кулаков. Но их был ничтожный процент в сравнении с остальным советским населением. Были среди крестьян и недовольные „Комитетами бедноты“ и некоторыми мероприятиями Советской власти, но все-таки ее предпочитали власти белых. Поэтому тыл у белых горел, у нас же он был спокоен, брожение зеленых (дезертиров) в тылу началось только весной 1919 г.

Такое враждебное отношение к казачеству со стороны крестьян породило у большинства Красновских казаков желание прогнать большевиков с Дона, но не переходить границу его. „Мы будем, мол, жить порядками войсковыми, а мужичье пусть живет с большевиками“. Тут была политика выжидания. Некоторые надеялись, что придет время, когда население России разочаруется в большевиках и тогда без труда можно будет идти в Питер и Москву. Даже раздавались голоса за временный мир с Советским Правительством.

Но казачье офицерство и атаманы, отлично понимали, что и временный мир с Советским Правительством будет выгоден только последнему, ибо это облегчит ему задачу разгрома чехословаков, англичан на Севере и поможет укрепиться в тылу. Краснову не мало стоило хлопот, чтобы уговорить казаков переходить границу там, где они отказывались, чуть ли не бунтовали. Впоследствии, после разгрома Деникина, контр-революционное казачество, уцелевшее на Дону при Советской власти, в откровенных разговорах признало эту ошибку, которую оно относило на

счет своих вождей, особенно- же сваливало вину на прибежавшую в Донское логовище петроградскую, московскую буржуазию и помещиков, которые толкали казаков скорее истребить гидру большевизма „слуг антихристовых“, пугая тем, что большевики захватят их родные станицы.

Белогвардейские заправилы настолько вульгаризировали общественные стороны коммунистического государства, что говорили казакам: „Придут большевики, все отберут, всего лишитесь, даже жена твоя будет общей (сказка о социализации жен), сядут на твою шею пастухи, да босяки и будут понукать“. Вполне понятна, выросшая на почве грязной провокации, первоначальная ненависть большинства казаков к коммунистам. Она сказалась и во фронтовой борьбе.

В Красной Армии белые различали две части: добровольцев и мобилизованных. Добровольцев—как наиболее пролетарскую и сознательную часть рабочих и крестьянства, они считали большевиками, наиболее для себя ненавистными, поэтому в случае захвата в плен какой-нибудь части они требовали выдачи добровольцев, которых зверски рубили, стреляли или вешали. Летом 1918 г. они, вообще, всех красноармейцев считали добровольцами, что отчасти было правильно, а потому пленных не брали, а убивали на месте. Наши красноармейцы, в свою очередь, всех солдат белой армии считали за чистых контр-революционеров и тоже в плен не брали. Значит несколько летних месяцев 1918 г. борьба велась на почве взаимного истребления под лозунгом: „пленных не берем“. Напрасно было пленному просить пощады, ему оставалось только одно: умереть, или от собственной пули, или от пули противника.

Только с момента притока в ту или другую армию мобилизованных, появился обычай „брать в плен“, причем практиковать его начала первой Красная Армия. Рядовые казаки уже не расстреливались, уничтожению подвергалось еще только белое офицерство, пока приказом т. Троцкого и усилиями политработников удалось добиться сохранять жизни для всех решительно пленных. Расправы с пленными бывали как исключение и то в моменты, когда не было на месте комиссара, командира или слишком велика была озлобленность на жестокости белых.

В первую очередь, белые не щадили коммунистов и матросов, во вторую очередь—китайцев, латышей, евреев и вообще всех красноармейцев не русской национальности. И наконец, пощады не было остальным красным добровольцам. Они не удовлетворялись только расстрелами, а избиение обставляли самым зверским образом. Мобилизованных же они только раздевали, обмундирование отбирали себе (обмундированы белые вначале были плохо), частенько всем тут-же давали хорошую порку шомполами за соучастие с большевиками. После порки мобилизованные красноармейцы становились уже

более преданными большевикам, так что учение—порки—шло впрок не белым, а красным. А когда казаки обходились с мобилизованными ласковее, сманивали их в свои ряды, ставили больше в обоз, после же начали из них формировать и свои боевые части, хотя и ненадежные.

Но нередко были случаи поголовного истребления и мобилизованных. В Новохоперском уезде, под селом Троицким, в начале декабря, наши части обнаружили одну роту расстрелянную, частично с отрубленными головами, замершую и у каждого в застывшей руке была записочка „помилуйте, я мобилизованный“. Но варвары XX века не пощадили этих несчастных, почти всех крестьян, у которых пуля в бою вырвала командира-коммуниста шахтера Сиротина и они трусили, задумали сдаться на милость победителя. Обманулись и погибли не геройской, а трусливой смертью. Обычно, история расстрела белыми коммунистов и добровольцев-красноармейцев взятой в плен части или перешедшей на сторону противника, благодаря предательству командира-белогвардейца, совершалась так. Выстраивали всех красноармейцев в ряды и начинали отборку. Китайцев, евреев, большинство латышей узнавали по лицам и выводили из строя для расправы, на глазах у всех. После подавалась команда: „выдавайте, сукины дети, коммунистов и добровольцев, ничего вам не будет, а то всех перестреляем!“

Если же часть надежная, красноармейцы сознательные, комиссар и коммунисты приобрели всеобщее уважение—их всячески скрывали. В иных же случаях выдавал свой же командир или особо трусливые, или чем-либо недовольные на коммунистов одиночки-красноармейцы. В первом случае, коммунисты разделяли участь с остальными красноармейцами, подвергались раздеванию, порке, или посылались на каменноугольные Донецкие шахты, или выполняли приказание белых.

— А ну, теперь идите на все четыре стороны, да в другой раз не попадайтесь.

Куда же идти, как не обратно в Красную Армию? Во втором случае, они выходили из строя и с геройской решимостью умереть за Социалистическую Революцию, они становились перед белыми, бросали им смелые вызовы, подобно такому: „За что вы, золотопогонники, идете душить рабочих и крестьян? Казаки—зачем вы являетесь палачами в руках своих генералов? Советскую власть вы все равно не уничтожите,—нас много, всех не перестреляете“. Им не давали много говорить, привычная рука белогвардейца щелкала затвором или искала рукоятку шашки и коммунары падали с криками—„Да здравствует Советская власть! Будьте вы прокляты, палачи народа!“—пристреленными и зарубленными.

Малодушные среди коммунистов, которые отрицали принадлежность к партии и просили пощады, встречались очень редко. Подавляющее большинство, в момент опознания белыми, проявляло небывалое мужество и самопожертвование. Они с презрением смотрели в глаза смерти, ибо знали, что шли в бой с постоянным риском умереть за святое дело освобождения трудящихся, вдохновляемые великими идеями коммунизма. Своим героизмом и смелостью они иногда заставляли даже расчувствоваться белых зверей-казаков и были случаи, когда рядовые казаки у белых отказывались стрелять по коммунистам. Красноармейцы же, смотря на мужественную смерть коммунистов, наглядно учились, как нужно бороться за Советскую власть. Немало людей, видевших эти кровавые сцены расправ, впоследствии сами становились коммунистами.

Среди рабочего и крестьянского населения, под влиянием расправ с коммунистами, сочувствие к ним не падало, а еще больше росло. Под влиянием расправ с пленными и жестокого отношения красновских казаков к смежному крестьянскому населению, некоторые по близости села восставали, сами себе об'являли мобилизацию и начинали борьбу против белых. Так в начале декабря, крестьяне большого села Калмык, граничащего с Днобластью, на своем сходе постановили мобилизовать всех мужчин от 18 до 45 лет для борьбы с наступающими красновскими казацкими бандами. Вот отрывок из их воззвания к соседним крестьянам, поддержать борьбу с белыми:

„Крестьяне Калмыка горячо призывают всех крестьян Новохоперского и Борисоглебского уездов, а также рабочих пойти на борьбу вместе с нами против Красновских кадетов, которые грозят отнять свободу и жестоко расправиться с нами. Полно спать, пора действовать! Не надо дожидаться прихода казаков, когда бороться будет поздно. Поднимайтесь сейчас против золотопогонников!“

До 20-го декабря месяца призыв Калмыкских крестьян и Красной Армии борисоглебцы поддерживали тем, что давали своих сыновей в Советские войска, давали большое количество подвод, продовольствия и фуража, ибо в этот год уезд был особенно богат продовольствием. Многим беженцам из Дона давался приют в Борисоглебске и уезде, много агентов и тайных агитаторов отправлялось из Борисоглебска в Донскую Область, Богучаровский и Колачевский уезды, занятые белыми, чтобы вести революционную работу в тылу. Пользуясь наличием в Борисоглебске нескольких небольших, типографий, фронтовые работники и уездный Комитет партии печатали много воззваний и газет и отсылали на Дон. Для характеристики тогдашних воззваний я здесь привожу целиком одно широко распространенное воззвание к казачеству Борисоглебского Уездного С'езда Советов (от сентября 1918 г.).

ВОЗЗВАНИЕ К ТРУДОВЫМ КАЗАКАМ.

Братья казаки! Вот уже много месяцев, как льется братская кровь одурманенного красновской клеветой трудового казачества с русскими крестьянами и рабочими.

Ваши черносотенные царские генералы и офицера, кадеты, капиталисты, помещики и казацкие кулачки, получившие изрядное количество земельки от проклятого царского режима, натравливают и ведут вас на Советскую власть, на нас же, рабочих и крестьян. Они вам говорят, что Советская власть есть власть хулиганская, которую надо уничтожить, что эта власть отнимает законное имущество у населения и открывает гонение на церковь. Товарищи трудовые казаки! Мы вам открыто и честно заявляем, что Советская власть есть действительно наша трудовая рабоче-крестьянская и казацкая власть, мы её всецело доверяем и её будем защищать до последней капли крови. Ваши генералы и кадеты потому её хотят уничтожить и против неё восстать, потому что она отнимает у этих кровопийцев и угнетателей народа землю, фабрики, заводы, грабительское жалование, наконец, право господствовать и угнетать трудовые массы народные. Все это теперь идет в трудовые руки рабочих, крестьян и казаков, которые помогут трудовому народу устроить счастливую жизнь на основах свободы, равенства и братства, что называется социализмом. Враги народа—Краснов со своей сворой и кадетами — не хотят потери своих теплых, насиженных местечек, когда они во время царского режима—грабили, били народ, высасывали из него всю кровь. Они об'являют войну Советской власти и ведут казачество уничтожать в России власть рабочих и крестьян-бедняков. Они обращаются за помощью к иноземным немецким разбойникам, отдают им весь ваш хлеб и скот и за это получают оружие, направленное против вас же самих, когда вы отказываетесь служить, и против нас—мужиков, крестьян и рабочих России. Они отрывают вас от вашей мирной работы для борьбы с нами и падают с той и другой стороны братские жертвы.

Скажите, братья, трудовые казаки, неужели вы и дальше будете поддерживать Краснова, всю его черную контр-революционную свору, свившую свое грабительское гнездо на Дону. Неужели вы снова будете бессмысленно и преступно бороться против нас, таких же ваших братьев? Мы думаем, что нет. Мы призываем вас образумиться, восстать против власти Краснова, мы призываем прогнать всех его присных, таящуюся у вас на Дону контр-революционную гидру. Соединяйтесь с нами, организуйте у себя действительно народную казацкую Советскую власть! Помните, до тех пор, пока у вас на Дону не будет Советской власти—будет продолжаться борьба. Сотни и тысячи трудовых казаков положат свои

головы, запустеют ваши хутора, зарастет степь потому, что некому будет обрабатывать, и в награду вы получите царскую для себя власть с ее тюрьмами, виселицами и расстрелами.

Вас пугают также Красной Армией, называют ее шайкой грабителей и бродяг. Все это явная ложь. Наша Красная Армия состоит из рабочих и крестьян-бедняков, действительно честных тружеников, истинных защитников свободы и революции. Раньше правда, были некоторые грешки за отдельными красноармейцами, делали они недопустимые делишки, но теперь этого нет. Со всеми преступлениями ведется жестокая борьба. К преступникам применяются самые жестокие меры. Сейчас она является чистой и честной армией, готовой умереть за революцию.

Вам также говорят, что Советская власть, русские рабочие и крестьяне отберут от вас землю, это также, братья-казаки неправда. Земля от трудового казачества не отберется, излишки ее только отберутся у ваших кулаков-казаков, которые будут поделены между вами—казаками, между теми, кому ее не хватает, так что трудовое казачество от этого только выиграет.

Враги народа—рабочих, крестьян и вас, трудовых казаков, стараются не силой, так клеветой, подкупом и предательством опорочить в ваших глазах, братья трудовые казаки, Советскую власть и Красную Армию, чтобы легче вести на преступную братоубийственную войну. Мы вас призываем не поддаваться этой клевете, бороться с сеющими ее и твердо помнить, что мы, рабочие и крестьяне с Красной Армией, братья же вам казакам по крови и труду.

Уж много казаков переходят на сторону Советской власти и в ряды Красной армии, большое недовольство к Краснову и кадетам идет от казаков по всей Донской области. Казаки начинают просыпаться от спячки. Видит казачество, как правительство царского генерала Краснова вновь ведет к царскому режиму и начинает покидать его. Трудовые казаки поднимаются на борьбу. Уже образовался казацкий походный войсковой круг. В этот круг входят все честные трудовые казаки, которые не хотят идти вместе с кадетами, вместе с господами и помещиками, во главе с изменником Красновым, не хотят подставлять свою шею под их ярмо. У этого круга уже много тысяч честных казаков, которые добиваются только одного — это свободы, справедливости и воли для казачества.

С нами вместе уже давно Семиреченское казачество и большая часть Уральского. Вы, ничего, конечно, не слышите и не знаете об этом. Вас уверяют, что чехо-словаки забирают наши города один за одним, так знайте, что чехо-словаки уже разбиты. Казань и Симбирск, где они было засели, уже взяты Советскими войсками, Самара окружена и на днях будет взята. Те из чехо-словаков, ко-

торые еще остались живы, в паническом страхе бегут куда попало.

Неужели вы думаете, что можете одни победить всю Россию? Хорошенько подумайте об этом, казаки. Снимите с глаз повязку, мы вам не грозим, мы указываем только честный справедливый путь. Мы воюем с Красновым, кадетами и всеми помещиками, что облепили Дон, как стая саранчи. Был же у вас Каледин. Почему он застрелился? Да потому, что понял невозможность победы над Советской Россией? Так вы думаете, что Краснов победит? Нет, он только доведет вас до того, что постепенно вас всех до одного перебьют. Ваша кровь ему недорога. Ему дороги погони.

Братья, трудовые казаки!

От имени рабочих, крестьян и красноармейцев Борисоглебского уезда, как прилегающего к вашей Донской области, горячо призываем вас, восстаньте против кадетов и Краснова, переходите на нашу сторону, соединяйтесь с нами. Не дайте свершиться великому преступлению продолжения братоубийственной бойни и предательства Революции. Покажите себя действительно вольными казаками, а не подданными врагов народа, царских генералов. Пусть проснется в вас вольная казачья кровь. Пусть жестоко покарает ваша мозолистая рука всех врагов народа. Прочь они с дороги. Пусть они не мешают народу устраивать свободную трудовую социалистическую жизнь. Вперед, на борьбу! Скорее соединяйтесь с нами. От этого зависит успех нашего и вашего дела освобождения.

Пусть ни один среди вас не будет предателем трудового народа. Чем скорее соединитесь с нами, тем лучше для вас. Так немедленно же начинайте борьбу!

Да здравствует союз трудового казачества с трудящимися всей Российской Советской Республики!

Да здравствует казачья Советская трудовая власть!

Приводить здесь содержание других воззваний излишне, ибо содержание революционной Советской агитации читателю известно по всей газетной журнальной литературе 1918—1919 и. Интересно было бы также привести воззвания красновского командования того времени, но, к сожалению, их у меня не сохранилось.

Я только хорошо помню, что в них белогвардейцы твердили излюбленную свою ругань—„казаки, коммунисты забирают у нас все, большевики—лодыри и насильники, власти хулиганов, каторжников и жидов мы не хотим; мы, сыны Дона, хотим иметь только власть великой, неделимой, без анархии, с „законным порядком“ и прочее. Какой хотели установить белые генералы законный порядок, чита-

тель уже отчасти познакомился из написанного здесь, еще „больше узнает из описания занятия белыми Борисоглебска, из описания деникинского периода, что выявило наглядно все слабые и „сильные“ стороны белых. Больше же всего белые в своих воззваниях в 1918 г. и весной 1919 г. грозили всем красным и похвалялись, что за них идут союзники; скоро на помощь им придет 3 и еще сколько-то корпусов союзников и, наконец, они получают „страшные“ танки. Последним они несколько приободрявали себя; особенно это им было нужно после ухода немцев (вскоре после германо-австрийской революции в ноябре 1918 г.). Немецкие солдаты их, между прочим, брали на испуг такими разговорами: „как только мы уйдем, так сейчас-же к вам придут большевики“. Белым требовалась другая опора, и они ее нашли в лице союзников, которые хотя не прислали 3-х корпусов, но зато прислали обмундирование и оружие.

Красной Армии же не на кого было надеяться, кроме как на рабочих и крестьян России, да на революционное движение западно-европейского пролетариата.

Весть о революции в Германии и Австрии на фронте красными частями была встречена с энтузиазмом; последний поднялся еще выше при получении дополнительных вестей об успехах над чехословаками.

Конечно, нельзя отрицать в Красной армии 1918 г. и некоторых недостатков. В семье, как говорится, не без уroda. Были такие необузданные красноармейцы, которые, пользуясь общей ненавистью к белым казакам, порою забирали имущество их семей и держали себя очень грубо. Такие провинившиеся сурово наказывались Трибуналом и комиссарским составом, но это значительно портило отношение к армии со стороны широкого казачьего населения. Потом, в 1919 г. удалось это зло искоренить и армия пользовалась всеобщим уважением. Наконец, еще больший недостаток наблюдался в 1918 г. в слабости воинской дисциплины и партизанщине.

Иногда целые части вели бои на свой риск и страх, не подчиняясь общему командованию или по своему выполняя приказы. Даже такие прославленные красные полководцы донского фронта, как Сиверс и Киквидзе не могли частенько согласовать своих наступательных и оборонительных действий. Один из них бывало наступает, а другой сидит на месте и смотрит. Партизанщина породила некоторое недоверчивое отношение к соседним частям, ибо одна часть посмелее забежит слишком вперед, другие не успевают, ну и здорово тогда влетает от противника.

Немало трудов красным командирам и коммунистам армии потребовалось приложить, чтобы вытравить дух партизанщины на фронте и вести боевые операции в духе регулярной армии.

Каторжники, про которых писали белые, иначе бывшие политические ссыльные, как раз были самыми дисциплинированными, честными и боевыми элементами армии. Причем в составе Красной Армии, резко отличались по сознательности и поведению рабочие от крестьян.

Последние, пережив революционную стихию и беспорядочную демобилизацию, анархическое движение по железным дорогам и расправу с помещиками, вносили в армию некоторую анархичность, крестьянскую неуклюжесть, частично жадность и хищность, против чего рабочий состав армии, комиссары и коммунисты решительно боролись. В конце концов эти отрицательные стороны им удалось свести на нет, а Красную Армию, в результате упорного политического воспитания, превратить в самую образцовую армию в мире.

Маленькие же грешки, как проклятая отрыжка из наследственности старого капиталистического строя, на ранней поре жизни Красной Армии, историей простятся и возвеличится ее геройская защита, борьба за первую Социалистическую республику в мире.

5. Захват Борисоглебска красновцами 20 декабря 1918 года.

а) Бои за Борисоглебск.

Понесший поражение в конце ноября под Поворино, противник предпринимает новую попытку взять Борисоглебск. Красновскому командованию до зарезу нужна была какая-нибудь крупная победа, которой можно было-бы приободрить свои белые банды, начавшиеся уже разлагаться. Ему нужно показать свою силу красным, расстроить наши наступательные планы. Так возникло в половине декабря новое белогвардейское наступление. Только теперь противник бил не в лоб, как раньше столько раз неудачно, а пошел в глубокий обход, чтобы ударить с тылу. Для такого удара он собрал 3.000 с лишним сабель и некоторую часть пехоты, во главе с отрядом генерала Гусельщикова. (Эту белую экспедицию мы так и будем называть общим отрядом Гусельщикова). Гусельщиков прорвался через фронт в районе ст. Колоно и Таловой, 80-120 верст западнее Борисоглебска на юго-восточн. лин. жел. дор. Поворино-Лиски-Харьков, где был стык девятой и восьмой Красных Армий.

Гусельщикову не трудно было прорвать сравнительно слабые красные части на стыке двух армий. Одержавши успех, и оказавшись в тылу фронта, Гусельщиков быстро стал двигаться к Борисоглебску по направлению с северо-запада. Имея непосредственную задачу взять во чтобы то ни стало Борисоглебск, он даже не зашел в расположенный несколько южнее его пути г. Новохоперск,

оставляя его в наших руках. Быстро он двигался на огромные села Троицкое, Нижний и Верхний Карачаны. Здесь на пути ему оказала сравнительно слабое сопротивление прибывшая из Казани XI дивизия, которая в то время, имея большое пополнение казанскими татарами, нижегородскими и другими крестьянами, которые как следует еще не были подготовлены ни в боевом, ни в политическом отношении. Не мало людей из этой дивизии в то время сдалось противнику, дивизия сдала противнику еще раньше несколько орудий и около 60 пулеметов; репутация ее среди красноармейцев соседних частей и населения была крайне отрицательная; все восклицали с иронией „а, знаем XI дивизию!“ Встретилась она с Гусельщиковым к тому же страшно потрепанная предыдущими боями, причем часть ее еще находилась в Новохоперске.

Остановить Гусельщикова вполне понятно она не могла, а только несколько задерживала быстроту его наступления. Такую же задачу сдерживания и борьбы с казачьими раз'ездами на север и восток имели заградительные отряды и высылаемые из Борисоглебска отряды коммунистов. Серьезного боя дать противнику они не могли. Только одна часть составила исключение, дав сильный бой Гусельщикову и показала одно из изумительных геройств, которыми так богата была Красная Армия. То был прибывший недавно с Уральского фронта славный Сердобский полк. Имея в своем составе 550 человек, он под селом Троицким встретился с 37 и 38 Донским и Дундорвским офицерскими полками. Три красноармейские полка считались железными, но все таки сердобцы отбили атаку противника. Через три дня противник, оправившись от неожиданного смелого удара, подтянув свои резервы, повел еще раз атаку на сердобцев. Огромный перевес сил был на стороне белых.

С его стороны действовали 37, 38, 27 и 4 Донские полки, Дундорровский и Богучарский, да плюс дружины из пленных красноармейцев. У сердобцев же число бойцов к этому времени достигало 750 человек (двести человек подошли отставших в дороге). При этом у противника значительную силу представляла артиллерия, которой у сердобцев не было. Но несмотря на такой перевес сил красноармейцев, сердобцы, окружаемые со всех сторон белыми, не отступали, не сдавались, а вступили с ним в жаркий бой. Он длился несколько часов. Красноармейцы дрались, как львы. Некоторые роты успели выпустить по 19.000 патронов. Пулеметчики поддерживали строевых стрелков до последних патронов. Из винтовок и пулеметов моментами в упор расстреливали цепи противника. Горы трупов неприятеля выросли вокруг отдельных пулеметов. Были случаи, когда противник прекращал работу красных пулеметов, только заходом в тыл пулеметчикам, когда безумным смельчакам рубили руки и головы. Одному пулеметчику попала пуля в голову, валясь

на землю, заставляя рукой машинально работать пулемет, он успел еще прокричать: „бейтесь, товарищи, не сдавайтесь!“. И действительно красноармейцы бились с безумной храбростью. Но как бы не велика была их отвага и решимость, все таки они не могли одолеть превосходящей во много раз силы противника. Большинство сердобцев пало на поле сражения, небольшой только части в 150 чел. удалось пробиться сквозь кольцо противника и отступить в село Б. Грибановку (12 верст к северо-западу от Борисоглебска).

Больше серьезного препятствия не встречалось противнику до самой Грибановки. Он подошел к этому большому селу и важному стратегическому пункту 19 декабря. К этому времени, как раз ударили сильные морозы, что препятствовало нашей обороне. Не имея больших воинских сил в городе, мы выслали на фронт учебную команду Военного Комиссариата в 250 чел., отряд из коммунистов и рабочих: вторую часть коммунистов, способных носить оружие (еще 250 чел.), оставили в резерве в городе. Коммунисты и рабочие при 30 градусах мороза не могли долго задерживать противника. К тому же пулеметы и затворы многих винтовок замерзли от страшного холода, часть командиров у наших отрядов к тому же была не надежна. Гусельщиков в ночь на 20/ХІІ занял Б. Грибановку и утром двинулся на Борисоглебск, одной колонной по линии жел. дор., другой по большой столбовой дороге, тесня наши небольшие отряды. Мы запрашивали помощь с фронта и ждали с часу на час ее прибытия. В 2 часа дня получилась от командующего местным участком фронта телеграмма, в которой он писал, что „помощь высылается, город ни в коем случае сдан не будет, эвакуацию не производить“. Однако эта телеграмма партийный и Военно-Революционный Комитет на деле только спровоцировала. Эвакуация была отменена и через два часа противник входил в город. Случилось это так: фронтовые части не подоспели, последняя наша засада в монастыре в 2¹/₂ верстах за городом сопротивлялась недолго. Она боялась быть отрезанной кавалерией противника, которая подходила от чугунного железнодорожного моста реки Вороны, низиной вокруг города на соединение со второй частью наступающей по Б. Грибановскому тракту. Застава красноармейцев чугунного моста не обстреляла кавалерии противника, так как красновцы сняли с шапок и плеч белые ленточки и погоны и на вопрос: „кто едет“, отвечали: „свой“. Застава вполне поверила и пропустила кавалерию на милю на мост. Вот она то, да плюс невыносимый степной мороз заставил в 4 часа дня дрогнуть наши отряды у монастыря и на окраине города, часть из них разбежалась, часть отступала в город. Противник же с лесной возвышенности начал обстреливать город во всю и его части быстро двигались по пятам бегущих и отступающих. Только в этот момент Ревкомом дан был по телефону всем

учреждениям приказ об эвакуации; только в этот момент решительного обстрела я, как секретарь Партийного комитета, являвшийся одним из руководителей формирования рабочих отрядов, приступил к спасению партийных списков и бумаг. В это время как раз под'ехал к Парткому единственный кавалерийский эскадрон Уездного Военного Комиссариата, с храбрым и впоследствии совершившим многие подвиги политкомом тов. Переведенцевым.

Тов. Переведенцев крикнул мне: „скорее спасайтесь отсюда, казаки вот уже за двумя улицами“. Пули действительно начали шлепаться в окна и стены коммунистического клуба и соседних зданий. При мне, коммунистов оставалось только 7 человек. С большим трудом, но быстро схватили два сундука партийных бумаг и тронулись по Советской улице, которая была уже совсем пуста от народа. На фоне наступающего вечера, пустота улицы предвещала что-то зловещее. На выезде к площади, сажен 150 от клуба, наши сундуки соскочили, их приходилось на виду казаков поднимать. Противник по началу особенно не преследовал, продвигался ощупью, боясь засады в домах с одной стороны, а с другой—скопища вооруженных групп на площади. Главные же силы противника шли оврагом, который разделяет город со смежным селом по названию „Солдатское“. Выстрелы уже трещали повсюду. То группы вооруженных рабочих и коммунистов, оставляя убитых товарищей, отбивались от казаков и пытались сдерживать их натиск. На самой площади творилось что-то невероятное. Огромное число подвод ринулось по направлению к Чигораку, ибо через него лежал путь отступления на северо-восток.

Хаотическое движение подвод вносило страшную панику. Отдельные вооруженные люди бегали не зная, что делать: отступить ли, или оставаться в городе. Ибо никто не верил, что так скоро могли притти белые казаки. А враг, между тем подогреваемый спиртом, захваченным в селе Красненском на винном заводе, начал уже творить свою зверскую расправу с коммунистами, рабочими и мирным населением. Мне пришлось видаться на площади с частью товарищей из отрядов. Перекинувшись коротким словом, мы поняли, что поздно теперь защищать город, будут только лишние жертвы, надо побольше наших людей вывести из него. Нам удалось это сделать только в небольшой степени. Ибо в боевой обстановке, когда враг на лошадях быстро захватывал улицу за улицей, когда все двигалось и бегало, общей команды и правильной обороны не было, всякий начал стрелять и вступать в бой с противником, как мог и хотел—действительно трудно было дать общий сигнал действий. Правильная оборона затруднялась еще и тем, что буржуазия, почувствовав приход белых, начала стрелять во всех краях из домов и квартир. Но все-таки кто не попал в эти трагические

минуты под пашки озверелых белогвардейцев, тот или отступал на Чигорок, или на станцию, а оттуда по линии жел. дор. на Поворино, третьи пытались укрыться в городе. Учебная команда, эскадрон отступали на Чигорок, с длинной вереницей подвод. Конечным пунктом отступления было заранее намечено большое село и станция Мучкан (60 верст от Борисоглебска на северо-восток). Все таки большинству красноармейцев и коммунистов не удалось выбраться из города, противнику досталось очень много подвод с советским имуществом и товарами. Мне случайно удалось уйти из под носа казаков с партийными списками, которые нельзя сдать противнику, ибо по ним и готовым адресам он нашел бы всех решительно отважных коммунистов и их семьи (последним же все равно было воспрещено отступать).

Отстреливаясь от разведки противника, быстро мчались из крайних улиц подводы, ехала конная милиция, бежали пешие вооруженные и невооруженные люди, оглядываясь по сторонам, настораживаясь, как бы не задела шальная пуля из домов.

А в степи за городом начиналась уже вьюга. Страшный морозный ветер заметал дорогу, засыпал глаза, заставлял коченеть руки и ноги. Многим беженцам силы изменяли и они тут же падали, замерзали, ветер быстро заметал их тела. Других выбитых из сил подбирали на повозки. Иногда, в растянутом на многие версты обозе ломались сани, оглобли, рвалась от ненормальной езды сбруя, получался временный затор, который нервировал всех задних, они или об'езжали стороной виновников остановки или сталкивали их с дороги, оставляя повозки на произвол судьбы. Каждый, особенно из подводчиков крестьян, старался скорее от'ехать от города, боясь быть отрезанным казаками. Сделать это красновцам было бы очень легко; они или не догадались или боялись распылять силы—если не выслали на перерез дороги со стороны Грибановского леса ни одного отряда. Все наше отступление по внушительности подвод, по сильной вьюге и количеству замерзающих людей—во многом нам в то время напомнило Наполеоновский отход из России в 1812 г. Все таки положение отступивших было значительно лучше, чем отрезанных в городе, большинство которых было убито, арестовано, или пережило страшную картину белогвардейского террора.

Особенно тяжела была участь тех товарищей железнодорожников, которые отрядом в 80 чел. залегли цепью на Майской улице перед вокзалом. Казаки два раза пробовали прорваться, рабочие отбивались. Перестрелка длилась полчаса. Передовая сотня казаков, получив подкрепление, смяла цепь, часть рабочих смельчаков осталась на месте убитыми, часть поплатилась жизнью при бегстве, некоторым же удалось спастись в соседних домиках у знакомых. В 8 час. вечера весь город был богатой добычей в руках казаков.

Помощь с фронта пришла только на третий день. Несколько полков прибыли из Поворина и Калмычка, поддерживаемые огнем бронепоезда, повели наступление с южной стороны (слободка Станционная). Бой был упорный и кровопролитный с обеих сторон. Он длился до самого вечера. Часть оставшихся в городе коммунистов пыталась оказать помощь Красной Армии стрельбой в белые отряды из домов и чердаков. (Научились у буржуазии). Нескольким железнодорожникам коммунистам даже удалось на станционную водокачку втащить пулемет и посыпать белые ряды свинцовым градом с тылу. Но товарищи взяли несколько высоко прицел по противнику, ему был причинен легкий урон. Белым удалось скоро снять красный пулемет и изрубить смельчаков. Во время боя перевес готов был склониться то на сторону красных, то на сторону белых. Красной Армии удавалось переходить уже железнодорожное полотно. Но на участь исхода схватки повлиял и мороз, и резервы белых. Наши красноармейцы были плохо одеты, а в боевую цепь белых подошло подкрепление из местных белогвардейских офицеров и гимназистов. Это решило участь боя в пользу белых. Измученные, поредевшие наши полки отступили по южному направлению к Поворино, оставив город в 2-х недельное обладание белым разбойникам. При сдаче Борисоглебска советские органы и командование, вообще, наделали много ошибок. Первая ошибка была в том, что преступно запоздала помощь с фронта на два дня, когда расстояние по жел. дор. от Поворина до Борисоглебска всего было 25 верст, до ст. Грибановка 40 в. Вторая ошибка была в своей излишней самоуверенности, которая не позволила произвести эвакуацию заранее, чем можно было бы спасти больше имущества и избежать паники, так как обозы в линии боя всегда вносят панику. Третья ошибка заключалась в том, что мало вооружили рабочих. Например, жел.-дор. мастерские с 3000 рабочих совершенно не были задеты мобилизацией, они работали до вечера, до прихода казаков (80 чел. коммунистов жел. дор. из Ревкома борьбу повели перед вокзалом, по своему почину, на свой риск и страх). Четвертой ошибкой была непредусмотрительность уездных военных властей, которые заранее не обеспечили безопасность города резервными частями. Ибо фронтовой город без военных сил, да еще при наличии столь многочисленного противника должен быть хорошо обеспечен живой силой. К тому же план уличного боя и планомерного отхода из города не был как следует разработан. За эти ошибки мы очень дорого заплатились, но зато они научили нас, как на будущее время воевать с белыми. 14-ти дневное же пребывание белогвардейцев в городе вскрыло перед населением всю их сущность, дало оправдание нашей агитации, внесло разлагающий яд в ряды белых и заронило в голову каждого красноармейца и коммуниста сознание, что „с бе-

лыми биться надо решительно, умело, до полной победы". С одной стороны, мы понесли поражение, с другой, сдача Борисоглебска подготовила решительный нажим на белый фронт, который в феврале и январе быстро откатывался к Дону и Новочеркасску.

Теперь же остановимся на некоторых итогах пребывания белых в Борисоглебске.

б) Какие порядки установили белые.

Первым долгом контр-революционные блюстители порядков и частной собственности решили, как можно больше наделать беспорядка и как можно больше ограбить общественной и частной собственности. Посему ими были сорваны вывески и флаги со всех советских учреждений, поломаны шкафы, побиты стекла, ободрана мягкая мебель, перерезаны электрические провода во всех общественных местах. Особенному разгрому подверглись Профессиональные Союзы, в которых буквально все было перевернуто вверх дном и очень сильно пострадали культурно-просветительные учреждения. Спасатели „святой Руси“ и культуры, которую якобы попирают большевики, — красновцы, на практике, усердно старались разрушать все, что напоминало собою хотя бы видимость культурного достижения революционного периода. Даже в рабочем клубе не была пощажена простая мебель (большая часть поломана), изрезаны декорации и многие комнаты при них стали служить отхожими местами. Всякого рода общественные и, даже, небольшие частные магазины подвергались полному разграблению.

Но тут-то в полной мере и проявились хищнические инстинкты белой банды. Грабилось под чистую каждым, сколько сумел взять казак на руки или отправить к себе на хутора и станицы. Ограбив все советское, они начали шарить по квартирам советско-настроенных семей, на которых поступали доносы; забирали у них имущество. Заходили все равно и в квартиры совершенно нейтральных людей и забирали если не все, то часть понравившихся вещей. Обирали на улицах рабочих и тех из прохожих, кто не понравился казаку или офицеру. Снимали сапоги, командовали „ваши кошельки“, „снимай пальто“ и т. д. И несчастный гражданин не смог протестовать, он мог чаще всего безуспешно молить и соглашаться на дар „победителю“. Белые именно держали себя победителями не только большевиков, но и всего населения города. Награбленное они частью спускали за бесценок на открытом ими же, огромных размеров, базаре. Причем, продажу вели очень нечестно. От многих покупателей, получив деньги, забирали обратно товар,

перепродавали второму, третьему лицу и. т. д. Выплывшие на свободу торгаши, приехавшие из соседних сел, крестьяне, ругаясь, все равно покупали, так как была дешевая распродажа захваченного.

Лучшая же часть разграбленного белыми зашивалась в мешки, на мешках писались адреса станиц и хуторов кому получить, из обозов отряжались специальные подводы, которые везли раздавать добычу родственникам „лихих завоевателей.“ Когда им не хватило своих подвод, то они согнали тысячи две с окрестных сел, об'явив крестьянам, что надо ехать за английскими войсками, а сами накладывали мануфактуру, сахар, мебель и. т. п. и отправляли на Дон. После такого грабительства, не только все рабочие, еще глубже возненавидели белых, но даже обыватель и мещанин зароптал, разуверился в белых „избавителях“, стал проявлять свой местный патриотизм и тосковать по Советской власти. Когда прошел первый момент грабительского подвига, было приступлено к формированию „новой“ власти, т. е. иначе, к восстановлению старых царских порядков. Торжественно был выбран на собрании буржуазии городской голова, народный социалист Мягков, зять известного эссеровского террориста Бориса Савинкова, членами управы выбраны кадеты, несколько эсеров и один меньшевик (Булгаков). Гусельщиковым был назначен какой-то земский начальник из бывших помещиков. В ближних волостях — занятых белыми Пригородной, Чигоракской, Больше - Грибановской, назначены волостные старшины и писаря из торговцев и кулаков. Эта новая власть, конечно, несколько не заикнулась по поводу грабежа и разбоя белых в городе и части уезда, а принялась рьяно розыскивать конфискованное и реквизированное при Советской власти имущество буржуазии и кулаков.

Несколько видных борисоглебских купцов ходили по базару и самодовольно хвастались, что они все отыщут и отберут от мерзавцев, (т. е. рабочих и бедняков-крестьян) все до последней шляпы и трости. Рабочие некоторых мастерских не получая жалованья, пробовали обратиться к новой власти за деньгами и с просьбой оградить от грабежей и террора, на что следовал всегда грозный ответ: „Это вам не большевики, хамье. Кончилось ваше времечко, ваше дело теперь молчать и работать!“ Некоторых крестьян, которые пробовали не давать скот казакам, последние их как следует отпарывали нагайками, приговаривая: „мы не позволим возражать, это не при большевиках“. Как нельзя лучше это — „не при большевиках“, заставляло крестьян жалеть об ушедшей временно советской власти, которая тоже брала, но хотя более справедливо и не порола.

Пьянство среди белых носило стихийный характер. Целые ватаги пьяных белогвардейцев шатались по городу, охотясь за жителями.

Не знаю, насколько был верен разговор в населении, от казаков оно узнало, что будто-бы Гусельщиков за взятие Борисоглебска дал казакам право в течение 3-х дней делать, что хочешь. И, конечно, волю своим рукам они давали во всю. Начальство же поощряло дикие нравы своими приказами. Одним из таких приказов было расклеенное на стенах распоряжение о расстреле всех коммунистов, советских работников, комиссаров, жидов (евреев) и красноармейцев.

Из других знаменитых распоряжений белых этого времени следует отметить приказ о возвращении всем улицам старых названий. Коммунистический клуб вновь был назван дворянским. Комендант города, по требованию местной буржуазии, распорядился спилить арки, построенные во время празднования первой годовщины Октябрьской Революции, и сравнять бугор братской могилы, сжечь окружавшую решетку. Хотели даже вырыть трупы из могил и сжечь, но временно удовлетворились тем, что сравняли могилу с землей. Во всеуслышание они об'явили, что на арках будут вешать коммунистов и жидов, но сочли нужным и более удобным арки рубить, а свои жертвы расстреливать. Нарушив нормальную жизнь, протекавшую при Советской власти, они не внесли никакого порядка. Во всей жизни города красной нитью проходил дикий произвол буржуазно-помещичьей диктатуры. При таком положении, конечно, белые не могли надолго закрепить в городе, а тем более вызвать доверие к себе широких масс.

в) Аресты, убийства и расстрелы.

Всех подозрительных и неопознанных коммунистов, кого не решались убивать на месте, белые подвергали аресту и сводили в здание коммунистического клуба. Число таких арестованных переваливало за 3000 человек. Из них потом отделяли группы смертников, которых за городским садом, на окраине города, подвергали зверскому убийству. Назначение смертников происходило таким образом: евреев и латышей узнавали по лицам и наречию, прямо отводили, им пощады не было. Остальных коммунистов и советских работников опознавала особая комиссия, под председательством полковника, членами которой были видные представители Борисоглебской буржуазии и один бывший земский начальник. Полковник спрашивал фамилию арестованного, раскрывал позабытую в коммунистической столовой книгу обедающих да плюс дополнительный список коммунистов, который на память записали некоторые услужливые и догадливые буржуа. Во время проверки фамилий по записям и опроса полковником, мстительные буржуа зорко всматривались в лица арестованных и с ехидной радостью давали свое заключение, если на самом деле человек оказывался коммунистом или сочувствующим. Всех-же остальных, непричастных к коммунизму, отводили

опять в лоно арестованных; последнее превратилось в место грязи, пытки, голода и грубого издевательства белой охраны. Если сравнить содержание арестованных у белых, с содержанием их же у Советской власти, будь-то Чрезвычайная Комиссия или Особый Отдел (Военная Чека), то получалась огромная разница. Как бы мы ни ненавидели отдельного белогвардейца, своего классового врага, но смотрели на него все-таки как на человека, которого для пользы революции, может быть, нужно уничтожить, но все же нужно относиться к нему, как к человеку.

Тех из красной охраны, которые издевались над арестованными белогвардейцами, мы строго наказывали. У белых же, особенно во время пребывания их в Борисоглебске в декабре 1918 г., никакого контроля и суда над бесчинствами своей охраны не было. Охрана не только снимала сапоги, отбирала платье или деньги, но были случаи, когда белогвардеец зарубал шашкой или закалывал штыком того или иного непонравившегося арестованного. Очень немногим родственникам арестованных удавалось приносить пищу, чем поддерживалась жизнь несчастных. Каждый день несколько арестованных от истощения и избиений умирало, умершие не скоро выносились из помещения, оставались там вместе с живыми. Мне пришлось впоследствии разговаривать с некоторыми рабочими, которым счастье улыбнулось освободиться. Они о времени своего ареста вспоминали, как о чем-то мучительно страшном; такой жуткой картины невозможно было передать. Редко кто надеялся на то, что останется в живых, большинство ожидало смерти. Тех, кого не расстреливали и не освобождали, белые гнали пешим порядком в свой тыл, из них составлялись рабочие группы, которые в наказание за какую-либо причастность к Революции, посылались на работы в Донские шахты.

Теперь мне к этой картине положения арестованных, придется нарисовать еще более ужасную картину убийств, расстрелов, диких расправ с рабочими, красноармейцами и бедняками-крестьянами. Я приведу полностью статью, написанную мною по этому поводу 7 января 1919 г. (т. е. на 3-ий день по возвращении Борисоглебска в советские руки).

— Убитых очень много. Их еще не сосчитали, еще многие из них валялись кое-где на снегу. Они отыскиваются, складываются в одном месте. Но и тех, которые обнаружены, насчитывается несколько сот. Все они искалечены, имеют ужасный вид. Тут и коммунист, красноармеец, простой рабочий, китаец, латыш и крестьянин. Как производились расстрелы этих несчастных?.. Достаточно указать, что ты коммунист, чтобы тебя любой казак мог пристрелить или, чаще, зарубить на месте без суда и приговора. Так расстреляли двоих в театре по подозрению в принадлежности к коммунистам. Всех, кто не имел креста на шее, признавали за комму-

ниста, без различия и избивали самым зверским способом. Одной рукой они как будто-бы боролись за церковь-религию, а другой творили каиново дело. Несколько человек расстреляли за то, что они в театре плясали латышский танец. Белогвардейцы страшно не любят латышей, китайцев, евреев и прочих иностранцев, идущих за Советскую власть. Тех прямо приканчивают на месте. Обыкновенно история убийств происходила таким образом. Человека раздевают догола, обирают дочиста, а потом командуют итти, и после нескольких шагов расстреливают или зарубают. Рубка живых безоружных людей это, по словам белогвардейцев, лучшее упражнение в фехтовании. Убивают часто не сразу, в несколько приемов. Так иногда расстрелянный, получивший раны, вскакивал и бежал. Белые догоняли и зарубали окончательно. Один рабочий, получивший во время расстрела 4 пули, остался еще жив, успел пробежать с полверсты домой, откуда его снова взяли, повезли к своему коменданту, но дорогой добились. И так раздетые, голые трупы, еще некоторые полуживые, замерзали в судорогах на морозе и целыми днями валялись на улице. В богатых шубах и модных шляпах разгуливавшая в это время радостная буржуазия спокойно, с удовольствием, наслаждалась видом белогвардейской расправы со своим классовым врагом — трудовым народом. Из расстрелянных были несколько и женщин. Белогвардейцы поймали одну женщину-красноармейца. Она назвала себя, кто такая, и на их требование отдать оружие, ответила отказом. Повалив на землю, эти негодяи начали стаскивать с нее сапоги и одежду и потом расстреляли. Группу арестованных в шестьдесят человек они расстреляли, продержав голодными шесть дней под арестом. Печальна была картина этого расстрела. Стоны, проклятия умирающих неслись по адресу своих мучителей. Одному красноармейцу, пронизанному пулями, удалось встать на колени, и угрожая руками, прокричать: „будьте вы прокляты, хамы, все равно и сами погибните, наши победят“. Приведенный в ярость один офицер подошел и шашкой снес ему полчерепа. Официанта белогвардейский полковник расстрелял за то, что тот не угодил изготовить закуску.

Из одного госпиталя Борисоглебска красноовцы вынесли раненых красноармейцев, и совершенно голыми положили на снег, таким образом заставляли этих истрадавшихся людей, умирать медленной, мучительной смертью от мороза. Так расправлялись бандиты буржуазии со своим врагом — рабочими и крестьянами. Случалось и так: когда расстреливали несколько человек, то предварительно их обирали; получивших только раны заставляли снимать сапоги уже с убитых и потом уже была воля каждого негодяя помиловать раненого или прикончить на месте. Но особенно выделялся расстрел латышей. Красноовцы вывели их группу за горку, между рекой Вороной и городским садом, и перед расстрелом стали издеваться.

Тогда красные латыши не стерпели и, обезоруженные, имея крепкие руки, несмотря на усталость от 6 дневного голода, кинулись на тиранов. Завязалась борьба. Красновцы, имея оружие, рубили красным воинам руки, головы и расстреливали, как зайцев на охоте. Убийство людей было поистине им потехой, особенным наслаждением.

Недавно на одном дворе нашли женщину, зарезанную с двумя детьми. Отдельные убийства невинных женщин и детей были частыми случаями их зверской расправы, но следы их они старались замести.

Много еще жертв их зверства таит выпадавший в это время снег, который закрыл до весны много трупов. Ограбление денег было обычным занятием. После такой грабительской операции гражданина отпускали с напутствием: „иди, иди, пока жив; говори спасибо, что так хорошо отделался“. Каждый день утром и вечером, за все время нахождения белых в Борисоглебске население города было свидетелем групповых расстрелов; залпы выстрелов слышались в нескольких частях города.

Страшно смотреть на эти изуродованные груды тел. У многих нет совсем черепов, у других ног и рук, отрублено лицо, выворочено горло, зияет глубокая на груди рана от сабельных и штыковых поворотов. У всех строгие, окаменелые лица. У некоторых лица передернуты от тяжелых страданий, нечеловеческим, самым странным образом. Они навалены кучами на больничном дворе, как поленья дров. Невольно задаешь себе вопрос: неужели это делали люди, дошедшие до такого зверства, потерявшие всякое человеческое сознание... Да, они были таковыми. Белогвардейцы, красновские банды, подобно разбойникам и головорезам, беспощадно расправлялись с людьми, которые стихийно смели старый строй и героически, ценою смерти, защищали новый строй. Советская же власть убивала контр-революционеров после суда и следствия, окончательно убедившись в виновности врага. Но здесь же без разбору убиваются зверским путем люди, борцы, труженики земли, пострадавшие на ней за всю свою тяжелую жизнь и как бы в награду они умирали в страшных мучениях. Не даром даже старухи города стали называть их святыми и сожалеть, что этих святых армии труда будут хоронить без попов. Белогвардейская банда, своей расправой показала свои стремления к уничтожению в корне трудящегося населения. Не даром многие из них значение буквы „Г и П.“ на своих шапках признавали за лозунг „Гибель пролетариата“.

Если бы белые так скоро не отступили из Борисоглебска, то число жертв было бы значительно больше, если принять во внимание еще угрозу белых расстрелять каждого пятого из населения, чтобы выбить из него какой бы то ни было большевистский дух.

Местная же буржуазия всячески старалась разжигать ненависть к советски-настроенному большинству населения, для чего наряду с грязными доносами сочиняла всевозможные провокационные слухи. Так, например, она прожужжала в уши белому командованию, что в городе осталась Чека, не успела уехать, а посему надо искать чекистов, оцеплять целые кварталы, производить обыски и арестовывать новых заподозренных. Лозунгами буржуазии были: „Смерть всем коммунистам“, „Смерть всем советским“. Рабочие на все эти зверства отвечали по большей части негодованием и затаенной ненавистью к палачам, но находились и такие смельчаки, которые на белый террор отвечали красным. Так, одно время каждый вечер и ночь белые находили убитыми на улицах человек по 8—10 своих офицеров. С таким делом очень хорошо справлялись портнихи, которым когда-то было выдано карманное оружие. Часть коммунистов и красноармейцев, прятаясь по домам, нет-нет да и откроют иногда стрельбу по белым. Такая подпольная работа большевиков нервировала белых, одновременно запугивала и заставляла думать,—„а что будет, если красные нас заманят в ловушку?“ Конечно, расстрелы и издевательства все-таки продолжались.

Заканчивая главу о жертвах рабочего класса в борьбе за Советскую власть, я из многих сотен их не могу не отметить особо ярко выдлившихся товарищей:

Тов. Бегак, мужественно встретил смерть,—во время расстрела; последние его слова были: „был коммунистом и умру за коммунизм“. Все железнодорожные рабочие жалели т. Бегак, как человека-борца—он был начальником мастерских.

М. Андреев, председатель Союза поваров и официантов, погиб, испытав все ужасы переживаний вторичного расстрела; от первого расстрела его спасла счастливая случайность.

Сиворонов, украинский рабочий, бежавший от Скоропадского, видный работник Украинской Секции, пал, пронзенный шестнадцатью штыковыми ранами в грудь.

Тов. Агеенко, товарищ Председателя Уездного Исполкома, старый рабочий и коммунист, изуродован до неузнаваемости.

У каждого павшего в бою или зверски убитого, замученного до полусмерти белыми товарища есть своя история жизни и заслуг перед Революцией. Как образчик гибели и смерти от расправы того времени приведу смерть рабочего Сиротинина и мытарства крестьянина Трошина.

Тов. Сиротинин погиб смертью храброго воина. Окруженный превосходящими силами противника, как руководитель небольшого отряда коммунистов, он показывал пример своему отряду, посылая меткие пули, скашивающие противника, поднимая дух своими шутками и бодростью. Пуля, попавшая в голову, сра-

Зверски убитые и изрубленные рабочие, красноармейцы и крестьяне во время занятия гор. Борисоглебска, Красновскими войсками (100 человек коммунистов и 400 беспартийных).

20 декабря 1918 г. и 4 января 1919 г.

Зверски убитые и изрубленные рабочие, красноармейцы и крестьяне во время занятия гор. Борисоглебска, Красновскими войсками (100 человек коммунистов и 400 беспартийных).

20 декабря 1918 г. и 4 января 1919 г.

вила этого самоотверженного, старого борца рабочего класса. Тов. Сиротинин—рабочий-шахтер из Донецкого бассейна, прибывший из Украины в Борисоглебск весной минувшего года. Рано он начал тяжелую работу борьбы. С 1903 года он состоял членом большевистской партии. Принимая деятельное участие в революционном движении 1905 года, в движении украинского пролетариата, в борьбе его с буржуазной радой, не раз приходилось отведать и николаевских тюрем. Полна богатыми воспоминаниями была его жизнь. Представительный на вид, богатого физического телосложения, с крепкими мускулами рук, сильным голосом, он олицетворял собою типичную фигуру рабочего. Кто из рабочих Борисоглебска не знал т. Сиротинина! Он был аккуратным участником всех собраний, считал своим долгом на каждом выступить с своей, призывающей к рабочей борьбе и творчеству, речью. Правда, он был малограмотен. Он не был тем пролетарием, которого, из простого рабочего, долгая борьба, активное участие в рабочем движении делали интеллигентно-развитым рабочим вожаком. Но это не была его вина, а беда. Тяжелая жизнь, каторжный труд не дали ему возможности развиться. Но он был одним из тех рядовых чутких борцов из рабочих, которые составляют авангард революционного пролетариата. Преданный революционер—он погиб славной смертью героя на революционном посту. Такая же геройская смерть выпала на долю и остальных коммунистов его отряда в 30 человек.

Тов. Торшин—был председателем Комитета Бедноты Пригородной волости. Он, ничего не зная о нашествии белых в Борисоглебск, вечером 20 декабря находился у себя в комитете. Ворвавшаяся группа белых казаков, узнав, что Торшин—председатель Бедноты, с дьявольской радостью закричала: „ага! вот нам этих грабителей то и надо!“ Прежде всего от него потребовали денег, каковых не оказалось—затем сняли сапоги, раздели до нижней рубашки, сняли шапку и в одном белье, при 25 градусном морозе, повели по улице, выскивая удобное место, где бы его прикончить, предварительно хорошенько промытарив. Торшина долго водили по улицам, пока ему не представился счастливый случай спастись бегством из плена.

В Чигораке и Грибановке некоторым из бедноты пришлось заплатить жизнью. Рабочий умирал с крестьянином вместе за общее дело. Немногим счастливчикам, из приговоренных к смерти коммунистов и красноармейцев, удавалось спастись от озверелых белых банд. Их вывозила храбрость, присутствие духа и сочувственное отношение трудового населения.

Нефедов, пойманный белыми, когда группа офицеров и казаков вела его, как комиссара в штаб, вынул свой револьвер из-за пазухи и хотел застрелиться. Белые не дали, вырвали револьвер со словами: „Нет, собака, мы застрелим тебя сами!“ (Им особенное

удовольствие доставляло казнить комиссаров). В то время когда у Нефедова отбирали револьвер, он вспомнил о бомбах в своих карманах. Быстро выхватил одну и тут-же бросил на сажень от себя. Пользуясь минутой растерянности белых от взрыва, он бросился в один из дворов. Белые за ним, он бросил еще бомбу, перелез через забор и разными переулками, садами выбежал за город.

Тов. Янсон, начальник Снабжения Военного Комиссариата, пойманный стоял, охраняемый казаками, перед эскадроном отдыхающих лошадей. Один револьвер у него был отобран, но у него про запас в голенище был другой. Это навело его на мысль о побеге. Спасти при вечерней мгле было можно. Он выхватил револьвер, 2 раза выстрелил в казаков и шмыгнул под лошадей. Казакам нельзя было стрелять в пленника, ибо можно было убить лошадей. Они даже не успели уследить направления убежавшего, почему и не преследовали.

Тов. Шиффера, работника Совета Профессиональных Союзов, вели два казака по площади и остановились, затеяв перестрелку с каким-то из застрявших советским грузовым автомобилем.

Один казак отстреливался, другой караулил Шиффера. В это время между ними завязался разговор, Шиффер спросил казака: „товарищ, дай мне в последний раз закурить“.—Казак в ответ:—„Я тебе не товарищ и курить не дам“.—Тогда тов. Шиффер пустился на следующую хитрость. Зная религиозность казаков, он ему говорит:—„Так как я человек проклятый, то после расстрела буду преследовать всю твою жизнь“.—Казак удивленно сказал:—„Ну“. Шиффер подтвердил свою угрозу. Тогда казак смиловился и дал табаку. В это время пули с автомобиля посыпались еще чаще, казак потребовал отойти в сторону, за угол. Шиффер отказался, ссылаясь на то, „все равно что ему не жить, пусть когда угодно сразит его шальная пуля“. Казак же боялся за свою жизнь и пошел рядом за угол. Учтя момент Шиффер, с быстротой молнии, когда казак еще не успел оглянуться на свою добычу, был на противоположном углу, бежал дальше. После его два раза останавливали, но пускали, когда он заявлял:—„я беспартийный рабочий и уже обобран“.—Второй раз его все-таки разули, раздели и отвели в коммунистический клуб к арестованным. Ночью, подкупив одного охранника, Шиффер бежал от своей смерти и скрылся у знакомого начальника железнодорожного депо. Но немногим застигнутым коммунистам и красноармейцам удавалось так сказочно и счастливо убегать от озверелой банды офицерства и зажиточного казачества. Очень многие сложили свои головы.

г) Поведение буржуазии и соглашательских социалистов.

Видные купцы и прежние помещики, домовладельцы, частные предприниматели, разное царское чиновничество, духовенство с радостью встретили белых „избавителей“ от большевиков.

Вся Борисоглебская знать и все богачи отметили это тем, что на другой день гурьбой, в своих лучших нарядах, вышли приветствовать свое белое воинство. Они всей душой ненавидели большевиков и Советскую власть за отбор земель, лишнего имущества, собственности, уничтожение привилегий и, наконец, за самое страшное, а именно за то, что „большевики их работать заставляли“ принудительным порядком. Как не радоваться после этого буржуазии, когда у нее загорелась надежда к возвращению себе богатства и власти. Попы ненавидели большевиков за отделение церкви от государства, за лишение их чрезмерного числа земель. Они приветствовали вступление белых многократными службами и трехдневным колокольным звоном. Они вместе с буржуазией приняли участие в общем веселье. Это веселье протекало в буржуазных квартирах, где устраивались балы, куда приглашалось офицерство. Во всех театрах и школах устраивались балы, где веселилась вся знать и не было ни одного рабочего. Буржуазия и офицерство резко подчеркивали разницу между собой и рабочими с крестьянами. В то время, когда среди трупов революционеров, часть совсем невинных граждан, зверски изуродованных, голых валялась на улицах, когда справлялась кровавая тризна над несчастными-тружениками, в это время, опьяневшая успехом, буржуазия веселилась. Воистину, это был пир во время чумы. От этих разгулов она еще больше пьянела, требовала больших расправ. За это дело взялись ее сынки, поступившие в белые полки, их подстрекали дочери и возлюбленные— „не щадить чумазых и мужиков!“

В своем безумном ликовании она позабыла про возможность нового прихода большевиков. По городу пускала слухи, что белыми взят Петроград, Воронеж, в три дня будет взята Москва, „большевики проклятые больше не вернутся!“ Такой самообман вызывал в ней только ложное успокоение. Рабочих и крестьян буржуазия могла этим временно запугать, хотя большинство таким сказкам не верило.

Никаких митингов и агитационных собраний белые не проводили. Буржуазия не хотела даже на свой лад подражать таким большевистским порядкам. Она ограничивалась единичными разговорами, террором. Интеллигенция, вместо протестов против варварских разрушений и бесчеловечных расправ с безоружными, молчала, часть ее даже активно участвовала в праздновании общей победы.

Слово „товарищ“ было заменено словом „господин“. Первое признавалось ругательным и оскорбительным, и не мало доставалось обывателю шомполами и нагайками за это слово, которое привыкли произносить при Советской власти.

Некоторые учителя подбивали своих учеников старших возрастов поступать в белые полки. Во время пребывания белых, среди интеллигенции обнаружилось человек с пяток провокаторов, которые пробрались в коммунистическую партию специально для того, чтобы все выведать. Они втирались нарочно в доверие, чтобы лучше подрывать работу и предавать коммунистов. От красновской разведки на этот счет были даны специальные задания не только проходить в рядовые члены, но и стараться занимать ответственные посты. Но как ни сильна была дисциплина и контроль за членами в партии, все-таки отдельным белогвардейским шпионам пролезть удавалось. По их милости много людей было отправлено на тот свет.

Не отставали в этом буржуазном хоре желтые социалисты— „народные“, эс-эры и меньшевики. Я уже в одном месте упоминал, что наряду с кадетами они вошли в городскую управу. Из видных тамбовских деятелей, перешедших к белым, следует отметить эс-эров Сладкопепцева (председателя земской управы при Керенском), Бурцева (члена управы), лидера меньшевиков Булгакова и народника Мягкова.

В то время, как на улицах лилась рабочая кровь и над трудовыми массами творились дикие расправы и издевательства, меньшевики и эс-эры не протестовали, а духовно поддерживали красновскую банду; они лили грязь, клеветали на Советскую власть и большевиков, и этим оправдывали зверства белых палачей. Соглашатели не нашли ничего лучшего, как прославлять красновских офицеров и диких казаков и призывать, так называемое, „интеллигентское общество“ поддержать их. По их милости много учащейся молодежи, спровоцированной, поступило в белые ряды и погибло в первых же боях под Поворино и Песками. Своей солидарностью с белогвардейцами меньшевики и эс-эры окончательно похоронили себя и даже те из малосознательных рабочих, которые за ними шли, отшатнулись от них. Во время летнего нашествия Деникина в 1919 году эс-эры и меньшевики, отдельно группами не существовали, все они имели общую с буржуазией идеологию.

Во время отступления красновцев из Борисоглебска соглашатели, вместе с буржуазией, отступали с ними на Дон. Осталось их в городе очень мало. Буржуазные дома и квартиры при вступлении в город красных войск были в большинстве свободны. В городе оставалось зажиточных очень немного. Только после некоторые из буржуев, отрезанные нашими частями под Новохоперском,

возвращались обратно в город. Часть их была перебита на месте, часть направлена в Борисоглебск, где некоторые получили лагерь принудительных работ, некоторые остались на свободе под надзором Чрезвычайной Комиссии. Победившие рабочие и крестьяне и возвратившаяся Советская власть проявили величайшее великодушие к остаткам классового врага, на месть не ответила местию, приняты были только меры предосторожности к недопущению возможного заговора. Такое великодушие и человечность „красных душегубцев“, как величала нас буржуазия, лучше всего опровергали распространенную клевету: „придут большевики и всех перебьют от детей до стариков, кто не отступал с ними“.

д) Положение рабочих, крестьян и коммунистической организации при белых.

Только две недели процарствовали белые в Борисоглебске. Но и за этот срок они насолили рабочим и беднякам - крестьянам своими порядками. Некоторые рабочие ждали от белых больше хлеба, высокой заработной платы; крестьяне ждали вдоволь соли и керосина. Но все эти надежды не сбылись. Хлеб в течение 2-х недель населению Борисоглебска вообще не выдавался, жалованье также не выплачивалось. Всех награбленных товаров и продуктов с частных квартир и советских складов на базаре в первые дни было много, только соль и керосин отсутствовали. Да и то цены на все быстро росли. Вольная торговля, об'явленная казаками быстро превращалась в беспшабашную вольную спекуляцию.

Рабочему и бедному человеку жить при казаках стало очень трудно, а роптать было нельзя. Быстро новые властители города призывали к своему белогвардейскому порядку.

Пробовали рабочие железнодорожных мастерских у себя собраться, но казаки их разогнали. Защиты рабочему нигде было искать. Партийная организация частью отступила за город, частью была загнана в подполье; на улицах города, наряду с беспартийными, валялись оголенные трупы ее членов. Рабочие профессиональные союзы и кооперативы были разгромлены. Да рабочие и боялись показаться на центральных улицах города. Большинство их попряталось по своим квартирам, некоторые по чердакам и подвалам, ежеминутно ожидая ареста. На центральных улицах свободно разгуливали только буржуазия. На окраинах испуганный обыватель с оглядкой крался по какому-нибудь делу, стараясь скорее отмахать расстояние. Не ходили рабочие и на базар, который был уделом буржуазии, спекулянтов и наехавших кулаков. Изредка только кто-нибудь из рабочих семей выходил осматривать разбросанные всюду трупы, среди них опознавать родственников или своих зна-

комых. Аресты задели почти половину семей рабочих. Каждую ночь из коммунистического клуба выводили партии арестованных за городской сад и расстреливали. Многие рабочие слышали стоны и проклятия умирающих. Невыносимо жуткие минуты переживали они в это время. Каждый боялся за своего друга, сына, товарища, мужа, дочь, каждый был преисполнен жалости ко всем жертвам вместе взятым. Днем же ходили осматривать раздетые свежие трупы. Ходили осматривать и советских работников, чтобы узнать, кто погиб, на кого можно надеяться, что вернется живым. Так, например, казаки распустили слух по городу, что Пешков, Савин Ив., Никулихин—три видных работника—ими пойманы и расстреляны. Они пускали подобные провокационные слухи с целью наложить печать безнадежности на сознание борисоглебского пролетариата. Но как бы то ни было, много нашлось добровольцев из трудящихся, которые ходили осматривать трупы по всем закоулкам, чтобы проверить грозные слухи. Рабочие и даже обыватели города, бывшие в это время в Борисоглебске и видевшие работу белых, сдавали вторично экзамен на преданность Советской власти. Противоречия классовых интересов обнаружались с полной отчетливостью.

Все трудящиеся наглядно убедились, какую черную контр-революцию и гибель принесли с собой красновские полчища.

Своим грабительским и палаческим поведением белогвардейские офицеры и казаки отталкивали от себя даже обывательски-мещанскую публику. Не только открытый грабеж, издевательства, насилия над женщинами и прочие мерзости практиковали красновцы, а добрались даже до церковного вина, украли его запасы из церковной лавки, на что жаловался потом служитель Исполкому при нашем вступлении обратно в город.

Красновским казакам и рядовым офицерам жалованье выдавалось по 15 рублей в месяц, а грабежом они увеличивали его до десятков тысяч рублей.

Кроме того, белые на каждом шагу обманывали население. Так, например, они все время уверяли, что не сегодня, так завтра к ним подойдут на помощь английские и французские войска, которые в количестве 4-х дивизий якобы пришли уже на ст. Таловую. Дни шли за днями, а иностранные войска не приходили. Всем выдумкам красновцев трудовое население перестало уже верить.

Пьянство, картежная игра, обман, грубость дополняли чашу отвращения масс к белым пришельцам.

Слухи о бесчинствах белых доходили до крестьянских ушей. В деревнях ненависть к белым усиливалась от работы нагаек, реквизиций скота и принудительной мобилизации подвол. Особенно зароптали крестьяне, когда непрошенные гости пожаловали их старшиной, писарем и портретом царя в передний угол волостного

правления. Они чесали затылки и в душе ненавидели чуждых им „избавителей“.

Только кулачье, да и то не все, было довольно красновцами. Все же остальные в деревне тосковали по Советской власти. Такое настроение крестьян занятых белыми селений передавалось и в незанятые ими деревни и села, что облегчало нашу коммунистическую агитацию и организацию борьбы с белыми.

е) Работа партийной организации в незанятой части уезда. Борисоглебск после белых.

Часть отступивших товарищей создала в Мучкане уездный центр, связалась со всеми свободными волостями и стала формировать отряды для посылки их на линию соприкосновения с раз'ездами противника. Фронт был открыт на 60 верст, регулярных красных частей не было до самой ст. Жердевки и Мучкана. Белые раз'езды имели полную волю терроризировать население, разгонять Советы и грабить советские хозяйства (имения). Поэтому, формируемые нами отряды до прихода регулярных частей должны были приостанавливать движение раз'ездов, повести усиленную агитацию среди населения, успокоить и приободрить советы в волостях и с подходом подкреплений начать наступление на Борисоглебск. Мы получили к тому же вести о подходе военных сил. При этом, часть сведений была страшно преувеличена, как водится всегда в таких случаях. Так, например, по телефону из Жердевки передавали, что со ст. Грязей двигается 49 эшелонов войск. Всего-же на всего пришло два заградительных отряда, да на Мучканы пришел отряд Тамбовской Чрезвычайной Комиссии в 400 человек и двигались вдалеке части Уральской дивизии.

Хотя надо заметить, в самом городе среди населения в последние дни пребывания белых, разносились еще более фантастические слухи. Из них наиболее пикантен был слух о том, что сам Троцкий ведет на Борисоглебск два миллиона Красной Армии, „обойдет кругом город, возьмет в кольцо казаков“. Измученное зверствами и расправами население придумывало грозную опасность для мучителей, и в этом отводило свою душу. Однако, такие разговоры и слухи панически действовали на оставшихся в городе казаков. Мы же в Мучкане приободренные вестями о подходе сил, возмущенные деятельностью белых в городе, (о чем скоро стали получать сведения), в сознании того, что долг коммунистов обязывает немедленно начать борьбу с противником, разделились на три отряда по 25 человек в каждом и двинулись по разным направлениям: 1-й отряд, под командой т. Антонова двинулся на Махровку-Беганы, 2-й, под моей

командой, в Заполатово-Павлодар-Никольско-Кубань-Алешки-Б. Грибановку и 3-й отряд, под командой тов. Кузнецова, в далекий угол уезда Костино - Отдельско-Архангельский район. По пути следования мы всюду устраивали митинги, крестьяне рады были всем помочь Красной Армии, чтобы прогнать белые банды.

Даже со стороны крестьян, редко кто сочувствовал красновским казакам. Ненависть крестьян к казакам зародилась издавна. Причин к этому было много. Первой и главной причиной, конечно, была память о казачьих расправах во время аграрных беспорядков в первую революцию 1905 года. Много ненависти к казачьей касте у бедных и средних крестьян накопилось также во время сезонных работ. Крестьяне смежных с Донщиной губерний, имея мало своей земли, уходили наниматься в работники к казакам на Дон и Кубань. За нищенскую плату они выносили на себе гнет и презрение от богатого казачества.

Под влиянием наших речей о классовом гнете в смысле гражданской войны, наболевшие старые раны раскрывались у многих крестьян, классовая ненависть бурлила в широких, плотных фигурах мужичков. Если бы и пришли казаки в села, в которых агитировали мы, то они встретили бы враждебный прием, а небольшие раз'езды их наверное встречены были бы боем.

К сожалению, раз'ездам противника в бой вступать не приходилось, ибо они каждый раз, узнав о движении каких-то большевистских отрядов, они отступали к городу.

В некоторых пунктах уезда уже образовались большие отряды из крестьянской бедноты. Такой отряд в 400 человек был в Алешках и в Костино-Отдельске в несколько сот человек, во главе с коммунистической ротой в 60 человек, под командой инспектора заградительных отрядов т. Тулякова. Эти отряды ловили партию местных дезертиров, которые вообще с самого начала не явились в Красную Армию и вступали в кровопролитные схватки с противником. В момент действий наших отрядов в уезде 3 января мы получили распоряжение о мобилизации всех коммунистов и 25% членов Комитетов Бедноты в распоряжение приехавшего в Жердевку представителя Реввоенсовета южного фронта т. Баландина.

Был дан наконец приказ о наступлении всех отрядов. Мы все двинулись на Борисоглебск. Небольшая стычка наших отрядов с красновцами произошла у Большой Грибановки. После чего мы быстро стали подвигаться к городу.

Главные силы противника были в это время отведены в район Поворино и Новохоперска, в Борисоглебске же оставался гарнизон в 200—250 человек. Когда мы приблизились к городу, он встретил нас винтовочным огнем. Но сопротивлялся не долго, боясь быть отрезанным, наступающими от села Беганы отрядами. Наши же красно-

армейцы, коммунисты, крестьянская беднота, одержавшие успех над врагом, рвались скорее на выручку в город, позабыв всякую предосторожность.

Некоторые наши товарищи, остававшиеся в городе, как только почувствовали приближение Красной Армии, вылезли из своих укромных чердаков и подвалов и об'явили войну бело-казачьему гарнизону в самом городе. Какие-то два матроса смело вышли на площадь с ручными пулеметами и обстреляли один из казачьих эскадронов. Таких партизанских выступлений в незнакомом городе красновские казаки боялись пуще огня. Наша передовая цепь входила уже в город, выстрелы отдельных пулеметов в тылу противника учащались. Ему оставалось одно—отступать, что он и сделал средь бела дня, несясь карьером по опустелым улицам Борисоглебска.

Из окон же домов с насмешками и проклятиями провожало население этих „непобедимых“ донских воинов. На улицах пострадавшего города никого не было, кроме отдельных вооруженных красноармейцев и коммунистов. Казачьи офицеры называли Борисоглебск коммунистическим, потому, что слишком глубоко лежали в нем корни большевистских настроений. За приверженность к коммунизму и непокорность, они не даром грозили повесить и расстрелять каждого пятого человека. И останься они подольше в Борисоглебске, эту угрозу они обязательно претворили бы в действительность. Но, к счастью, советские силы пришли раньше, чем того хотел противник.

Благодаря тому, что под Поворино главные силы белых несли большие потери от наших геройских частей, вследствие чего нам скоро удалось взять город и 10.000 приговоренных к смерти людей были спасены ($\frac{1}{5}$ населения). Запуганное население еще целый день не верило, что пришли „советские“. С каждой улицы, из многих домов, к коммунистическому клубу и к помещению начавшего работать Ревкома подходили разведки рабочих и обывателей, чтобы убедиться своими глазами в правдивости облетевшей город радостной вести. Только на другой день улицы были полны народом; мы же ходили осматривать то разрушенное наследство, какое оставили после себя белое офицерство и казаки, осматривать и собирать те 500 тел мучеников, которые валялись в разных частях города, затем были свезены на пожарный двор и сложены как поленья дров. На второй день вечером по занятии отрядами города, подошли регулярные части Уральской дивизии, которые переночевали и прошли прямо на Калмык и Новохоперск, и, сразу, же вступили там в горячий бой с противником. На третий день начали уже возвращаться эвакуированные учреждения и нормальная работа в городе быстро восстановилась.

Население города еще долго с проклятием вспоминало дни владычества белых, оставивших столько жертв, разрушений и кошмарных переживаний.

14-го января 1919 г. в такой же сильный мороз, какой был при отступлении, мы хоронили эти сотни изуродованных трупов в братских могилах по 3 человека в каждом гробу. В знак протеста против белых, в знак преданности Советской власти, в знак великого уважения к павшим борцам, собралось на похороны почти все трудовое население Борисоглебска. Оно пришло, несмотря на мороз и ветер со снегом, отдать последний долг павшим борцам за революцию. Один за другим говорили ораторы, музыка без конца торжественно и печально играла похоронный марш, а люди словно прикованные стояли у могил. Только после смотра войск и отправки их по казармам, стали расходиться рабочие, ремесленники, служащие и крестьяне, делясь между собою воспоминаниями о тяжелой пережитой трагедии, какой никто раньше из них в жизни не видел и не увидел бы никогда, если бы не было революции, так резко обострившей борьбу классов, что даже тихий, небольшой Борисоглебск пережил невиданные кровавые ужасы и самому ему суждено было сыграть роль важного опорного фронтового пункта.

6. Бои под Поворином и разложение красновского фронта.

Генерал Гусельщиков, хотя и занял Борисоглебск 20 декабря 1918 года с отборными силами красновской армии, но все-таки понимал серьезность своего положения. Оно заключалось в том, что на юг (Поворино-Калмык) от Борисоглебска продолжали держать фронт красные части, которые уже тревожили белых своими наступательными действиями. Идти дальше на север означало бы идти на верную гибель; продолжать же сидеть в Борисоглебске грозило ему быть окруженным.

Белое командование в начале надеялось, что эффект внезапного занятия Борисоглебска, разложит Красную Армию, раскроет фронт. Но фронт устоял, к нему шли еще подкрепления. К тому же в это время, как общее явление на всем фронте, все больше замечались признаки разложения красновской армии. Следствием этих причин явилось то, что после недельного отдыха белых в Борисоглебске, главные силы их выступили на Поворино, Пески и Калмык, для овладения этими важными стратегическими пунктами и нанесения решительного удара Красной Армии.

Три дня перед Поворином шли кровопролитные бои. Много жертв пало со стороны Красной Армии, но еще больше со стороны

белых. Красноармейцы стремились отомстить за Борисоглебск и дрались, как львы. Всем известны были зверства казаков в Борисоглебске, поэтому каждый стремился отомстить белым за невинные жертвы и ни в каком случае не сдаваться в плен. Комиссары, политические работники—все были в передовых цепях красноармейцев. Коммунисты показывали пример боевой стойкости. Особенно же отличился бронепоезд имени тов. Ленина. Более десятка раз белые делали на него атаку, уже готовы были окружить его с злорадным криком: „товарищ Ленин, наш!“ Но каждый раз из грозного бронепоезда пулеметы и орудия извергали смертоносный огонь, нанося страшный урон нападавшим. В исступлении от неудач белые разбирали рельсы, набрасывали на них шпалы, подбегали на очень близкое расстояние, почти рядом, стреляли в упор в брони „Красного Чудовища“. Но смелые обитатели бронепоезда хотя и с жертвами для себя, все-таки восстанавливали путь, отгоняли обезумевших белогвардейцев, своим огнем нагромождали из них горы трупов. Им надо было сражаться с безумством храбрецов, иначе впереди ожидала смерть, да вдобавок красноармейцы горели желанием отстоять этот участок фронта для Советской власти. Недаром, после этого боя, бронепоезд имени тов. Ленина приобрел всеобщую любовь красноармейцев. Но все-таки Красная Армия, уступая силе противника, сдала на несколько дней ст. Поворино, немного отступила на юго-восток, но не обратилась в паническое бегство, а продолжала бороться с врагом. Ей также помогало и крестьянское население. Так, например, заняв Поворино, противник послал отряд, куда вошло большинство борисоглебских добровольцев, для занятия села Пески. Но крестьяне села дружно выступили на помощь Красной Армии и отразили белых, большинство их сложили на поле сражения свою жизнь. Так погибла большая часть набранных в Борисоглебске добровольцев из офицеров и мещанско-буржуазной ученической молодежи.

Потерпев неудачу под Поворином и Песками, красновцы корпуса Гусельщикова стали терпеть удары от пришедшей на фронт свежей Уральской дивизии, а в других местах и от смелых действий 23 Красной Мироновской дивизии. К моменту занятия нами Борисоглебска, белые все больше и больше начали нести уроны. С одной стороны, Уральская дивизия, наступавшая в Новохоперском направлении, с другой, части 14 дивизии, занимавшей Поворинский участок и, с третьей стороны, Миронов, занявший Филоново и двигавшийся на Урючино, со всех сторон они жали кадетские полки. Положение для них стало настолько грозным, что даже трупы своих убитых офицеров и солдат, которые они обычно не оставляли на поле сражения, а забирали и развозили хоронить по станицам, для возбуждения у населения ненависти к большевикам, они бросали на

произвол судьбы. Через несколько дней мы вернули обратно Поворино и Новохоперск. Белые поспешно, под напором Красной Армии, откатывались на юг. Они сопротивлялись слабо. Имея в руках уйму всякого награбленного добра, большинство их боялось погибнуть в бою и лишиться удовольствия использовать его. Таким образом, занятие Борисоглебска для красновской армии приблизило ее к роковому исходу.

19-го января наши части заняли центр Хоперского округа — Урюпино. Если верны были сведения, доносившиеся с фронта в Борисоглебск, занятие Урюпинской произошло неожиданно для гражданского населения. Фронтные части белых уверяли его, что большевики ни за что не придут, а вместо них в Урюпинскую приедет английская миссия. Но дело сложилось по иному. Миронов в тылу Урюпинской разбил кадетов и с юга везжал в нее, причем впереди кавалерии ехала тройка лошадей со штабом. Завидев вдали тройку, часть остававшейся буржуазии и мещанства приняла едущих за англичан и вышла встречать с хлебом-солью. Какое же горькое разочарование охватило ее, когда она поняла свою ошибку, увидев не друзей, а красных врагов. Буржуазия поплатилась только страхом, а часть и арестом.

После занятия Урюпинской белые нигде до самого Донца не задерживались, все откатывались и откатывались дальше на юг. Переход рядовых казаков, целых полков, на нашу сторону все учащался. Дезертирство у них стало обычным явлением. Усиливалась неприязнь между рядовыми казаками и офицерством. Для характеристики тогдашнего состояния красновской армии, я приведу несколько данных:

3-й гренадерский Кешковский конный и первый сводный Донской полки отказались исполнить приказание начальства и требовали отправки с фронта в тыл. На станции N 2 конных полка противника отказались идти в наступление, за что были разоружены и часть казаков была арестована.

На участке N дивизии происходило братание белых казаков с красноармейцами. Некоторые части белых настолько стали ненадежны, что в них вливали большой процент офицерства. Так, например, в 3 Гренадерском полку из 1300 штыков было 300 офицеров и юнкеров. В частях же занимавших Борисоглебск половина была офицерства, из казаков больше было стариков и пожилых.

При наступлении на Новую Чиглу надежный Машковский полк шел сзади наступающих менее надежных частей, подгоняя их пулеметами.

В 4-м Стрелковом полку сформировали две офицерские роты, под названием „священные роты спасения отечества“, которым были присвоены карательные функции. Кроме того, отдельно формиро-

вались карательные отряды по борьбе с дезертирством и брожениями в тылу. Во всех станицах сформировались суды по борьбе с дезертирством из белой армии.

Бежали с фронта в тыл не только простые казаки, но бежало и офицерство. Кадровое офицерство стремилось пристроиться в тыловых штабах и хозяйственных органах армии. На фронте больше оставалась ярко-монархическая часть офицерства и загнанные палочной дисциплиной мобилизованные казаки, получившие повышение в урядники, что их подстрекало к новым отличиям. На фоне разложения появилось недоверие чисто казачьего офицерства к армейским офицерам-перебежчикам.

Под влиянием неудач и благодаря отсутствию культурно-просветительной работы и агитации у белых в своей армии, настроение начинало все больше падать. Белые в 1918 г. с пренебрежением и враждебностью смотрели на всякую культурно-просветительную работу, усматривая в ней заразу большевизма. Даже свои газеты из Новочеркасска к ним редко доходили, в то время, как Красная Армия и население фронтовой полосы забрасывалось революционно-коммунистической литературой. Печать была сильнейшей подмогой в борьбе нашей Красной Армии на фронте. Наши газеты, воззвания, частенько попадались солдатам белой армии. Иногда они рвались и сжигались, но иногда с большим интересом читались и особенно стали читаться во время общего красновского отступления с севера Дона, из-под Лисок и Царицына. Среди казаков под влиянием советской литературы стало расти стремление переходить на сторону советских войск, как только они переправятся через Дон. Из некоторых частей уже начали прибывать перебежчики. Так из 80-го Кабардинского полка перешло 150 человек с винтовками.

Под влиянием нашей революционной агитации распространяется среди рядовых казаков вражда к офицерству, „золотопогонникам“ — как их величали; многие начинают ненавидеть офицеров за привилегии, применение палочной дисциплины, и желание возвратиться к царским порядкам. Особенно нервировало некоторых рядовых сознательных казаков презрение к ним со стороны кадрового офицерства. Оно выявлялось даже в плену. Так, в одном из фронтовых сел были взяты в плен 2 офицера и рядовой казак. Сопровождавшие их конвоиры-красноармейцы задавали им вопрос „зачем вы воюете?“ Офицеры, зная, что все равно их судьба решена, не стеснялись, вполне откровенно, усмехнувшись отвечали: „да мы то знаем за что воюем, а вот вы спросите этого дурака, (указывают пальцами на казака) зачем он воюет“.

Нарождавшаяся ненависть приводила иногда часть рядового казачества к расправе с особенно нелюбимыми офицерами. На этой

почве появляется боязнь фронтовых белых командиров своих же подчиненных солдат и заискивание перед ними. Такое-же приблизительно явление замечалось частенько и в империалистическую войну 1914—1917 г., когда ненавистных офицеров солдаты пристреливали в бою.

Некоторая часть белого офицерства в это время была прямо-таки панически настроена. 19-го декабря, в местечке N состоялось закрытое заседание офицеров, в котором признавалось, что они побеждены красными и дальнейшая борьба с ними поведет к гибели, а потому лучше всего каждому стараться куда-нибудь скрыться. Их все еще охватывал страшный ужас от возможности сдачи большевикам. Это паническое настроение, как известно, не стало господствующим, классовая ненависть и жажда возврата власти и господства толкало еще большинство белого офицерства на борьбу с большевизмом и Советской Россией в 1919 и 1920 г.г.

Но тогда, в начале 1919 г., подавленное состояние хотя бы части офицерства непосредственно отражалось на ослаблении всего красновского фронта.

Для поднятия духа и энтузиазма, донские, большие и малые, атаманы и сбежавшая на Дон „чужая“ настоящая российская буржуазия распускали усиленные слухи о скором приходе союзников, всюду раздавались просьбы: „еще немножко продержаться на фронте“. Одна часть верила в приход иностранцев, другая скептически смотрела на все подобные разговоры. Вот знаменательный интимный разговор в офицерской среде Богучарского кадетского полка за игрой в карты. Один, с тяжелым вздохом и сожалением, говорит: „эх, как бы поскорее пришли на подмогу английские войска, а то нас одних-то красные окружают и, чего доброго, поколотят“. Другой, более осведомленный, с иронией ему отвечает: „чудак, ты, что поверил этой болтовне; никакие англичане к нам не придут. Да зачем же они придут, если мы ведем борьбу за помещиков. Ты помещик, буржуй, так и борись сам за свой интерес. А в Англии свои есть рабочие и большевики“. Этот разговор подслушал советски-настроенный крестьянин, у которого остановилась на ночлег ватага офицеров. Если среди самого цвета белой армии—его офицерства—начала падать надежда на успех, то что можно сказать про насильно мобилизованных белых солдат. Среди них происходило настоящее брожение, они открыто говорили о переходе к большевикам. Казаки-добровольцы боялись расправы над собой в случае сдачи в плен или перехода к красным, и, поэтому, удирали в южные округа. Мобилизованные же знали, что кого-кого, а уж их то Красная Армия не тронет. Конечно, не тронула бы Красная армия и искренне-раскаявшихся добровольцев, но велики были запугивания их начальства, с одной стороны, очень велики были пре-

ступления перед революцией белого казачества, с другой. Из-за боязни мести Красной Армии за все совершенные зверства и поддержку белых почти половина казачества из станиц и хуторов бежала на юг, отступала вместе с белыми войсками. На месте оставались преимущественно иногородние и красные казачьи семьи (последние составляли в то время приблизительно $\frac{1}{5}$ часть всего казачества), которые с радостью встречали Красную Армию, ибо своим приходом она освобождала их от всех кадетских преследований. Часть белого и „нейтрального“ казачества оставалась на месте, не успев уехать, да и не зная, где пристроиться, отступив в белый тыл. Красная Армия подходила к казачьему населению не как к однородной массе, а различала по классовому признаку. Наказывалась и обезвреживалась взятием заложников только наиболее богатая и контр-революционная часть казачества. К середняку и бедняку казаку (бедняков на Дону очень мало) было самое товарищеское отношение. Имея поддержку в несколько большей части казачества, чем было в начале 1918 г., Красная Армия быстро переходила от станицы к станице.

Ко всему этому прибавились еще две, невыгодных для белых причины: распространение тифа и падение популярности, престижа войскового Донского атамана Краснова. Против последнего росло недовольство, в особенности же за его крайнюю монархическую политику и германофильство. Как ни контр-революционно были настроены казаки, как на практике они ни расправлялись с революционными рабочими и крестьянами по примеру царского времени, но все-таки большинство имело наивную веру хотя-бы в плохую, но все-таки „учредилку“. Немцев же казаки не влюбились за германскую революцию 1918 г. и предательский уход с Дона в конце этого года. Борьба двух различных партийных группировок—буржуазии с высшей аристократической знатью и военным генералитетом в Новочеркасске и Ростове Н/Д, непосредственно отражалась на настроении фронта. Если весной и летом 1918 г. Краснов был в некотором роде казачьим героем, то в конце 18 и начале 19 года авторитет его настолько пал, что многим его приказам фронтовые части не подчинялись, выносили совершенно противоположные решения. Судьба Краснова, в конце концов, была решена. В первых числах февраля, Верховным Главнокомандующим всеми силами юга России, Донским войсковым округом, по соглашению с Кубанской радой назначен был генерал Деникин. Назначение Деникина произошло как раз в то время, когда Красная Армия была в сравнительно недалеком расстоянии от Ростова и Новочеркасска.

Тиф, свирепствовавший в начале 1919 г., уносил очень много бойцов из белой армии, затем он перекинулся и в Красную Армию, заражая массами части войск и население.

Наша же Красная Армия в противоположность красновской, воодушевляемая победами, все наступала и наступала, тесня неприятеля в южные округа. Правда, для нее роковым было то, что ряды боевых частей редели от боев, и в особенности от сыпняка. Новые же пополнения приходили в очень небольшом количестве.

В это время напирал Колчак, и все свободные силы направлялись на восточный фронт. Новые же мобилизации срывались начавшимся дезертирским движением в тылу. Такие печальные симптомы для Красной Армии появились именно в то время, когда фронт придвинулся к самой южной и более богатой части Дона, зато и наиболее контр-революционной, где было гуще число отступающих белых военных сил. Казачество 1-го Донского, 2-го Донского и Новочеркасского округов с большим упорством кинулось защищать свои станицы. Наступая, наша Красная Армия задержалась на Донце и на Дону.

Наступательные операции у Бахмута, Велокняжской, в Нижне-Чирском направлении приостановились, что дало возможность оправиться противнику, подвести подкрепления с северо-кавказского фронта (Деникину в январе 1919 г. удалось нанести большой удар Красной Армии на северном Кавказе).

Наступившая в половине февраля оттепель затруднила переправы через Донские реки. Красное командование упустило момент, чтобы, перебросив подкрепления на Донской фронт, провести план быстрого захвата Ростова и Новочеркасска, где рабочие готовы были поддержать Красную Армию. В конце апреля 1919 г. на всем южном фронте, в том числе и Донском, происходит перелом, Красная Армия начинает терпеть неудачи и противник переходит к наступлению.

Сам по себе и под ударами Красной Армии, разлагавшийся белый красновский фронт с уменьшением числа наступающих красных сил, с получением сильной подмоги в лице отрядов кавказской деникинской армии, ожил уже без Краснова, под руководством нового белогвардейского „героя“ генерала Деникина.

III. Движение дезертиров (зеленых) весной 1919 г.

Движение дезертиров или, как их еще называли, „зеленых“, было очень сильным в прифронтовой полосе весной 1919 года.

Я остановлюсь на этом своеобразном движении в знакомых мне Борисоглебском, Новохоперском уездах, частично в Балашевском (Саратовской губ.) и Хоперском округе Донской области.

Борисоглебск являлся до некоторой степени центром для поименованных смежных с ним местностей. К тому же в Борисоглебском уезде мне лично пришлось участвовать в подавлении дезертирского движения. Зеленых скопилось много в этих краях, вследствие близости фронта и нахождения лесов по берегам рек, где они могли скрываться. Само название „зеленые“ было связано с весенней зеленью, политически же оно стремилось занимать среднюю линию между красными и белыми.

Участниками такого движения явились дезертиры с фронта красного, а на Дону и белого, а также часть крестьянского населения, которая насильно мобилизовывалась в тех волостях и станицах, где дезертирам удавалось на время устанавливать свое господство, причем кадры дезертиров состояли не только из бежавших с фронта, но значительно более из тех, кто вовсе не являлся по призывам мобилизуемых годов. Аппарат советской власти на местах был еще настолько слаб, что не в состоянии был следить за проведением в жизнь строгой мобилизации. Этим пользовались призывные годы и пополняли кадр дезертиров, с которыми трудно было бороться, так как они находились под прикрытием лесов.

Крестьянин-дезертир обычно рассуждал так: „Раз Иван и Сидор не идут и я не пойду, без меня на фронте обойдутся“. Прехавшие в отпуск красноармейцы, видя обилке дезертиров, уклонявшихся от мобилизации, страшно возмущались, сознательная часть требовала строгой борьбы с ними, а малосознательная, подзадариваемая своими соседями-дезертирами и упрашиваемая своими женами, матерями, домашними, тоже рисковала оставаться в деревнях, и больше не

возвращалась в армию. „В Красной Армии надо терпеть лишения, голодать и ежечасно рисковать своей жизнью. Дома же можно сидеть спокойно, в тепле, и еды сколько хочешь, да и баб хоть отбавляй!“. Так рассуждала „хлебная“, „черноземная“, еще хорошо не воспитанная в классовом отношении, масса тамбовского, воронежского и саратовского крестьянства. Немалую в этом роль, сыграла самогонка, которая где-где, а в богатых продовольствием южных и юго-восточных губерниях сильно процветала. Некоторые села, буквально, превращались в самогонные фабрики, хотя с выгонкой самогона велась большая борьба и тысячи аппаратов для его выгонки были уничтожены. Часть крестьян им спаивалась и о войне мало думала. На кулаческую же часть крестьянства действовала эс-эровская агитация.

Большинство крестьянства наших южных губерний знало, что Советская власть и ее Красная Армия борются с врагами народа — капиталистами, помещиками и генералами, но оно думало, что достаточно с его стороны жертвы — продовольствием, достаточно тех, кто уже есть в армии. „Пусть Митька, да Петрушка послужат, я обожду“. Действительно „гром не грянет — мужик не перекрестится“. Да тут еще не совсем изжит был лозунг „Долой войну!“, с которым мы, большевики, свергли Керенского. Некоторая часть крестьянских солдат царской армии его восприняла, как лозунг: „Долой всякую войну!“. Она не могла хорошо усвоить неизбежность гражданской войны, коммунистическая агитация на этот счет еще в то время недостаточно обошла все глухие уголки огромных сел наших южных губерний. Получив землю и свободу, считая существующую власть своей, крестьянин, особенно середняцкого и кулацкого слоя, никак не мог понять, чего еще больше нужно. Какие-то коммунисты требуют от него большего и хотят перевернуть всю жизнь по новому. Тут у него зарождается подозрительное отношение к „коммунии“ и желание успокоиться, отдохнуть на своей печке. Такова уже мелко-буржуазная природа крестьянства. Естественно поэтому среди темных крестьян нежелание воевать, не идти в армию все равно, мол, — „власть своя, да еще молодая, слабая, силком не загонит, не поймает“. Раньше, при царском строе, он шел потому, что не идти было нельзя, иначе грозит расстрел, розги и лишение имущества. А теперь — „небось не расстреляют, пусть попробуют, не имеют права насильно, раз я сам не хочу“. Вот с такой-то анархической идеологией — „воевать не идем, пусть другие повоюют“, много крестьян призываемых годов оставалось по домам, свободно проживать в своих деревнях.

Первое время их не требовали, сильно не преследовали. Большой нужды к этому не было, едва успевали обучать и вооружать тех, кто являлся, да и сил не хватало для ловли дезертиров.

Но с начала 1919 г. положение с дезертирами начало осложняться. Некоторые родные из деревень в письмах к красноармейцам писали такого рода укоры— „зачем ты воюешь, чего тебе больше-то других надо, вон соседи живут и горя не видят, приезжай поскорее домой, мы соскучились“. Это влияло на неустойчивых, озлобляло всех фронтовиков и они, терпя лишения, борясь с врагом не на жизнь, а на смерть, требовали посылки дезертиров на фронт, к себе на подмогу. Наконец, приток людей для запасных частей из деревень все более сокращался и даже из двух последних призывных 1890 и 1889 годов явилось очень мало на мобилизационные пункты. Наличие большого числа дезертиров в волостях, срывало все последующие мобилизации. Коллективный дух крестьян 1890 и 1889 г. выразился здесь в следующем оригинальном виде: „мы пойдем тогда, когда все остальные ранее призванные пойдут“. Все смотрели друг на друга, никому первому не хотелось идти, а по-сему продолжали сидеть дома, как фронтовики выражались, „под бабьими юбками“. Конечно, дезертирство было шкурничеством, проявлением подлой трусости, сознательным или несознательным, но все равно предательством рабоче-крестьянских интересов, предательством по отношению к Красной Армии.

Белогвардейские элементы деревни и красновские шпионы, которые массами бродили в прифронтовой полосе, учитывая скопление в волостях дезертиров, не желающих подчиниться Советской власти, задумывали использовать их в целях своей борьбы с Советской властью. Контр-революция намечала планы начать движение дезертиров в тылу фронта, давая им своих руководителей, рассчитывая на разрозненность и серость крестьянских масс.

Все эти причины заставили Советскую власть начать решительную борьбу с дезертирством. В каждой губернии, в каждом уезде были созданы Комиссии по борьбе с дезертирством. Прежде всего, был об'явлен срок добровольной явки дезертиров и проводилась широкая агитация. Она дала свои плоды, но не настолько, чтобы искоренить дезертирство. Агитация без применения вооруженной силы недостаточно действовала на тупую и малосознательную часть тамбовско-воронежского крестьянства, положение же красного фронта требовало срочной ликвидации дезертирства.

В волости стали посылаться вооруженные отряды для ловли дезертиров. Так кончилось мирное житие дезертиров по своим домам. Но зато злостная часть их разбежалась в леса, вооружалась чем попало. Ее организовывали услужливые руки белогвардейцев и эс-эров в отряды, и она стала давать отпор карательным отрядам из красноармейцев и добровольно явившихся дезертиров, часть которых для искупления своего прошлого преступления послали ловить тех, кто еще не хотел идти в армию. К дезертирам прим-

кнул уголовный элемент, враждебное Советской власти кулачество, скрывавшиеся от суда за прошлое контр-революционные заговорщики и добровольцы из разбитых белогвардейских частей. В некоторых местах они восстали еще до прихода отрядов. Такими сильными восстаниями были восстания в Карачанах, Новохоперского уезда, районе Пичаевской, Козловской и Русановской волости, районе Шапкинско-Махровской волости (Борисоглебского уезда), Михайловской станице (Хоперского округа) районе Мокашевки-Родничка (Балашовского уезда) и особо сильное в Вешенской станице Верхне-Донского округа. Для усиления карательных отрядов нам пришлось мобилизовать 25% городской коммунистической организации.

Карачаны—огромное село, расположенное за большим лесом, которое с ближайшим селом Архангельским было постоянным местом контрабандной торговли с белым Доном. К тому же в этом районе было много дезертиров из разбитых частей (по близости все время до отступления Краснова шли бои), остававшихся на хлебах у местного населения. Поэтому неудивительно, что здесь началось восстание. Для подавления его из Борисоглебска была послана полурота в 125 штыков с двумя пулеметами. Восстание быстро ликвидировалось, жертвы с той и другой стороны были ничтожные. Быстрота ликвидации зависела от того еще, что многие крестьяне сами боялись дезертиров и их не поддерживали.

Из Карачан дезертиры перекинулись несколько на север, где вместе с местными дезертирами подняли восстание в Пичаевской, Ростошинской и Козловской волостях. Оно носило более организованный характер. Восстанием руководили: один бывший земский начальник, офицеры, студенты и поповские сынки. Им удалось спровоцировать на свою сторону порядочную часть крестьян. Жертвы при подавлении были невелики: с нашей стороны было 2 убитых и несколько раненых, у зеленых 15 убитыми и несколько ранеными. После крестьяне искренно раскаивались, что примкнули к дезертирам, которые принесли им столько беды и ничего хорошего не дали. Большую роль в привлечении крестьян сыграл, оказавшийся белогвардейцем, председатель Козловского Волисполкома и военный комиссар, перешедший на сторону дезертиров и руководивший их операциями. Он умело использовал свое начальническое положение, крестьяне же ему и доверились. Часть заложников от крестьян, перед своим освобождением для ухода домой, на митинге в Борисоглебске клялась поймать этого негодяя.

Движением дезертиров в Третьяках-Мокашевке руководил бывший член Государственной Думы кулак-кадет Чернышев. В Танцырее Новохоперского уезда руководителем дезертиров был местный эс-эр Бочкарев (слушатель 3 курса Петроградской Консервато-

рии) одним из помощников его был, бывший буржуа из Ташкента, правый социалист-революционер Сергей Рагозин. В других местах руководителями дезертирских шаек были полковники, капитаны, попы, торговцы. В Уваровском районе Борисоглебского уезда одно время руководил эс-эр, впоследствии известный тамбовский бандит, Антонов.

Все сведения о состоянии шаек и отрядов зеленых мы получали через своих агентов, которым было легко поступить в отряды, ибо те принимали каждого, кто заявит себя дезертиром. Через них, в большинстве случаев через коммунистов, мы не только заранее узнавали о всех планах зеленых, но и разлагали их изнутри своей агитацией, подрывая в первую очередь доверие к белогвардейски-настроенным вождям. За разведку среди зеленых мы особо должны быть благодарны некоторым петроградским и московским работницам, часть которых из-за голода временно приехала пожить в эти благодатные продовольственные края. К женщинам у зеленых было больше доверия, женщине было легче в любое время уходить из села в другое село и город, тем более, что женщин много шаталось среди дезертиров, обычно жен и сестер, приходивших с явствами для „своих бегунцов“ и покалякать на досуге, на просторе в майские и июньские дни. Не даром сами дезертиры в знак весны некоторые свои отряды называли „майскими“ да еще „бензинными“ дивизиями (последние из-за обилия зажигалок). Вот женщины-то пролетарки больше всего и освещали нам всю подноготную зеленой армии.

В мае и июне дезертирская армия принимала уже внушительные размеры. В одном Борисоглебском уезде скопилось до 30.000 дезертиров. В Новохоперском уезде тоже не меньше. Быстрое распространение дезертирства об'яснялось запугиваниями зеленых тех сел и деревень, которые оставались спокойными. Отдельные шайки зеленых приходили в какое-нибудь село, били в набат; все крестьяне, много и крестьянок, сбегались по сигналу. Им об'яснялось, что коммунисты почти прогнаны из уезда, Орел или какой-нибудь другой город, якобы, взят дезертирами,—призывали присоединиться. В случае отказа они грозили сжечь село или деревню до тла, с жителями расправиться. Под влиянием погромных речей и сочиненных ужасов, крестьяне решались на присоединение. Они не могли проверить,—правду ли говорят дезертиры. На самом деле,—не свергнута ли Советская власть? Раз все время по деревням кулаки и старики распускали слухи, что скоро ей придет конец, не может же она устоять против богачей-генералов и заграничных стран. Но все сознательные крестьяне и рабочий класс твердо верили в конечную победу трудящихся над паразитами.

Для успешности борьбы с советскими отрядами дезертиры сами стали делиться на отряды, полки, дивизии. Для руководства Бори-

соглебскими, Новохоперскими и Балашевскими зелеными—организовался Штаб армии в большом селе Мокашевке, где находилось их главное начальство. При нем же был особый отдел зеленых, с функциями Чрезвычайной Комиссии (Чека), который судил взятых в плен советских работников и коммунистов, часть их расстреливали, часть держали под арестом. Удивительное свойство всех врагов Советской власти: с пеной у рта выступать против Чрезвычайных Комиссий и, в то же время, создавать точно такие же учреждения у себя. Так же были избраны и назначены отдельные начальники частей, а в занятых селах организовывались дезертирские Советы (исключительно из дезертиров).

Из зеленой армии пятая часть была вооружена винтовками, остальные чем попало: пашками, топорами, лопатами и т. д. Были у них и пулеметы, только не хватало патронов. Много было бомб и револьверов. Словом, вооружение было хорошее и если зеленое движение потерпело крах, то не по этой причине, а исключительно вследствие отсутствия твердой идейной программы, усиленной коммунистической агитации вокруг них, смелыми действиями красных отрядов и очень во многом благодаря Деникину, его расправам с крестьянским населением, его политике возврата земли помещикам.

Идейного общего лозунга, сплачивающего дезертиров, не было, если исключить туманный лозунг „мы за Советскую Власть, но против коммунистов“. Более дальновидные из зеленых понимали, что бессмысленно отвергать одно и признавать другое, ибо Советская власть не могла бы существовать без коммунистов. Большинство вынуждено было скрываться и приставать к отрядам зеленых из-за шкурного страха. Конечно, лозунг „Не надо нам коммунистов“, был выражением кулацкой ненависти к железной, всюду видящей, везде поспевающей, пролетарской партии коммунистов. Недаром заправила зеленых так старательно пытались ловить коммунистов. Кулацкая часть зеленых выдвигала еще и лозунг Учредительного Собрания, как они выражались „хотим иметь президента“. За это рьяно агитировал эс-сэр Бочкарев, который, например, в разговорах с нашими агентами признавался, что Колчак борется тоже за Учредительное Собрание, идет к ним на подмогу, уже взял Царицын, скоро будет в Борисоглебске. Наивный эс-сэр не предвидел и не знал, находясь в Воронежской губернии, что Колчак уже начал душировать эс-эров наравне с большевиками, не знал, как на Урале и в Сибири свирепствовала самая черная контр-революция. Он мало наверно догадывался сам о контр-революционной сущности своего дела. Он врал про Царицын, однако советским газетам верить отказывался.

В планы белогвардейцев чистой воды входила задача поднять на борьбу с Советской властью дезертиров, поднять казачество на

Дону, соединить эти обе силы, чтобы ударить по красному фронту, облегчая победу Деникину. Белогвардейцам удалось поднять очень сильное движение в Верхне-Донском округе (Вешенская станица), где организовалась целая повстанческая армия из контр-революционных казаков, которая вынудила нас бросить против нее целый корпус надежных красных частей. Потом эти „вешенские повстанцы“ соединились с Деникинской армией, то же сделали зеленые Михайловской станицы Хоперского округа (в июне 1919 г.). Но крестьянская часть зеленой армии в своем большинстве, как бы ни велика была временная размолвка и ссора с Советской властью, все-таки не хотела переходить к белым; она металась, ища „золотой середины“, которой, к сожалению в гражданской войне не бывает.

Колебания крестьянства, боязнь отдаться целиком в руки белых и лишиться всех завоеваний революции, оставляло место в их думах и для коммунистической агитации. Агитацией мы призывали к совести, к раскаянию дезертиров, раскрывали перспективу их преступной и губительной работы: пользовались каждой ошибкой их руководителей, чтобы обратить внимание на них всей массы зеленых. Наконец, в своей агитации мы не скрывали ошибок Советской власти, признавали наличие части советских служащих и коммунистов, злоупотребляющих своим положением, которых нельзя смешивать с остальным честным подавляющим большинством советских работников. Коммунистическое устное и печатное слово подходило к дезертиру с разных сторон. Многие зеленые начинали соглашаться с нами. „Мы не прочь, — говорят такие — иметь власть коммунистов, только пусть бы к нам приехали городские, да центральные коммунисты, а то наши то, бывает, несправедливо поступают“. В этом заявлении была доля правды. Действительно, часть крестьянских коммунистов в селах и деревнях, недавно вступившая в партию, как следует не знавшая даже коммунистической программы, творила много безобразий, чем вызывала большие недовольства среди крестьян не только против себя, но и против всей партии. Не мало находилось неустойчивых крестьянских коммунистов, которые сами принимали участие в дезертирском движении, состояли в дезертирских отрядах.

Сильное влияние на дезертиров производили те их товарищи, попавшие к нам в плен, которых соответственным образом перевоспитывали, объясняли смысл всей происходящей борьбы, доводили порою до слез, и, дня через два-три, отпускали парламентарями в дезертирские ряды или зачисляли в свои карательные отряды. Не мало трогательных сцен приходилось мне видеть весной 1919 г., при братании понявших свои ошибки дезертиров с нашими красноармейцами. Мне самому в начале июня месяца пришлось руководить в уезде 3 небольшими отрядами по 10 чел. в каждом. В них

было по 2 агитатора и 8 красноармейцев. Мы об'ездили 35 сел. Мне пришлось лично в течение 5 дней произнести 15 речей—на дезертирских и крестьянских митингах. В одних только Б.-Алабуках очень бурно дезертиры шумели и грозили убить. В остальных селах выслушивали спокойно и выносили резолюции о необходимости призываемым годам идти в Красную Армию. Конечно, многие и даже после вынесения резолюций им не подчинялись, но сама агитация задевала крестьянство и то, что они хорошо не поняли теперь, становилось для них ясным после деникинских расправ. После митингов, побывавшие на них дезертиры мало надеясь на постоянное отлынивание от фронта, слабо сопротивлялись, когда их ловили. Мне с 8 красноармейцами удавалось оцеплять гулянья в селах и ловить сразу 300—400 дезертиров. Немногим удавалось разбежаться, да и то останавливались они при винтовочных выстрелах. Второй отряд в 10 чел. узнал от крестьян, что в небольшом леску под Моисеево-Алабушками скрывается 300 человек дезертиров. Красноармейцы вошли в лес и стали бросать бомбы с разных сторон, производя впечатление большого отряда. Перепугавшись, один за другим начали выбегать дезертиры и умолять их не расстреливать; они заявили, что согласны идти куда-угодно служить. Интересно отметить следующее—в тех селах, где нам приходилось быть, старики—старые вояки (турецкой и других кампаний) под влиянием нашей агитации скорее всех становились во враждебный фронт к дезертирам, ругая их на чем свет стоит, и говорили: „мазурики, избалованная молодежь, не идет служить Советской власти, хорошенько вы их, товарищи, проучите“.

Коммунистическая организация и комиссары карательных отрядов дезертирского фронта строго следили за тем, чтобы красноармейцы хорошо вели себя по отношению к мирному гражданскому населению. Нам удалось быстро заручиться от него поддержкой, особенно в тех волостях, где восстания дезертиров уже были подавлены. К тому же в борьбе с дезертирами мы провели лозунг „быстрота и натиск“. Наши отряды делали большие переходы, выполняли самые смелые задания, об'единялись вместе, когда нужно, били зеленую армию по частям. Только угол стыка Борисоглебского-Новохоперского и Балашевского уездов был целиком во власти зеленых, нам долго не удавалось его расколоть на кусочки (район Махровки-Мокашевки-Шапкина-Танцырей-Третьяков). В остальных местах мы разрезали своими отрядами зеленые скопища. Дезертиры в боях редко выносили твердый удар и атаки, чаще, отступали в панике хотя количеством они были больше в 5—10 и даже 20 раз. Сильное поражение дезертирам было нанесено под Терновской и Есиповым в Русановском удельном лесу, где помимо убитых не мало их потонуло в озерах, несколько взято с их штабом в плен. Сильно были разбиты дезертиры

также под Шапкином, у Борисоглебска было три боя с дезертирами. В первом бое под Б.-Грибановкой их удалось рассеять артиллерией. В самом Б.-Грибановском лесу скопилось до 5.000 зеленых, которые оборудовали себе лагерь с окопами и укреплениями. Они висели постоянной угрозой над Борисоглебском, где гарнизон всего насчитывался в 700 штыков. Живя и работая в городе, мы всегда были наготове к встрече с зелеными. Ночью занимались все посты и на дорогах выставлялись засады. Долго не решались зеленые атаковать город, где думали заняться грабежом. Наконец, 30 июня, когда Деникин подошел на близкое расстояние, они повели наступление со стороны сел Боганы-Чигорак. Всего наступало 3.000 человек, с 4 пулеметами, с неистовыми криками и колокольным звоном. Им хотелось занять Борисоглебск раньше Деникина, чтобы поставить его перед совершившимся фактом—выговорить себе от белых некоторые льготы за оказанную услугу. Красным командованием были высланы встретить зеленых всего 2 эскадрона славного, отличившегося во многих боях против белых,—Замурского полка. Фронтвики-замурцы страшно ненавидели зеленых, которые разрушали Советский тыл. Они шли с радостью помериться силами и проучить трусишек, которые „не хотят воевать на фронте, а заводят войну там, где не надо“. Только что за два часа до боя они напали на обоз Московского полка и захватили его. В 5 верстах от города встретились 150 красных всадников с 3000 пехоты и „деревянной“ кавалерии зеленых (деревянная—это означало конницу с неумелыми кавалеристами). Неравные силы сошлись, но через 2 часа уже бой был на исходе. 400 человек дезертиров оказались погибшими в бою, 800 человек взято в плен, остальные разбежались. Другая фронтовая часть разбила дезертиров под Танцырями, где результаты для них получились еще более печальные. Было взято 1200 в плен, не мало погибло и потонуло в Хэпре. Разгром одновременно двух сильных отрядов зеленых удручающе подействовал на остальных дезертиров. Общая ненависть к ним красноармейцев-фронтвиков заставила думать, что шутки с ними будут плохие, лучше по добру по здорову явиться в Красную Армию.

Контр-революционная же часть зеленых, после тяжелых ударов под Чигераком и Танцырями, искала удобных случаев поскорее соединиться с белыми. Так, например, часть Мало-Грибановских, Больше-Алабушских и Махровских дезертиров посылала к белым за оружием и присоединилась к ним.

Наказаний больших к дезертирам тогда не применялось. Инструкция по борьбе с дезертирством в очень осторожной форме говорила о лишении злостных дезертиров земельного надела и конфискации скота. Но она еще более осторожно проводилась в жизнь. Наделы отбирались и имущество подвергалось реквизиции только в самых

исключительных случаях, и то для того, чтобы показать пример, дать небольшую острастку. Пойманных дезертиров никогда не расстреливали, прямо зачисляли в Красную Армию и только наиболее злых и хулиганов отправляли в штрафные роты. Таким образом ликвидация дезертирства вовсе не сопровождалась никакими жестокостями. Число—400 чел. погибших в бою дезертиров на Чигеракском поле было из ряда выдающимся, обычно жертвы с той и другой стороны исчислялись единицами. С нашей стороны расстрелянными зелеными всех больше пало в Шапкине, (расстреляны и зверски замучены там были 21 коммуниста, в том числе и женщины). В других местах, обычно, относились к коммунистам значительно мягче, чем белые. Но, конечно, принудительные меры иногда очень оздоравлиюще действовали на дезертиров. Боясь наказаний от Советской власти, чтобы не получить клички „контр-революционного села“, население за последнее время отказывалось поддерживать зеленых, гнало их в овраги и леса. К ним росло презрение еще и по той причине, что они стали воровать и резать себе на прокорм крестьянский скот, грабили хлеб, подрезали телеграфные и телефонные столбы и аппараты, портили и грабили общественное имущество; словом, погромщина в среде дезертиров процветала. За это их стали презирать и ненавидеть все порядочные люди, тем более, что к зеленым присосалось много хулиганья, уголовников и неисправимых безмерно пьющих самогонщиков.

Распространявшиеся же в прифронтовой полосе воззвания тов. Троцкого о дезертирах, наряду с их подобной деятельностью, как нельзя лучше подтверждали необходимость гнать их железной метлой из всех сел и деревень, нигде не давать пристанища.

А тут еще надвинувшаяся опасность со стороны Деникина, в которую вначале крестьянин плохо верил, когда ему о ней заранее говорили коммунисты и, конечно, поверив, раскачался для борьбы, только тогда, когда все зверства, всю опасность увидел собственными глазами. Стали доходить до тамбовских, воронежских сел вести о том, как расправляется Деникин с трудящимися, как все он возвращает помещикам и защемило на душе у крестьянина. Огромное число беженцев с Дона, иногородних, рабочих и красных казачьих семейств, отступавших длинными вереницами на север, несли печальные вести о генерале Деникине, сея к нему повсюду ненависть в рабочих и крестьянах. Наконец, и центр края — Борисоглебск—был взят Деникиным.

Все это переполнило чашу крестьянского долготерпения. Повалили дезертиры сотнями и тысячами к приемным пунктам на ст. Жердевке и Уварове. Были очереди по 4 версты. Свободно раз'езжали ответственные коммунисты по всем селам, призывая крестьян на борьбу с Деникиным. Сочувственно воспринимало кре-

стьянство этот призыв. За три дня 3—4—5 июля добровольно явилось из одного только Борисоглебского уезда более 25.000 человек. Садилась недавние „бегунцы“ в товарные вагоны и несли их железные кони в разные города на север для заполнения запасных частей, откуда скоро отправляли и в бой. Такова приблизительно была картина и во всех остальных смежных уездах. Против Деникина поднималась вся трудовая Советская Русь.

Так закончилось широкое дезертирское движение, которое в некоторые моменты казалось захлестнет всю Россию мелко-буржуазной стихией, с каковой не справиться было-бы Советской власти. Но велики были творческие силы революции, дисциплинирована и крепка была руководящая Красная Армия, достаточно самоотверженна была она на фронте, для того, чтобы спасти революцию от гибели и обеспечить ей победу. Не зеленое движение осилило Советскую власть, а она победила это движение. Больше в таком виде дезертирское движение никогда не повторялось в Советской Республике.

Подавленное в советском тылу, оно перекинулось в тыл противника, очень сильно распространилось на Кавказе. Там оно для Красной Армии имело выгодное значение. Зеленые разлагали деникинский тыл, отрывали часть его сил на борьбу с собою и по своему составу были больше из крестьян и казаков революционного толка, сочувствующих Советской власти.

IV. Деникинский период.

1. Деникин наступает.

В течение апреля и первой половины мая 1919 г. красные войска на южном фронте еще сдерживали на одном месте белые войска генерала Деникина. Правда, кой-где он уже сильно продвинулся на север. Пользуясь тем, что большинство Красной Армии было отвлечено борьбой против Колчака, пользуясь сильным поредением красных рядов южного фронта от тифа и боев, и, наконец, дезертирским движением в тылу, — Деникин спешно бросал на свой фронт новые подкрепления из офицерских и дико-кавказских, калмыцких отрядов. В то время ему благоприятствовала тыловая обстановка контр-революционной части южного Дона, кулацко-анархической части Украины. К тому же население еще как следует не раскусило Деникина, цели, за что он воюет — были хорошо массам непонятны. Недалекие люди из малосознательных обывателей, казаков, даже крестьян и рабочих, их не понимали как следует, часть простодушных мещан не об'являла борьбу Деникину, думая, что большого вреда он не принесет „все обойдется по-хорошему“, как расписывали агитаторы контр-революции. Сбежавшие же на юг капиталисты, генералы и офицеры, и приверженцы монархического строя, с черносотенным духовенством, питая непримиримую ненависть к советской стране, собирали все свои силы, чтобы одним ударом задушить ненавистную Социалистическую Советскую Республику.

Деникину удалось из сбежавшейся белогвардейщины организовать крупные боевые части, как корпус генерала Врангеля, Мамонтова, Кутепова, из донцов составить армию под командой Сидорина, отряды Шкуро, Улагая и других генералов.

Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что красный фронт начал колебаться и откатываться на север. Колебание значительно усилилось с половины мая и в июне месяце. Деникин взял Екатеринослав, очистил от Красной Армии большую часть Донской Области,

захватил южную часть Украины, Воронежской губ., подошел к Тамбовской и Саратовской губерниям, обложил красную твердыню на Волге—Царицын—и, опьяненный своими первыми успехами, старательно подвигался к Харькову, Киеву и Воронежу.

Огромное число беженцев катилось впереди фронта на север. Табуны скота, обозы, растянутые на десятки верст, наиболее преданные Советской власти рабочие, крестьяне и красные казаки отступали десятками тысяч по разным железным, шоссейным и грунтовым дорогам. Они уже знакомы были с первыми зверствами Деникина, его помещичье-капиталистической программой и недобрые вести о нем несли, распространяли их всюду по пути своего отступления. „Деникин идет!“—облетало все наши южные большие и малые города, станицы, села, хутора и деревушки. Трудящиеся приготовились встречать его, как сильную грозу. Атмосфера накалилась, как перед бурей. Нарушалась нормальная жизнь губерний и уездов близких к фронту. Вся работа партийных, советских и военных органов сводилась к организации отпора белогвардейцам, борьбе с дезертирством, формированию пополнений Красной Армии и эвакуации. Кой-где эвакуация проходила в большой панике, нередко врагу доставалась богатая добыча, где удавалось вывозить планомерно все ценное, как, например, проученному в декабре прошлого 1918 года Борисоглебску. Население резко разделялось на две части. Одна за Советскую власть, другая за Деникина. К первой принадлежала подавляющая масса населения—рабочие и крестьяне, ко второй—буржуазия, помещики, кулаки, торговцы, домовладельцы, часть чиновничества и интеллигенции. Были и такие, которые не знали, куда примкнуть, не разбирались в борьбе классовых сил (часть крестьянских середняков, интеллигенции и городских мещан); они пытались поначалу занять „нейтральную“ позицию. После мы подробно остановимся на вопросе, как выявили себя различные классы и группы во время деникинского торжества и сокрушающей борьбы с ним.

Никогда еще гражданская война не доходила до такой обостренности, как в 1919 г. и, особенно, в деникинский период. Массовые расстрелы рабочих и пленных красноармейцев были обычным явлением (как, например, расстрел 3000 рабочих в Екатеринославе, 400 красноармейцев в Вешенской станице, в том числе тов. Витишников и Финогенова—военкома и командира N Красной дивизии).

Деникин широко использовал в это время превосходство и многочисленность своей кавалерии, настигая наши отступающие части, неустанно преследуя их по пятам. Части мало надежные разбежались, в панике отступали, части, более надежные отступали медленно, задерживая передвижения противника. В северной части Дона на Новохоперск и Борисоглебск планомерно отступал до-

блестный 2-й Экспедиционный корпус, который белым никак не удавалось разгромить.

По железным дорогам тянулись на север поезда с эвакуационным имуществом и беженцами забивая своим составом многие узловые станции. От наступающих деникинцев, все причастное к революции, все что ожидало расправ над собою, снималось с своего постоянного житейского якоря и бежало на север. Те из трудящихся, кто не нашел в себе смелости бросить свои хибарки и хозяйства, прятались в ожидании невиданных и грозных завоевателей. Деникинские аэропланы иногда залетали за 40 — 50 верст к ним в тыл, разбрасывали прокламации, которые сообщали, что все пропало, Советской власти осталось жить несколько дней, и предлагали красноармейцам убивать своих комиссаров, ловить коммунистов и переходить на сторону добровольческой белой армии. У одних, такого рода прокламации порождали паническое настроение, в большинстве же красноармейцев и рабочих — иронические замечания насчет белогвардейской лжи. Пламенело желание скорее приступить к решительному отпору завоевательной деникинской орде. Огромнейшее большинство населения советского тыла было за борьбу с Деникиным. Все к ней готовилось и Республика походила на вооруженный лагерь. Не было ни одного местечка в самом глухом уголке России, которое не было бы втянуто каким-нибудь образом в гражданскую войну.

Под влиянием расстрелов, разбоя, грабежей, буржуазно-помещичьей политики Деникина, вся трудовая Русь поднималась на борьбу против его белогвардейских полчищ.

2. Что давала народу Советская власть и что давал Деникин.

Здесь мы сопоставили то и другое, в результате чего будет понятно, почему рабочие и крестьяне так решительно боролись против Деникина и, в конце концов, его победили, как в свое время побеждали и других белых генералов. Советская власть по своему существу была выборной, самой демократической властью рабочих и крестьян. Она обеспечивала политическое господство трудящихся. В экономической области она передала крестьянам большинство помещичьих земель, оставив небольшую часть за государственными хозяйствами (совхозами), фабрики, заводы, дома она передала во владение рабочего государства. Она открыла широкий простор культурно-просветительной работе. За 1918 и 1919 г. ею проделано в культурно-воспитательном отношении больше работы, особенно в деревнях, чем за все царствование дома Романовых. В деревне по-

явились библиотеки, театры, клубы, газета, новые школы и т. п. Нам нет нужды больше расписывать все выгоды советского строя сравнительно с царским режимом. Они многим знакомы и понятны. Мы побольше остановимся на том, что противопоставлял Советской власти Деникин, за что боролся представитель старой России, отмирающего господствующего класса.

Мы будем основываться исключительно на документах и наблюдениях того времени. Сначала мы остановимся на печатных заявлениях Деникина, после-же на практических результатах его „работы“.

Вот широко-распространенная по фронту листовка противника:

Н А Ш И Ц Е Л И.

З А Ч Т О М Ы Б О Р Е М С Я.

Опубликовано следующее официальное сообщение Председателя Особого Совещания при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России, от 12-10 апреля.

Главное командование на юге России обратилось к правительствам Союзных Держав через их официальных представителей со следующей декларацией:

„Прошу вас довести до сведения вашего правительства о целях, какие преследует командование вооруженными силами юга России в вооруженной борьбе с Советской властью и в государственном строительстве:

I. Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка.

II. Восстановление могущественной Единой и Неделимой России.

III. Созыв Народного собрания на основах всеобщего избирательного права.

IV. Проведение децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления.

V. Гарантия полной гражданской свободы и свободы вероисповедания.

VI. Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.

VII. Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом.

Подлинное подписали: Главнокомандующий вооруженными силами юга России генерал-лейтенант Деникин. Председатель особого Совещания генерал-от кавалерии Драгомиров и члены Особого Совещания Николай Астров, С. Безобразов, А. Герасимов, Б. Лебе-

дев, А. Лукомский, С. Маслов, А. Нератов, Д. Никифоров, И. Романовский, В. Степанов, А. Цакани, Н. Чебышев, В. Челищев, И. Шипов, Е. Шуберский, В. М. Энгельке и М. Федоров.

Под анархией Деникин подразумевал диктатуру рабочих, под „правовым порядком“ — буржуазно-помещичий порядок.

Во втором пункте под „единой и неделимой“ Деникин подразумевал „великодержавную“ Россию царского времени, где душились все остальные мелкие национальности.

Вместо Учредительного собрания он предлагал уже „Народное собрание“, где говорил о всеобщем голосовании, не упоминая прямого, равного и тайного голосования. Причем под „всеобщее“ не подходят большевистские элементы, да и то, по словам белых, голоса будут даны лицам только с 23-х летнего возраста. — Последние четыре пункта были настолько туманными и для красного словца сказанными, с белогвардейским толкованием каждого из них, что на них не стоит останавливаться.

Свою земельную программу Деникин выразил в следующих пяти пунктах:

1. Обеспечение интересов трудящегося населения.
2. Создание и укрепление прочих мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель.
3. Сохранение за собственниками их прав на земли. При этом в каждой отдельной местности должен быть определен размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев, и установлен порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным. Переходы эти могут совершаться путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату. За новыми владельцами земля, не превышающая установленных размеров, укрепляется на правах незыблемой собственности.
4. Отчуждению не подлежат земли казачьи, надельные леса, земли высоко-производительных сельско-хозяйственных предприятий, а также земли, не имеющие сельско-хозяйственного назначения, но составляющие необходимую принадлежность горно-заводских и иных промышленных предприятий, в последних двух случаях в установленных для каждой местности повышенных размерах.
5. Всемирное содействие земледельцам путем технических улучшений земли (мелиорация), агрономической помощи, кредита средств производства, снабжений семенами, живым и мертвым инвентарем и проч.

Из этой программы мы разберем только два главных пункта — 3 и 4-й. В 3-м пункте признается право собственников на свои земли. Правда, он признает необходимость перехода земли постепенно от крупных к мелким землевладельцам. Однако при поме-

щичье-буржуазной власти, эта необходимость останется на бумаге и если будет совершаться переход, то только за плату. 4-м пунктом уничтожается почти весь третий пункт земельной программы. Под „земли высоко-производительных сельско-хозяйственных предприятий“ Деникин думал отнести все помещичьи имения. Бывало, крестьянин возьмет Деникинскую программу, почитает до §§ 3 и 4 и остановится, почешет в затылке и вздыхает: „это к нам не подходит“. Другие посмелее при этом добавляли: „нам землю дали бесплатно большевики и никому больше мы не отдадим“. Деникин очень старался привлечь на свою сторону крестьян, но своей земельной программой он сам решительным образом отталкивал их от себя. Посмотрим же теперь, чем думал осчастливить Деникин рабочих. На словах в девяти пунктах он напевал рабочим такие вещи:

1. Восстановление законных прав владельцев фабрично-заводских предприятий и, вместе с тем обеспечение рабочему классу защиты его профессиональных интересов.

2. Установление государственного контроля за производством в интересах народного хозяйства.

3. Повышение всеми средствами производительности труда.

4. Установление 8-ми часового рабочего дня в фабрично-заводских предприятиях.

5. Примирение интересов работодателя и рабочего и беспристрастное решение возникающих между ними споров (примирительные камеры, промысловые суды).

6. Дальнейшее развитие страхования рабочих.

7. Организованное представительство рабочих в связи с нормальным развитием профессиональных обществ и союзов.

8. Надежная охрана здоровья трудящихся, охрана женского и детского труда, устройство санитарного надзора на фабриках и заводах и в мастерских, улучшение жилищных и иных условий жизни рабочего класса.

9. Всемерное содействие восстановлению предприятий и созданию новых в целях прекращения безработицы, а также принятие других мер для достижения той же цели (посреднические конторы по найму и проч.).

К обсуждению рабочего законопроекта надлежит привлечь представителей как от предпринимателя, так и от рабочих. Не ожидая окончательной разработки и осуществления рабочего законодательства, во всех случаях текущей жизни и административной практики, по мере возможности, применять эти основные положения и, в частности, оказать государственное содействие к обеспечению рабочих и их семейств предметами первой необходимости за счет части заработка.

Генерал-лейтенант Деникин.

Первым пунктом он говорит все. Национализированные фабрики-заводы возвращаются обратно капиталистам. А там капиталист, имея в своих руках экономическую силу и власть, может, что угодно, делать с рабочими, не взирая ни на какие пункты. Рабочие хорошо знают, что значит поднятие производительности труда и примирительные камеры в капиталистическом обществе. Они выразились бы в неограниченной эксплуатации рабочей силы. С агитационной целью Деникин заявлял, что сохранится 8 часовой рабочий день, но на самом деле в Ростове и/Дону и других местах, где временно была его власть — рабочий день фактически был больше. Конечно и сам Деникин запел бы посуровее песню рабочим, если издавал бы свои программы в Москве, а не в Ростове. Никаких признаний коллективных договоров, свободы союзов, стачек, конечно, он не признавал. Не мало позакрывал бы он союзов и убил деятелей рабочих. Рабочие хорошо разбирались в словах и делах Деникина и иного чувства, кроме непримиримой вражды, к нему не питали.

Мы, к сожалению, не имеем печатной программы Деникина по национальному вопросу, да ее, кажется, у него и не было. Деникин и без программы осуществлял политику по отношению к другим нациям, пример — избиение евреев, китайцев и латышей, разгон кубанской мелкобуржуазной рады и карательные отряды против кавказских горцев. Никакого доверия к генералу Деникину со стороны мелких национальностей не было, за исключением слепой службы дикой части калмыков, черкесов и чеченцев.

Деникин сильно подорвал к себе доверие об'явлением своего союза с Колчаком, вести о зверствах и расправах которого над рабочими и крестьянами, разносились по всей России. По этому поводу он издал следующий приказ:

ПРИКАЗ

Главнокомандующего вооруженными силами на юге России.

№ 1457.

город Екатеринодар, 30-го мая 1919 года.

Бессмертными подвигами добровольческих армий, кубанских, донских, терских казаков и горских народов освобожден Юг России. Неудержимо движутся армии вперед к сердцу России.

С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий с верой, надеждой и любовью. Но, наряду с боевыми успехами, в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Вели-

кой, Единой России. Спасение нашей родины заключается в единой верховной власти и нераздельном с нею едином верховном командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо-любимой родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному правителю русского государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армий. Благословит господь его крестный путь и дарует спасение России.

Подлинный подписал:

Генерал-лейтенант Деникин.

Как благословил „господь“ обоих генералов, читателям известно—оба они были с позором разбиты.

Даже такой пустяк, как непризнание советских денег, обострял отношения к Деникину не только рабочих, но и обывателей.

Вот глупый приказ об этом Деникина:

„Главнокомандующий вооруженными силами на юге России генерал Деникин

предупреждает

население местностей, временно остающихся еще под игом советских властей, что выпущенные за последнее время этими властями казначейские знаки, достоинством в один, два и три рубля, а также все кредитные билеты образца 1918 г. за подписью большевика Г. Пятакова, не будут признаваться за деньги и потому, во избежание убытков трудовому народу, их не следует принимать“.

Население имело советские деньги и не могло за все время пребывания Деникина ничего на них купить. Донские же и добровольческие белые деньги, еще не могли быстро разойтись. Было не мало таких курьезов, когда казаки и офицеры меняли донские деньги на советские, зарабатывая на этом огромные проценты. Советская власть даже в денежном вопросе была тактичнее белых. Во время очищения Украины, Дона и Кавказа от белых, она не объявила сразу, что деникинские деньги недействительны, прождала несколько месяцев, да и то бедной части населения их обменивала на советские деньги.

Поведение деникинцев, особенно разнузданность добровольческой армии, шли значительно дальше печатных и устных заявлений и программ. За белой армией сразу двигались помещики, которые возвращались на свои поместья; фабриканты и заводчики. С особым рвением принялись отбирать от крестьян все свое добро в 24 часа

обратно, как-то: взятый инвентарь, срубленный лес и т. д., из'являли желание отомстить крестьянам за всю революцию. Крестьяне особенно были недовольны, когда помещики требовали половину хлеба с засеянных бывших барских земель. Генерал Мамонтов, совершая свой знаменательный поход в Тамбов и Козлов, в Костино-Отдельцах на сходе мужиков дал оригинальный приказ: „Вы, сукины дети, обязательно в 24 часа все верните бывшему барину и в три дня насадите новую аллею на месте срубленного парка“.

Конечно, крестьяне спасибо за это добровольцам Деникина не сказали.

Вражда к деникинцам росла по мере расширения их грабежей среди мирного населения. Белые грабили рабочих и крестьян, особенно семьи красноармейцев, под видом возвращения конфискованного и реквизированного у буржуазии и помещиков имущества, грабили и просто без всяких причин, только потому, что так привыкли. Фураж и продовольствие белые никогда почти не возили с собою. Больше продовольствовались на месте захваченным в советских складах или взятым прямо от населения. В Красной же армии хоть плохой был снабженческий аппарат, а все-таки через него шло продовольствие и фураж. Население, если и кормило красноармейцев, то по добровольному желанию, да и то они больше деньгами расплачивались. По этому поводу даже казачки своих белых укоряли: — „что это вы за счастливики такие, все едите даром; красные и те платят, а вы ничего, разоряете только нас“.

Воровство лошадей у крестьян было обычным явлением для Деникинской армии. В одном Поворинском районе украли 5.000 лошадей. Как иной раз крестьянин ни плачет, умоляя казака оставить коня, но казак не уступает, грубо обрывает просителя, вытянет нагайкой или только пообещает, свою клячу взамен отдает, а на хорошей крестьянской уезжает на глазах хозяина, проклиная „белых псов“. Порка плетью и шомполами была излюбленным средством белых для того, чтобы вразумлять ослушников. Во многих селах и деревнях перепороли всех до единого человека. Нередко попадало старухам и старикам. Пощады не было никому. И, конечно, не было пощады крестьянским девушкам. Рядовые белые солдаты, особенно же офицеры, ловили их на каждом шагу и насиловали. Отца с матерью под угрозой расстрела заставляли соглашаться на ночь укладывать с ними своих дочерей. Некоторых насиловали несколько человек под ряд.

Приближается, бывало, какая-нибудь часть белых к селу, так сейчас же родители начинают прятать своих дочерей и свое лучшее добро от непрошенных гостей. Удивительное дело, белых как-то крестьянские девушки не любили и боялись с ними гулять. Только одни интеллигентные барышни охотно куражились со своими „изба-

вителями“ от большевистской власти. Зато красноармейцы стали еще более популярны после ухода белых среди девичьего необ'ятного царства на Юге России. Свою боязнь и ненависть к белым крестьянские девушки передавали своим возлюбленным красноармейцам.

Очень много испортили дело Деникину появившиеся на станциях железных дорогах краснорожие жандармы, в уездах пристава и земские начальники, в городах полицейские. Вся эта братия, озлившаяся до-нельзя на бунтовщиков, держала себя страшно вызывающе по отношению к рабочим и крестьянам и, конечно, не отставала в порке, грабеже и насилиях от фронтовых белых частей. У Деникинского начальства, кажется, всякий приказ начинался с розог и кончался расстрелом или виселицей. Поркой, всевозможными угрозами белые отучали рабочих и крестьян от политики. Не было ни одного населенного городка, где белые кого-нибудь не расстреляли. „Ваше дело не вмешиваться в политику, а работать“, так об'явило новое белое начальство на собрании рабочих железнодорожных мастерских в Борисоглебске. Свою же монархическую политику деникинцы пытались проводить на каждом шагу. Во многих селах, после выборов старост, они, пользуясь услугами духовенства, служили молебны за победу „русско-белому воинству“ и панихиду по павшему от руки большевиков Николаю II.

В сильной степени ненависть к Деникинским войскам укреплялась в рабоче-крестьянских массах из-за зверского обращения с ними калмыков, чеченцев и черкесов. Калмыки мстили русским большевикам (к этой же группе относили всех, кто им попался на глаза) за сожжение своего золотого идола. Какой-то отряд в начале 18 года, наш ли, белый ли, хорошо не известно, сжег в степи золотого Калмыцкого идола. Белые воспользовались этим случаем, чтобы религиозную фанатическую ненависть обратить против красных, с каковой целью пустили слух, что идол сожжен по приказу Троцкого и Ленина. Посему калмыки не разбирались, и немало невинных людей сложили свои головы под шашками дикого, натравленного народца.

Черкесы и чеченцы были просто полужвери. Имея длинные кинжалы у себя за поясами, они обычно произносили страшные слова „секир башка“, „моя милует, мой кинжал не прощает“, „из большевиков сделаем шашлык“ (шашлык—кавказское кушанье). Частенько карательные отряды чеченцев расстреливали и убивали холодным оружием свои жертвы в вагонах, на глазах арестованных и даже пассажиров.

Очень часто вырезали на спинах слово „коммунист“ или другое какое-нибудь имеющее связь с революцией.

Единственно, чем подкупали немного белые часть крестьянства и городского мещанства, так это разрешением „свободы торговли“.

Заглохшая торговля в городах при Советской власти с приходом Деникина оживала. Появлялось много припрятанных торговцами и кулаками товаров. Первые дни цены были сносные, местами ниже советских, но затем быстро поднимались в гору, пока совсем не торжествовала ничем неограниченная спекуляция. При спекуляции (росте цен) среднее крестьянство и рабочие, в виду дороговизны, не могли уже прибегать за продуктами к рынку, у них появлялось озлобление к вольной торговле. Таким образом, вольная торговля не принесла для белых желаемых результатов в качестве агитационного средства для борьбы с большевиками.

Деникинские войска при занятии какого-либо города или населенного пункта, с места в карьер, стремились уничтожить все достижения революции. Производили разгром театров и библиотек, сжигали книги, замазывали написанные красками на стенах зданий и заборах революционные лозунги и изречения вождей Революции. Сдирали советские вывески, улицы переименовывали по старому (Дворянская, Губернаторская, Купеческая вместо Советской, Ленинской, ул. Маркса и т. д.). В Борисоглебске особенно много было написано лозунгов на стенах. Краска глубоко в'елась в известь. Деникинский начальник гарнизона два раза принимался замазывать белой краской, чтобы знака не было, однако знаки оставались. Тогда население каждого дома и квартала обязывалось соскрести лозунги сковородниками и лопатами. Конечно весь этот процесс замазывания, как и другие мероприятия белых по искоренению следов революции, как нельзя лучше агитировали трудовое население за советскую власть, поднимали ее популярность.

3. Поведение буржуазии на деникинском фронте.

Буржуазия, сбежавшая от большевиков в Ростов н/Дону, Новочеркасск, Крым и на Кавказ, с движением на север добровольческой армии Деникина, двигалась следом за фронтом. Буржуазия и помещики ожидали скорого освобождения от ненавистой „совдепии“, ожидали возвращения магазинов, домов и земельных участков, поэтому они старались не отставать от Деникина, чтобы поскорее приблизить благодатный день возвращения собственности.

Ехали железными дорогами, лошадьми, часть шла даже пешком. Целая туча откинутых революцией в сторону людей, имея в лице Деникина верного господского пса, двигалась с контр-революционного Дона и других мест на север, подгоняя добровольцев своими просьбами скорее покончить с большевистской анархией и водворить „культуру“ и „право“, т. е. восстановить вновь помещичье-буржуазные порядки, диктатуру белогвардейского кулака. Опьяненная первыми успе-

хами и надеждами на скорую гибель советской власти, буржуазия, не имея под руками своего имущества, стала заключать на него различные коммерческие сделки. Шли с торгов, продавались и перекупались в Ростове н/Дону и дорогой дома, предприятия, поместья и т. д. Вновь получили силу и стали ходким товаром сохранившиеся акции, разные ценные бумаги, документы, удостоверяющие право собственности (об этом знали красноармейцы и у них больше появлялось задорного желания разбить все надежды буржуазии).

Однако, надеялась не только буржуазия в тылу Деникина, она надеялась и в городах, куда приходил Деникин, в городах близких к фронту. В буржуазных семьях готовились к встрече белых избавителей. От купцов и зажиточных граждан города нередко выбирались тайные делегации, которые были должны встретить с „хлебом-солью“ и приветствовать наступающие деникинские войска. После же таких встреч, которые бывали во многих занимаемых белыми городами, начинались расправы с советскими, возвращение всего отобрабного и потерянного при Советской власти, что на языке собственника называлось „грабежом“.

„Их мало повесить!“—кричали озлобленные буржуа,—„коммунистов надо проучить хорошенько, не жалеть их, „чертей“, а безжалостно избивать!“—кричал задыхаясь от классового бешенства собственник. Немало погибло коммунистических и просто красноармейских семейств, которые не успели отступить, ибо всем и не приказано было отступать; немало и рабочих и крестьян погибло от зверского преследования белых палачей. Немало трудящихся лишилось своих жизней, своего последнего, небольшого имущества. Озлобленный буржуа преследовал его на каждом шагу.

Буржуа только и думал, в эти счастливые для себя дни, как-бы побольше воротить отобрабного имущества, побольше отомстить, нажить и повеселиться. Все эти заповеди многие буржуа блестяще выполняли. Во время самого злейшего террора, во время самой обостренной и кровопролитной гражданской войны, буржуазия веселилась, наслаждалась во всю, позабыв всякий рассудок и меру. Воистину она устраивала „пир во время чумы“.

Широкой рекой лилось вино, пеклось неограниченное число пирогов и прочей снеди, чтобы показать всем и, в первую очередь, удовлетворить свое собственное сознание:—„Смотрите как мы живем, без большевистских карточек!“ Они действительно жили, а рабочие и бедняки были в великой нужде и в страхе смертельном. С уходом советской власти трудящиеся лишались средств к жизни, их можно было получить крохами в рабском преклонении перед богачами и самым тяжелым трудом. Что за дело буржуазии до плача и стона несущегося из рабоче-крестьянских лачужек? Она справляла свою победную оргию. Военная музыка заглушала в ней

все чувства сострадания, вино усиливало жажду мести. Буржуазия вытащила самые лучшие свои припрятанные и привезенные наряды, чтобы ими щегольнуть и всем показать. На улицах появились парочки буржуа с женами и дочками, появились такие толстяки, которых глаза обывателя перестали уже видеть в течение полутора лет; появились такие ожирелые тузы, что по ним заплакала бы не одна Чрезвычайная Комиссия. Сколько частных балов и благотворительных вечеров-кабарэ в пользу добровольческой белой армии устраивала буржуазия!

Во всю старались переходившие на сторону белых артисты, большинство которых рассуждали так: — „мы, мол, деятели чистого искусства, оно нейтрально, мы за плату кому-угодно будем играть, кому-угодно служить“. Интеллигенция, в значительной своей части (городское учительство, бывшие служащие управ), справляла победную тризну вместе с буржуазией.

Особенно много шуму получалось от приветствий.

По деникинскому фронту более всего шаталось всякого рода английских миссий. В Борисоглебске, например, помимо балов, во время пребывания Деникина устроили специальный смотр Английской миссии в городском саду, где давался ей обед. Всякий, желающий посмотреть на миссию мог это сделать, купив за 20 рублей особый билет. Разного рода английские военные представители бывали иногда и на фронте, созерцая со стороны происходившие бои.

Белые таскали по своему фронту вообще много настоящих и поддельных представителей британского империализма, чтобы приободрить через них свою армию, буржуазию и показать населению: — „Смотрите, за нас союзники, не устоять теперь большевикам, наконец-то пришла им крышка!“ Однако, к несчастью для них, английские миссии, в случае неудач, скорее других поддавались панике и удирали в глубокий тыл. Мечта же о большевистском конце так и оставалась мечтой. Буржуазия видела в лице англичан, своих заграничных сообщников по искоренению большевизма, шумно приветствовала их и, позабыв патриотическое достоинство, унижалась часто перед ними, оказывая чересчур много внимания.

В погоне за возвращением собственности и в жажде классовой мести буржуазия забывала о необходимости организовать твердую власть и вести такую политику, посредством которой можно бы склонить на сторону белой армии большинство населения. Таким образом, она упускала из виду основные задачи своей работы. Власть она выдвигала в лице беспомощных городских дум, в большинстве случаев в том составе, в каком когда-то их разогнали большевики, да еще началась власть деникинским командованием в лице земских начальников и других выживших, в большинстве случаев, из ума царских чиновников. Твердой гражданской власти не было, во всех

взятых Деникиным местностях, твердость проявляли только военные части, карательные отряды, которые вели себя разнузданно и своевольно, совершенно не считаясь с гражданской властью.

Вся бесплодность гражданской и творческой деятельности буржуазии в гражданскую войну как нельзя лучше показывает ее разложение и гниение, как господствующего, руководящего класса. В то время, как мы, большевики, увлекали за собой население, революционные идеи будили скрытое творчество и самодеятельность в народных массах, у буржуазии никаких не было новых идей, кроме одного желания—вернуть все старое.

Даже большая часть мещанства не сочувствовала Деникину и его опоре—буржуазии. Вначале мещане-обыватели, мелкие служащие ожидали от Деникина дешевого рынка, обилия товаров, ибо шкурные вопросы у них стоят на первом плане. Но Деникин с собою товаров не привез. А те, которые доставались ему из советских складов, как военная добыча, и вытаскивались из спрятанных мест, быстро дорожали. После прихода Деникина, правда, с юга привозились фрукты, пшеничная мука, но цены на них быстро росли. Обычно в первые дни об'явления свободной торговли они несколько были ниже советских, а через 10 дней становились в 2 раза выше.

Мещане-обыватели, которые держались „золотой середины“, скоро разочаровались в Деникине; они видели, что он ничего не даст хорошего, кроме зверств и возврата старого строя.

Тыл у Деникина был гнилой, и сама буржуазия вела себя так, что ускоряла его развал. Когда же передовые части деникинской армии отступали под напором Красной армии, то буржуазия несколько не думала стать в ряды защитников и создать благоприятную обстановку для обороны и тем оказать помощь белой армии. Она мобилизовала гимназистов и соблазняла интеллигенцию на поступление в ряды Деникинской армии. Вся-же остальная масса буржуазии, с приближением красных, при первых пушечных выстрелах, беспорядочно отступала к Ростову Н/Д и Новочеркаску.

Своим бегством, на всем пути отступления белой армии, буржуазия пыталась запугивать население большевиками, создавала панику и желание бежать подальше от большевиков.

В состоянии паники и хаотического беспорядка буржуазия докатилась весной 1920 г. до Черного моря, здесь часть ее сдалась на милость красных победителей, часть побежала дальше в заморские страны, ища убежища у иностранных капиталистов.

4. Как отблагодарило крестьянство Деникина.

За возвращение помещикам обратно земли, за введение царских порядков, за расправы и бесчинства, крестьянство стало сильно ненавидеть деникинцев. Оно начало понимать, что прав был рабочий класс, который звал крестьянство на борьбу с белыми вместе с собою. Крестьянство, пробовавшее сначала стоять в стороне от борьбы, убедившись в своей ошибке, активно вмешалось в борьбу с Деникиным. Первым делом оно заставило всех дезертиров от 18 до 37 лет поступить в ряды Красной армии. Интересно рассуждение одного дезертира из села Шапкина, которое характерно оттенило, как общераспространенное настроение дезертиров в переломный период 1919 г. Дезертир этот при приближении Деникина, вместе со своим зеленым отрядом, перешел на сторону белых. Там они воевали против красных. Там их неоднократно пороли шомполами, приказывали стоять в струнку перед офицерами, дезертиры терпели, терпели, да и разбежались по домам, вскоре вступили в Красную армию, и, наученные горьким опытом, хорошо сражались в ней. Один прибежавший от белых дезертир поведал отцу своему, зажиточному крестьянину, всю правду о белых и созревшее желание идти в Красную армию. Свое решение он закончил так: — „Батя, никогда не иди против Советской власти. Вот посмотри на мою спину, сколько на ней синяков, убедись в том, как белые издевались надо мною. Пойду против них в Красную армию“. Своим суровым режимом и зверствами Деникин увеличил только ряды Красной армии.

Много сел и деревень восставали на борьбу с белыми, не на жизнь, а на смерть. Восставали села на Дону, Украине, в Воронежской и Тамбовской губернии. Против восставших Деникину приходилось бросать на подавление часть своих сил, отчего слабели фронтовые белые силы. Особенно знаменитое было восстание крестьян большого села Красненького, Новохоперского уезда. Оно показывает, как крестьяне иногда были несправедливы к Советской власти, но после погромов и расправ деникинской армии, они поднимались за родные, утраченные Советы и в кровавом бою добивались Советской власти. Я приведу здесь напечатанный в местных фронтовых газетах рассказ повстанца т. Крука. Вот как он описывает восстание в Красненьком.

— При отступлении красных войск Совет старался захватить все свое имущество, а если что-нибудь и оставалось, то только благодаря тому, что крестьяне все еще как-то недоверчиво относились к советской власти и отказывали в подводах.

Но отступая, Совет сказал: — „Мы вам будем нужны и вы придете просить еще нас“. Эти пророческие слова сбылись. Не на-

прасно один товарищ писал в „Воронежской Бедноте“, что казаки — это лучший агитатор за советскую власть.

Что же оказалось? А вот что!

26-го июля пожаловали, для некоторых давно желанные, казаки в слободу Красненькую, Новохоперского уезда.

Придя они начали издеваться над крестьянами, били нагайками за всякое неосторожное слово, отбирали у крестьян, лошадей, скот, помещичьи земли, одним словом запахло сразу старым. Молились за Верховного нашего правителя, адмирала Колчака, и главнокомандующего Деникина.

Недовольство среди крестьян против казаков росло не по дням, а по часам.

Все заговорили о восстании, и началась подпольная работа; подсчитывались силы, оружие; входили в сношения с молодежью других сел.

Быстро в слободе Красненькой с 12.000 населением организовался Повстанческий Комитет, работа закипела. С приходом казаков мобилизовали 1913, 14 и 15 г.г., скоро была об'явлена мобилизация с 1904 по 1919 г., а учащих на три года больше.

Крестьяне, собравшись 6-го июля на сход, все решительно отказались от мобилизации и отказали в подводах; на вопрос одного из товарищей, что они будут делать, если казаки с нагайками заставят их, они ответили, что будут с оружием в руках защищать свои права, данные им революцией.

7-го июля через слободу Красненькую проходило 5 подвод с патронами на фронт для казаков; казаки потребовали лошадей и одну подводу выслали насильно, крестьяне, возмущившись, убили двух казаков, третий сбежал — отняли патроны, ударили в набат, и таким образом началось восстание. В восстании между прочим приняли участие учащиеся семинарии, школы II-й ступени и интеллигенция.

Винтовок насчитывалось около 600, но старики, дети и женщины, кто с вилами, кто с лопатами и другим оружием, вышли защищать свободу и цепью расположились кругом. На улицах появились баррикады. Наши конные разведчики, которых насчитывалось около 20, как в шутку называли их повстанцы, деревянная кавалерия с красными флагами, раз'езжали по полю, ездили в другие села, сообщая о восстании и прося поддержки.

Некоторые деревни не остались глухи к голосу своих товарищей повстанцев и дали помощь. Так, восстали села Троцкое, Подосиновка, Николаево и друг.

В первые два дня было спокойно, но на третий день после обеда наши разведчики передали по цепи, что со стороны Новохоперска движутся пехота и немного кавалерии.

Когда они подошли на близкое расстояние и, с их стороны, раздались выстрелы, то наши повстанцы ответили им тем же и мы перешли в наступление. Часть казаков, которые были по большей части мобилизованными, сдались в плен, а другие в панике бежали в лес. Восставшие захватили более 200 человек в плен и винтовки. Гнали казаков за 7 верст к самому лесу, и, получив приказание от главного повстанческого штаба, отступили к слободе. Возвращаясь обратно, мы слышали на другой стороне слободы пулеметную и ружейную стрельбу и орудийные выстрелы; оказалось, что казаки наступали на Красненькую с другой стороны. Мы пошли в наступление и стремительной атакой отогнали казаков, захватив при этом их пулемет; 10 и 11 было спокойно, но 12 июля набат известил нас, что угрожает опасность со стороны Новохоперска. В это время у нас появились еще два пулемета, которые были в починке, и на заводе мы уже каждый день выпускали 5 тысяч патронов.

Неприятель стал обстреливать нас из 2-х орудий и скоро перешел в наступление.

Полковник, который шел во главе наступавших и кричал нам „сдавайтесь“ был ранен, убили еще двух офицеров, которые попытались было его унести. Раненого полковника, который завопил: „товарищи, пощадите, я ваш!“, разъяренные повстанцы убили. При нем оказались документы, в которых предписывалось непременно взять слободу, сжечь ее, а мужское население слободы частью перебить, а других мобилизовать. 13 и 14 было спокойно. 15-го июля неприятель со стороны Новохоперска с 2-мя батареями, с пулеметами и броневиком обстреливал слободу Красненькую. Бой длился 10 часов. Выпущено им было более 1000 снарядов, не причинивших никакого вреда. Казаки перешли в наступление. Повстанцы дрались храбро, но у нас не хватало патронов, испортился пулемет; началось отступление. Казаки зажгли слободу в 20 местах, но так как в то время шел сильный дождь, то пожар не распространился.

Начались грабежи и насилия над женщинами. Все с нетерпением стали ждать возвращения Совета. С первых же дней восставшие послали просить помощь; она была дана, только поздно. Мужчины все ушли из слободы.

Казаки прислали к нам делегатов, которые нам заявили: „Если вы не придете с повинной, то слобода на 3 день вся будет сожжена“.

Пришли, наконец, советские войска, встреченные всеобщим ликованием и банды Деникина бежали в панике из слободы Красненькой.

Все с охотой шли теперь за Советскую власть, ибо все сознали, что она—единственная народная власть.

Были и другие случаи крестьянской мести белогвардейцам. Очень часто мобилизованные деникинцами со своими подводами, для перевозки патронов, снарядов, орудий, обозами во время боя, особенно отступления, завозили в трясины, откуда не удавалось выбраться, пока не настигали красные. Так было во время боя под Алешками, Тамбовской губернии. Иногда крестьяне примыкали во время боя к Красной Армии, давая ей перевес над белыми.

Не мало было и комичных случаев. Так, в одном селе происходил бой. Белые начали отступать. Только один пулемет, поставленный на возвышенном месте села, все время держался, не давая Красной Армии окончательно сломить противника. Видел это по соседству один смелый мужичок, бывший на фронте в японскую кампанию. Вновь проснулся в нем воинский дух, да и жаль ему было лишних красноармейских жертв. Не считаясь, что он один, а противника же целый взвод, он схватывает топор, выбегает из за угла с тылу к пулемету и кричит, что есть мочи; „ура, сдавайтесь, мазурики!“. Белые опешили, думали, что все село поднялось, без памяти бросились бежать, куда глаза глядят. Так мужик взял пулемет, но не знал, что с ним делать, пока не подбежали красноармейцы. Подобных случаев было не мало. А то иногда белые угонят далеко крестьян с подводами, держат по две недели, по месяцу. Из ненависти к ним и нежелания больше быть невольными помощниками белых, крестьяне рубили ночью упряжку, кто на лошадях, кто и так пешком разбегались, покидая обозы противника. Из восставших крестьянских сел иногда создавались постоянные отряды, которые долго боролись с деникинцами. Так, например, около месяца вместе с частями 36-й дивизии боролся повстанческий отряд краснянцев в 400 человек. Он был страшен для белых. Когда некоторые ненадежные наши части, впадали в панику и сдавались в плен противнику или разбегались, повстанцы храбро дрались или организованно отступали, ибо сдаться им было нельзя, разбежаться тоже. Казаки и чеченцы поймают, не только выпорют и на шахты угонят, как других, а зверски всех уничтожат. Белые больше всех других ненавидели повстанцев, точно также повстанцы ненавидели белых.

Героизм повстанцев еще больше поднимал героизм Красной Армии. В селе иногда старухи и бабы об'являли борьбу казакам. Так, в селе Поворино, крестьянки обозленные на казаков, за их грабительский осмотр сундуков, вооружились ухватами, сковородниками, оглоблями, вилами и повели настоящую схватку с казачьей сотнею, чего не было в истории гражданской войны с Красной Армией, даже в самых контр-революционных станицах Дона.

Деникин пробовал мобилизовать крестьян в свою армию. Крестьяне же массами отказывались, да большинство из них, годных идти на

войну, ушло уже в Красную Армию. Те же, кто под угрозами расстрелов, сожжения имущества и других кар, шел к Деникину, плохим был для него воякой. При первом удобном случае переходил он на сторону Красной Армии, был очень ненадежным элементом, разлагающим белые ряды. Такие вояки считали себя пленниками белых, отчего и старались поскорее вырваться к своим родным красным. Прибежавшие же от белых пленные были самыми лучшими агитаторами за Советскую власть и Красную Армию. Они, как живые свидетели расправ и монархических действий Деникина, были более всего понятны крестьянам и рабочим. Рабочих меньше приходилось убеждать, да к тому же их на юге, в земледельческой Тамбовской, Саратовской, Воронежской губерниях и Донской области, было очень мало, в сравнении с крестьянским населением.

Крестьяне, широко зная от коммунистических агитаторов и пленных Красной Армии о всех „благостях“ белых, испытав их частично на собственной шкуре, не только сочувствовали Красной Армии и сами шли в ее ряды, но и всячески поддерживали фуражем, продовольствием, спрятанным кой-где оружием, даже иногда военным и штатским обмундированием. Они видели, как фронт топчет их поля, уничтожает хлеб, не дает его убирать, взрывает мосты, причиняет большое хозяйственное разорение и при перестрелке, особенно артиллерийским огнем, губит даже мирных жителей. Учитывая эти обстоятельства, крестьяне вместе с Красной Армией стремились как можно скорее разгромить Деникина, отодвинуть фронт дальше на юг. Среди крестьян, кулаческие элементы, сочувствующие Деникину, были совсем незаметны.

Деникин шел в Центральную Россию, думая опереться на мелкособственническую душу крестьянина, но делал это неумело, да и у крестьянина в это время была сильна вторая часть души,—революционная, не желающая помещичьего гнета и царских порядков, стремящаяся к правде и свободному труду. Никакие запугивания крестьян „коммунией“ Деникину не помогали. В Красную Армию шли даже противники коммунистов. Обычно они рассуждали так: „Кончим с белыми, начнем войну с коммунистами“. Двумя годами позже, в 1921 г., во время Кронштадтского мятежа, Сибирско-Тамбовско-Украинского бандитизма эта часть крестьянства, у которой сильнее был буржуазный хозяйственный уклад, пробовала сломить пролетарскую диктатуру во главе с коммунистической партией—но и эта попытка не удалась. Красная Армия, под руководством коммунистической партии, разбила и золотопогонников, и генералов и кулаческо-буржуазную часть казачества и крестьянства.

В 1919 году русское крестьянство в своей подавляющей массе оказалось верным революции, оно помогло пролетариату разбить на

олову генеральско-помещичье-буржуазную контр-революцию. В Красной Армии был лучше всего выявлен союз героического, многострадального пролетариата с угнетенным трудовым крестьянством России. Это было одной из главных причин деникинского поражения.

5. Героическая борьба Красной армии с Деникиным.

Чем дальше отступала Красная Армия в глубь России, чем дальше неслись вести о зверствах и намерениях Деникина, тем упорнее она стала сопротивляться врагу, тем сильнее стало оказывать ей поддержку крестьянство. Пополнения из бывших дезертиров к ней вливались все больше. Стали перебрасываться на южный фронт некоторые части с восточного фронта. В половине июля под Борисоглебском, Новохоперском, Балашевом, на Камышловском участке, происходит перелом в боевых успехах противника. Красные войска, одержав ряд побед, стали отбрасывать противника обратно к югу. На других участках фронта, за исключением северной части Украины, стало создаваться положение переменных успехов. Половину июня можно считать кульминационным пунктом деникинского передвижения. Правда, в Курском направлении он все еще шел вперед, но на остальных участках он был остановлен. Как только наступательная инициатива начала выпадать из рук Деникина, как только он начал терпеть временные поражения, для нас на фронте было ясно, что дело его проиграно, Красная Армия сумеет отстоять Советскую власть. Здесь я приведу справку о боевых операциях на Новохоперско-Поворинском участке, где мне приходилось быть.

На этом участке были главным образом 2 дивизии Экспедиционного корпуса (после переименован в 36 див.), 40 и 14 див. Из них центральное место занимала 36 (2) дивизия. Части ее, составленные из лучших бойцов, как, например: Заамурский, Камышинский, Саратовский и Хоперский кавалерийские полки, 1-й Московский полк и другие. Она отступала с Дона организованным порядком, всюду задерживая противника, не давала ему зарываться. Она отступила, как и многие другие устойчивые части, чтобы равнять фронт, не быть окруженными противником. Под Борисоглебском на одном месте дивизия продержалась в конце июня в течение 10 дней. Она отступала только потому, что правый фланг 8-й армии отступил дальше на север, и Деникин через Карачаны-Архангельское пошел в обход. Также в полном боевом порядке, предварительно дав всем советским учреждениям и рабочим органи-

зациям эвакуироваться, дивизия отошла еще на 30 верст дальше на север. Борисоглебск был сдан без боя, чтобы сохранить силы (бои были перед ним). Надо было пропустить Деникина верст на 50 по Тамбовской губернии, чтобы уничтожить остатки зеленых в прифронтной полосе и добиться благожелательного настроения крестьянского населения. Деникин же все шел, и шел опьяненный своими успехами. Впереди белых войск перед дивизией шли штурмовые батальоны из 4.500 чел., при шести орудиях и около 50 пулеметах. Легко наступая во многих местах, видя отход дивизии после 10-дневной задержки, деникинское командование думало, что Красная Армия утратила совершенно боеспособность, а посему решило идти „церемониальным маршем“ на Москву. Заняв огромное село Алешки и имение возле него, Деникинское командование задумало здесь устроить небольшую передышку, совсем не предполагая удара Красной Армии. А он поспешно готовился. 4 доблестных кавалерийских полка дивизии сделали первый сильный набег на штурмовые батальоны. Бой продолжался в течение 2-х часов. Никогда еще штурмовые деникинские части не имели такого жаркого боя. Красноармейцы дрались, как львы. Офицерские роты упорнее всех не хотели сдаваться и отступать. Зато красноармейцы в бою в плен их не брали, рубили на месте. В начале боя наши славные кавалеристы окружили штаб штурмового батальона, где помимо офицеров было три генерала. Вся почтенная кампания располагалась на обед; на столе стояли бутылки с коньяком, окорока и всевозможная другая закуска. Из генералов одного удалось убить на месте (он был генерал финского подданства), двое успели вырваться к своим, причем один из них, генерал Войцеховский, был ранен. В результате боя, штурмовые батальоны противника были разбиты на голову, нами было взято 35 пулеметов 6 орудий, 600 пленных, остальные в панике бежали назад, приводя в замешательство идущие сзади Деникинские части. Красные кавалеристы преследовали противника на 20-верстном расстоянии. Им встречались на пути преследования, неприятельские лазареты и обозы, которые не подозревали поражения. Под'езжающие красноармейцы могли любоваться такой картиной: едет полковник в позолоченных пгонах и читает спокойно свою газету, офицер смеется обнимаясь с сестрой милосердия, ктонибудь из белых начальников требует дать под'ехавшим красноармейцам строгий выговор, как непочтительным солдатам. Как же велико было их удивление, какой смертельный ужас выступал на их лицах, когда вместо своих солдат они узнавали красноармейцев. Тех, кто пробовал удирать, кончали на месте, всех других офицеров красноармейцы брали в плен. Белые серьезно думали, что их немедленно расстреляют „красные разбойники“ (так называли белые красноармейцев), а посему притворялись жалкими людьми, прося

пощады. Они судили о красноармейцах по себе, ожидая наказания такого же рода, какое они давали пленным коммунистам и красноармейцам. Однако, наши красные орлы в редких случаях пачкали свои руки в крови пленных, хотя бы и офицеров. Исключения из общего правила гуманного обращения с побежденным врагом были в тех случаях, когда Красная Армия особенно бывала возмущена зверствами белых.

На другой только день, отброшенные на 25 верст назад, белые опомнились и приняли меры к отражению наступления Красной Армии. Победа под Алешками подняла боевой дух Красной Армии всего нашего участка, показала белым, что красные войска способны успешно сражаться с врагом. После Алешек на 2-й день взята была Малая Грибановка, Алабухи, бои шли за обладание Большой Грибановкой и переправами на реке Вороне под Баганой. На протяжении 25-верстного участка были слышны по утрам раскаты орудий и треск винтовок-пулеметов. Как ни старались белые, — больше дня им не удалось задержать на переправах части 36 дивизии. Мы заняли село Боганы, Б. Грибановку, медленно, но неуклонно, двигалась Красная Армия к Борисоглебску.

С трех сторон красные войска обложили Борисоглебск, у которого скопились части 1-й Донской дивизии и Пластунской бригады. Силы наши по количеству были меньше, но храбрости было больше. Бронепоезд с батальоном пехоты пробивался по железной дороге Грибановка-Борисоглебск с северо-запада, с севера на Чигоракском поле развернулись все кавалерийские полки Красной дивизии и кавалерия противника. С северо-востока, держа удар на Поворино шли пехотные части. Решительным днем боев за Борисоглебск было 17 июля. Несколько раз наша кавалерия сходилась с кавалерией противника, скрещивались сабли, падали люди, временно расхившиеся расшвиравшиеся враги через короткое время вновь завязывали борьбу. Белые казаки не любили прямых атак, они были лихими наездниками, стремились заехать с флангов и тыла, взять нас на „ура“, чтобы с меньшими жертвами рубить отступающего противника. Но храбры были и красные казаки, крестьяне и рабочие кавалеристы; в результате частых боев они также приобрели ловкость хорошо изучили приемы врага. С бранью, нечеловеческим криком и лязгом оружия налетали противники друг на друга, вырывая попеременные лавры успехов. С той и с другой стороны было много убитых и раненых. Вид горячей крови, своих, страдающих от ран товарищей, подливал боевого огня красноармейцам: с яростью бросались они в десятый раз в атаку на белых. Орудия с обеих сторон бухали, не умолкая, пулеметы поливали дерущиеся стороны смертельным дождем стали и свинца. Иногда храбрые кавалеристы оставляли в овраге лошадей, спешивались, залегали во ржи и, то ложились на

земь, то поднимались, давая залпы по ценам противника. А пули зловеще свистели, жужжали вокруг, как мухи.

Яркое, летнее солнце юга жгло красных и белых бойцов. На широкой степи перед городом сошлись две рати, которые смертельно друг друга ненавидели, всеми силами стремились сломить одна другую.

Все ближе и ближе красные части подвигались к городу, к вечеру подошли уже на 2 версты к его окраинам. На глазах красноармейцев выезжали по железной дороге из города эшелоны за эшелонами с беглой буржуазией и награбленным в городе имуществом. Чесались руки у красных бойцов захватить буржуазию и проучить хорошенько ее, посылались эскадроны для разборки пути и взрыва мелких мостов, но неприятельский бронепоезд и охранительные заставы не давали привести в исполнение задания по порче пути. Зато величайшее удовлетворение красноармейцы получили во время метких обстрелов города, подошедшим с Грибановки бронепоездом, особенно его вокзальной стороны, где толпились белые воинские редевшие части и ожидающая очереди своей отправки буржуазия. Из бинокля было интересно наблюдать, как суетились белые около вокзала от взрывов снарядов, как шарахалась в разные стороны кавалерия противника. Метким огнем бронепоезда мы заставили замолчать и артиллерию белых. Это решило участь боя. Противник, отстреливаясь начал вечером при захождении солнца поспешное отступление на юг на Поворино и Калмык, оставив в городе для прикрытия и отступления небольшой гарнизон. Рано утром взяли в плен этот гарнизон в 160 человек, и наши передовые части, вместе с бронепоездом, заняли город. Рабочее население и городская беднота нас радостно встречали. Буржуазия вся выехала из города. Белые так же, как и в декабре 1918 г., оставили город и учреждения в разрушенном состоянии. По улицам и в помещениях своих штабов они разбросали свои воззвания к красноармейцам.

От мирных жителей мы узнали, что в начале вчерашнего боя, перед собором на Базарной площади было торжественное молебствие за победу белых и производилась присяга мобилизованных в добровольческую армию гимназистов. Попы торжественно взывали к богу о даровании победы христолюбивому деникинскому воинству. Генерал Иванов, приехавший с передового участка, снял шапку и держал такую речь: „Господа, красные под Чигораком терпят поражения. Всемилостивый бог посылает нам победу“. Не успел он окончить своей речи, как сейчас рядом с собором упал наш снаряд, разорвался, напугал молещиков до полусмерти. Через пять минут площадь была пуста, попы скрылись, молебствие прервалось до более благоприятного случая. Ну, и так белым было показано, что в борьбе с красными, бог, если бы даже существовал, то никакой помощи им не оказывал.

Под Поворино и Песками наши пехотные части, под командой храброго командира, тов. Загарина, который осенью 1919 г. пал смертью героя, шли в атаку на привезенные белыми английские танки. Эти современные чудовища вначале, надо признаться, очень пугали наших красноармейцев. Белые гордились своими танками и немало возлагали на них надежд. Но вот в июле месяце красноармейцы попробовали на риск идти в атаку на эти закрытые черепахи, и что же—взяли две штуки. Вот была радость-то: „Танки взяли!“ ... Английские инструктора, руководившие танковым отрядом, никак не ожидали такого сюрприза и были немало удивлены, называя красноармейцев „красными чертями“. И так, еще один из козырей белых был выбит геройскими красными бойцами. Впоследствии красноармейцы часто нападали на танки и отбивали их у противника.

После занятия Борисоглебска дальнейшее передвижение красных войск задерживается упорным сопротивлением деникинцев. Белое командование отлично понимало, что значит лишиться таких важных стратегических пунктов, как Калмык, Поворино-Новохоперск с прилегающей железной дорогой, через которую лежал ключ входа в Донскую область. Поэтому, белые подкрепили свои части на этом участке и яростно сопротивлялись наступающим красным войскам. Когда рядовые казаки не хотели в Калмыке выступать дальше границы Донской области, то несколько генералов горячо убеждали их идти на Москву, или взять хотя бы Борисоглебск. Они пускали в ход всю клевету, все запугивания и им удалось удержать на месте фронт в течение 3-х недель. Все это время бои шли под самым Борисоглебском. Бои обычно происходили каждое утро с зарей, затихали в полдень и вновь возобновлялись к вечеру.

Каждое утро и вечер в течение 3-х недель, под самым городом гремели неприятельские и наши орудия, монотонно трещали пулеметы. Население и все военные люди так привыкли к этой музыке орудий и пулеметов, что не боялись, не обращали особенного внимания. Крестьянки про пулемет обычно говорили: „ишь строчит—словно шьет на машинке“. Он действительно, беспощадно шил. Как белые ни старались сломить железные ряды Красной Армии, им это не удавалось. Только Мамонтов своим прорывом фронта на стыке 8-й и 9-й армии у колена Таловой, зайдя в глубокий тыл к Тамбову, заставил наши красные части 36-й дивизии из под Борисоглебска отойти несколько (40 верст) на северо-восток от города. Но самый прорыв Мамонтова никакого большого замешательства на фронтовые части не произвел. Жалко, конечно, было то, что в тылу армии Мамонтов захватил много обмундирования и запасов снабжения, забирая их с собой или сжигая. Многие даже радовались тому обстоятельству, что Мамонтов расшевелит наши тылы, познакомит их с

фронтальной жизнью, заставит лучше заботиться о фронте. Многим фронтовикам все время казалось, что в глубоком тылу, во многих городах, особенно в Тамбове, советские органы недостаточно заботились о фронте. Как ты ни гадай, а фронтовик всегда с некоторой шутливостью и подозрением смотрит на тылового работника, видя в нем какую-нибудь тайную причину ускользания от фронта. На фронте, среди командного красного состава, даже появился лозунг: „Мамонтов в Тамбов, а мы идем на Ростов“. Разорванный под Таловой фронт вновь свел свои концы и Мамонтову обратный проход оказался закупоренным. Пока он гулял со своими 18 кавалерийскими полками в тылу, брал Тамбов, Козлов, Елецк и Воронеж, то там, то здесь теряя связь и силы, в то время, в борьбе с назойливыми красными отрядами, на остальном фронте деникинские части получали сильную трепку. Красная Армия не только воротила Калмык, Балашов, подошла к Царицыну, она вернула вторично Борисоглебск, Новохоперск и погнала Деникина с северо-донской области, захватив Урюпинскую и целый ряд других станиц.

Особенно интересно было занятие Борисоглебска нашим 2 кавалерийским полком 14-й дивизии при наличии противника у 7-ми кавалерийских полков и нескольких пехотных частей. Случилось это так. Комиссар полка — тов. Переведенцев, будучи рабочим из Борисоглебска, зная хорошо все его расположение, задумал свершить набег на город ночью 21-го августа, чтобы навести панику на противника. Он отобрал добровольцев из полка, больше из местных людей — каких нашлось два эскадрона, захватил несколько пулеметов и отправился на смелое предприятие. В 2 часа ночи, в самую глушь, обманув заставы противника (выдав себя за белых) он ворвался в город. Один взвод он отрядил для захвата вокзала и станции, второй для обстрела из пулеметов большого обоза на площади и расположившихся по улицам частей войск. С остальными он поехал по направлению к коммунистическому клубу, бывшему дворянскому собранию, где в самом разгаре был офицерский вечер. При чем, все три группы должны были боевые действия начать сразу, по сигналу выстрелов у дворянского собрания. Такой тактикой хотели создать впечатление, что будто красные со всех сторон окружили город. В 2 часа раздалась равномерная дробь пулемета у дворянского собрания, затакали пулеметы на площади и у вокзала, слышались крики ура, винтовочная залповая стрельба, гиканье, крики „сдавайся“ — среди белых поднялась невообразимая паника. Ни о каком организованном сопротивлении не могло быть и речи. Во первых, офицеры и казаки пуще огня боялись уличной борьбы ночью, да еще в незнакомом городе, к тому же они никак не могли предположить, что число нападающих было только 2 эскадрона. В панике они действительно подумали, что красные со всех

сторон обложили город. Им оставался единственный путь бегства на Калмык. Боевые белые части, лихие рубаки, в великой панике бросились из города, подгоняемые вслед пулеметным огнем безумно дерзких налетчиков. Но исключительно интересная картина была у коммунистического клуба. Как только зазвенели от пуль и бомб стекла клуба, веселившееся офицерство устремилось во все выходы, бросаясь в панике даже со второго этажа. Наши красноармейцы стреляли по ним в упор, как в куропаток, сходились в рукопашную, кого успевали убивали, а кто убегал без оглядки. В одном закоулке красноармеец схватился не на живот, а на смерть с хорунжим. У обоих выпало оружие, взялись зубами и на кулачки, в обхватку. Пятнадцать минут продолжалось единоборство, пока перевес не дали красному воину подоспевшие другие товарищи. На вокзале был убит комендант-полковник, все его помощники, большинство прислуги разбежались не оказав сопротивления. Командующий всем этим войском, какой-то генерал, не то сам Сидорин, разбуженный денщиком от крепкого сна, в панике не стал одеваться, в одних кальсонах и рубашке, как передавали жители, бросился из штаба бежать огородами в лес по направлению к Калмыку. Обоз противника в 1000 подвод, без всякого сожаления покинутый своей охраной, покорно направился на восток в село Танцырей, которое занималось нашей 14-й дивизией. За какие-нибудь 24 часа город оказался совершенно свободным от белых, на улицах валялось более сотни убитых и раненых золотопогонников, с нашей стороны было 2 убитых, да несколько человек легко раненых. Безумно храбрые эскадроны после смелой и удачно выполненной операции не могли оставаться до утра в городе, на который белые бы обязательно сделали наступление, с целью забрать своих убитых и покинутое добро. Несомненно днем малочисленные смельчаки погибли бы в бою с массой противника. Поэтому, свершив победный триумф красные орлы 2 кавалерийского полка вернулись к своим, везя богатые трофеи в виде обоза.

Утром на следующий день, белые, действительно, с большой оглядкой в'ехали в город, подобрали своих убитых и раненых, забрали склады патронов, оружия, канцелярии покинутых штабов и в тот же день выехали за город к Ульяновке, удивляясь смелости „красных чертей“. Жители города, как живые свидетели разгравшейся ночной борьбы, заявляли, что они никогда не видели за всю войну такой паники и были безумно рады, что Красная Армия сильно проучила непрошенных белых „гостей“.

Следует отметить также вторичные упорные бои в августе под Грибановкой и Боганой. Белое командование, обозленное долгим упорством красных войск, так говорило своим подчиненным: „вы знаете, кто это теперь так упорно дерется?.. Красная Армия разбе-

жалась, остались одни только коммунистические и комиссаровские отряды, они бьются до последнего, потому что знают, все равно им будет смерть. Разобьем этих безбожников и хулиганов и тогда без боя дойдем прямо до Москвы". В этих словах было все: бес- сильная злоба, клевета и глупое бахвальство, которым они вводили в заблуждение рядовую казачью и, насильно мобилизованную, сол- датскую массу.

Под Грибановкой и Боганой им пришлось увидеть, что не одни только комиссары и коммунисты остались, что хорошо дерутся наряду с ними и беспартийные красноармейцы. На Грибановском поле против девяти наших кавалерийских полков, противник двинул шесть своих отборных полков, пустил в ход всю наличность артиллерии, несколько раз ходил в атаку. Но красные войска, как несокру- шимая стена, не отступали ни на шаг от своих позиций, отражая с безумной отвагой втрое сильнее врага. С нашей стороны артиллерия отвечала значительно слабее, перевес красным бойцам давал только величайший боевой энтузиазм и готовность в любую минуту пожертвовать собою за Советскую власть. Бой длился весь день и красные не отступали. Белые офицеры говорили, что они такого боя за гражданскую войну еще ни разу не видали. „Сегод- няшний бой нам напомнил картинки боев на германском фронте“. Один из полковников, руководивший штабом в Борисоглебске, сви- репел все более и более, выслушивая донесения о дьявольском упорстве красных и о большом уроне в своих частях. На глазах местных крестьян полковник, получив одно из печальных доне- сений, снял со злости папаху, бросил ее на землю, ругаясь во всю на комиссарские и коммунистические отряды. Ему, как и многим другим белогвардейцам, хотелось поскорее попасть в Москву, а тут более месяца держат красные на одном месте, да сражаются так, что и во сне им не снилось об этом.

Довольны были сражением и красноармейцы. Вдохновленные рядом успехов, они почувствовали в себе особую храбрость. Ране- ные не хотели выходить из боя, бились, истекая кровью, до потери сознания, или наспех перевязывая как-нибудь раны. На фронте у людей появляется какое-то инстинктивное чувство самозащиты. Стоит только в каком-нибудь месте, какой-нибудь части закричать: „товарищи, нажимают, отступаем, гибнем!“, как неистовая злоба закипает сильнее к врагу, руки работают с изумительной быстро- той, люди переживают только одно желание: выручить своих, раз- бить и уничтожить побольше врага. Это чувство убивает всякий животный страх, да последнее в разгаре боя у привычных бойцов редко когда бывает. Испытанные бойцы руководствуются только целесообразностью и методом военной техники.

Под Боганой наши пехотные части били в лоб противнику; кавалерийская же разведка, пошла в обход, через лес переплывая встречающиеся озера. Бой длился полдня, и село Боганы было взято. Правда, на другой день у нас была частичная неудача. Противник свои отступившие части подкрепил внушительным пополнением из кавалерии чеченцев и бело-студенческих батальонов. Бой завязался с утра. Впереди шли наши пехотные части. Бой в начале был успешным для нас. Мы под сильным пулеметным и ружейным огнем продвигались вперед. Но вот на правом фланге нашей наступающей цепи дрогнул один из ненадежных пехотных полков. С боку от реки Вороны показалось несколько вражеских кавалеристов. Слабые же пехотные части больше всего боялись неприятельской кавалерии. В случае замешательства, от кавалерии редко уйдешь; или смерть, или плен—что-нибудь одно из двух получишь.

В данном случае, правому флангу показалось, что кавалерия заходит ему в тыл, и он начал паническое отступление назад, оголяя весь фланг цепи. Это подействовало на остальную пехоту, ибо на освободившемся месте, действительно, появилась неприятельская кавалерия и вся пехота побежала назад. Как ни ободрял ее подошедший на помощь Камышинский кавалерийский полк, как ни пробовала пехота перейти в контр-атаку, было уже поздно, инициатива была выбита из наших рук, ободренный противник всей своей массой наступал. Своим большим упорством мы только дали возможность белой кавалерии окружить часть нашей пехоты и взять в плен. Причем, красным командирам, благодаря смелости, удалось избежать плена. Некоторым посчастливилось при этом убить по несколько человек чеченцев. Эти дикари храбры для расправ с мирным населением в тылу и при преследовании бегущего противника. Но они трусы во время смелого единоборства. Один красный батальонный командир, выдав себя за белого начальника, оказался в кругу оторопелых чеченцев. Ему нужно было удирать. Он видел невдалеке отбивавшийся от неприятеля отряд краснянских повстанцев. Но убежать можно было только предварительно наведя панику на снующих около него чеченцев. Он тогда вынимает наган и в упор стреляет в удивленных чеченцев. Они приняли его за своего сумасшедшего начальника и потому в ужасе стали разбегаться, оставив на месте пять убитых сослуживцев. Красному командиру только это и было нужно. Захватив, в качестве трофея, с собою еще двух лошадей от убитых, он вернулся к своим. На другой день, оправившись от временного поражения, Красная Армия опять перешла в наступление. На 2-й день (22 августа), после смелого налета на Борисоглебск 2-го кавалерийского полка 14-й Красной Дивизии, Борисоглебск к вечеру был занят частями 36-й дивизии. На нашем

участке в это время, кроме 14-ой и 36-ой дивизий, действовали еще следующие красные дивизии: 40 и, подошедшие с восточного фронта вновь сформированные, 21-ая, 33-ая и 56-ая. Все эти дивизии входившие в состав 9-ой и 8-ой армий, покрыли себя неувядаемой славой в борьбе с деникинцами. Из видных командиров в 36-й дивизии следует отметить, кроме тов. Загарина, из бывших в отряде Сиверса т.т. Волынского (Начдива) и Комбрига т. Зорина. (последний погиб осенью 1919 г. во время командования конной Блиновской группой, будучи окружен и ранен белыми).

Любимым Начдивом 14-й дивизии был тов. Степин. Про красных командиров всей дивизии этого времени, особенно вышедших из рабоче-крестьянской среды, вообще следует сказать, что они пользовались большой любовью красноармейцев, сами постоянно участвовали в боях, показывали пример храбрости и героизма. Почти половина их, если не больше, пала в боях или от тифа.

Настроение нашего командного состава в борьбе с Деникиным было самое боевое. Даже в самый расцвет деникинских успехов, когда казалось, что белые дойдут до Москвы, возьмут красную столицу, мне приходилось многим товарищам из комсостава задавать вопрос: „а что дальше будем делать?“ Ответ всегда получался следующий: „дальше будет продолжаться борьба. Будем отступать, скапливать силы, тревожить противника и, пользуясь общей ненавистью к белым трудового населения, поведем гражданскую войну в каждом городе, каждой волости. Из своих частей мы оставим около себя самых храбрых и надежных и будем биться до тех пор, пока все не погибнем, или не уничтожим контр-революцию“.

Судя по такому настроению, будучи на фронте в качестве бойцов и политработников, мы,—коммунары, нисколько не теряли бодрости и уверенности. Действительно, еслибы Деникин взял Москву, то и тогда бы не достиг победы над Рабоче-Крестьянской Россией. В Москве бы он также нашел свою гибель, как нашел ее под Воронежем, Орлом, Тамбовом, на севере Дона, под Ростовом, Новочеркасском и на Кавказе. Даже те командиры в Красной Армии, которые представляли собой по социальному положению разношерстный элемент (мещане, интеллигенция, кадровая военщина), в результате политической работы, перевоспитания, товарищеского к себе отношения, в общей боевой жизни с комиссарами и красноармейцами—сроднились с Красной Армией, стали служить ей не за страх, а за совесть. Те из мобилизованных бывших офицеров, которые были явно враждебны советской власти и неисправимы, перебежали к белым в 1918 и начале 1919 г. Уменьшилось число перебежчиков из комсостава с второй половины 1919 г. Предательство, принесшее нам столько вреда и лишних жертв, стало редким явлением в Красной Армии. Командир вместе с красноармейцем, геройски шел

сражаться и умирать за Советскую Россию, за свое новое социалистическое отечество. Если хотите, в трудящихся массах впервые проснулось настоящее сознательное чувство патриотизма на революционной основе. Непрестанная боевая обстановка сроднила, спаяла вместе фронтовиков. Бывало, возвращается из плена какой-нибудь красноармеец, или после поражения, во время похода отстал, встречает другую часть. Он не желает к ней примыкать, он спрашивает свою часть, стремится скорее догнать ее, ибо ее полюбил, сжился со своими боевыми товарищами, ею гордится. В походной жизни нарождается какое-то братское чувство друг к другу, что-то вечно-незабываемое, как пережиток великих подвигов героизма, самопожертвований, страданий и лишений, успехов и неудач. Такое внутреннее связывающее настроение в Красной Армии было очень сильно, оно укреплялось сознанием идейности борьбы, в то время, как в белых рядах все эти чувства разрушались классовой мстительностью буржуазии, ненавистью рядовых к начальникам, отсутствием идейности и развращенностью белых рядов, порожденных грабежом и насилием.

Вдохновляемая таким внутренним жаром, внутренней спайкой, с сознанием бить врага без отдыха и передышки, Красная Армия южного фронта получила еще большую поддержку в лице переброшенных с восточного фронта частей и с появлением на фронте больших кавалерийских частей. Части восточного фронта, как например 21-ая, 28-ая и другие железные дивизии, принесли с собою не только физическое подкрепление, навыки воинской стойкости, но и приобретенный опыт в борьбе с Колчаком, победный дух с вершин Урала. Среди красноармейцев-восточников очень популярен был следующий лозунг: „Идем от гроба Колчака к гробу Деникина!“. И, действительно, они помогли всей Красной Армии юга сколотить гроб для деникинской армии. Дрались же восточники, как львы, не мало их погибло под Царицыном и в донских степях.

Красная конница тов. Буденного, Думенки, Блинова, Гая и других сформировалась после того, как прогремел клич тов. Троцкого: „Пролетарии, на коня!“. До того момента, пользуясь отсутствием у нас крупных кавалерийских частей, Деникин, располагая массой кавалерии, имел над нами большой перевес. Будь у нас кавалерия в июле, Мамонтов не рискнул бы с 9000 сабель прорваться, для прогулки в наш глубокий тыл, что нам обошлось очень дорого. Но зато прорыв Мамонтова ускорил формирование красной конницы. Из маленьких кавалерийских отрядов, из полков и бригад, сформировали мы внушительные группы—дивизии, корпуса и целые конные армии. Мне пришлось наблюдать движение красной конницы Думенки и Буденного в начале сентября с Царицынского участка под Воронежем. Что это за зрелище было! По ши-

роким степным дорогам, весело гарцуя на конях, с буйными песнями вольности и революции, ехали тысячи всадников. Впереди каждой дивизии, бригады, полка, порою эскадрона, как-бы улыбаясь, говоря о своей непобедимости, развевались красные знамена.

Кого только не встретишь в качестве лихих всадников. Тут донские и кубанские казаки, крестьяне: донецкие, ростовские и ца-рицынские рабочие; здесь и закаленные в боях товарищи с северного Кавказа; здесь-же, хоть и в маленьком незаметном числе, примкнувший к общей революционной массе разнузданный и приведенный революцией в движение бывший уголовный элемент. Старые и молодые, все они ехали для поимки лютого, зарвавшегося генерала Мамонтова. Они ехали целыми днями и им не было числа. „Теперь Деникин запляшет!“—радостно говорили, смотря на красную конницу, встречавшиеся пехотные пополнения, идущие на фронт, который уже был в Верхне-Донском округе.

„Откуда столько у большевиков кавалерии то набралось, тьма-тьмущая, видно--уже больше не сдобровать нашим“—говорили, хмуры брови, остававшиеся в станицах старики казаки и, напуганные всякими рассказами про большевиков, казачки. Да, действительно, сила грозная шла против Мамонтова, Улагая, Шкуро и других деникинских генералов. По дороге она на ст. Серебряково взяла в плен 400, верных белым, казаков, и поднявшего мятеж в Саранске, командира красного казачьего корпуса, полковника Миронова. О нем следует сказать несколько слов.

Миронов, казак Устьмедведицкой станицы, первый из видных военных людей, перешел на сторону Советской власти. Он был талантливым стратегом, храбрым бойцом, хорошим агитатором и очень популярным среди масс казачества. Весною 1919 г. во время наступления Деникина с юга, он об'езжал станицы и хутора Устьмедведицкого и Хоперского округа, призывал казаков вступать в Красную Армию. Словом, он проводил своеобразную мобилизацию. Ему удалось таким путем наберечь в Красную Армию около 30—40 тысяч казаков. Красное командование южного фронта поручило Миронову в Саранске формировать из них особый казачий корпус. Миронов—будучи человеком уже пожилым (ему было кажется 55 лет), имел целый ряд предрассудков насчет коммунистов, сам себя считал только большевиком, а также имел все навыки командира-партизана, любил командовать, но не любил подчиняться. С Реввоенсоветом фронта у него вышли трения, сам он повел в своем корпусе агитацию против коммунистов. Штаб фронта ему приказал приехать лично к себе в Пензу. Миронов же не поехал, а требовал немедленного приказа двинуться корпусу на фронт. Какие думы у него тайные еще были, хорошо не удалось выяснить—предположения были, что он хотел играть роль красного атамана,

установить Советский порядок на Дону без коммунистов (что являлось чепухой). Получив отказ в выступлении на фронт, Миронов понял, что, разумеется, открытый мятеж являлся бы чепухой. Он арестовал политработников корпуса, захватил в свои руки город Саранск, уговорил часть своего корпуса двинуться на фронт. Наше командование выслало против мятежника надежные части, которые стали преследовать его по пятам. Уже по дороге на Дон Миронов понял свою ошибку, предугадал провал мятежа и стремился скорее на передовые позиции, надеясь рядом героических побед над Деникиным купить себе пощаду от Советской власти. „Победителей не судят“, как он сам впоследствии в личных разговорах со мною, выражал свои тогдашние настроения. Ему не удалось достичь фронта. В Серебрякове лихих наездников мироновцев окружила в несколько десятков раз больше рать советских наездников. Миронов был пойман, передан находящемуся в это время на фронте тов. Троцкому. Дальнейшая судьба его была такова. В Балашове на суде Трибунала он искренно раскаялся в мятеже, признал свои ошибки. Постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов он получил амнистию, вступил членом в коммунистическую партию и работал на Дону при Советской власти в качестве члена областного Исполкома, осенью же 1920 г. отличился в боях на Врангелевском фронте. Так кончился один из опасных мятежей, после которого красноармейцы говаривали: „С Советской властью бороться можно, но победить нельзя. Всякий, кто борется с нею, сам гибнет в борьбе!“.

Красные кавалеристы показывали чудеса храбрости. Они мстили белым за Царицын, Тамбов и Козлов, Харьков и Екатеринослав, за тысячи расстрелянных и измученных рабочих и крестьян. Они безумно хотели победы, чтобы развенчать славу „неуязвимых“ Мамонтова и Шкуро, чтобы не пустить Деникина в Москву. Красная конница добилась своего. В страшных боях под Воронежем, Коротояком на Дону, десятки тысяч вражеской конницы были побеждены, понесла огромный урон. Побитая, она в беспорядке начала поспешное отступление на юг.

В 20-х числах октября 1919 г. у Деникина не было больше побед, он имел за собой одни только поражения. С октября 1919 г. по март 1920 г. красная пехота и кавалерия одержала столько славных побед над Деникиным, что своею храбростью и героизмом она доказала всему миру свою силу и жизнеспособность Республики; об этих победах и героизме можно было бы написать не одну книгу. Своими маневрами, быстротой походов и силой ударов Красная Армия не давала белым оправляться для отпора.

Единственно, где они в течение 2-х месяцев задержались, так это под Батайском, и то благодаря лютой зиме и стягиванию Дени-

киным в кулак всех отступающих своих сил. Красная Армия шла, встречаемая с радостью всеми рабочими, крестьянами и красными казаками. На Кавказе в ее ряды влились сражавшиеся в тылу Деникина зеленоармейцы. К началу апреля 1920 г. уже никаких следов Деникина не осталось и на Кавказе. Остатки его бежали в Крым, Грузию и Константинополь.

В победах Красной Армии большую роль сыграла наша красноармейская печать. Красноармейская газета и листовка оказали большую услугу красным бойцам. Она бросала в их ряды искры боевого революционного огня, она открывала перед каждым защитником Республики цели его борьбы и подлинное лицо противника. Красная печать будила в каждом бодрость и уверенность в победе. Газета была лучшим другом красноармейца в боях. Он ее любил, постоянно просил, читал ее во время переходов, во время затишья в боях. Красноармеец не только читал газету, многие сами в нее писали статьи, заметки, стихи. Красноармейская газета писалась языком простым, понятным и, в то же время, бьющим по сознанию и чувствам. Красноармейская газета в то же время была и глубоко правдива. За ее правду, простоту, революционность любили ее бойцы, любило фронтовое население, интересовался ими и противник. Совершенно другой, затхлою, грязной, перед ней казалась белая газета; несмотря на цели ее авторов, она нисколько не агитировала массы в свою пользу. Критические размышления рабочего и крестьянина над белой печатью, укрепляли их лишней раз в преданности Советской власти. Можно сказать, что в достигнутой победе было на половину красноармейских усилий, четвертая часть ее обязана устному слову коммунистической агитации и четвертая, если не больше, доля принадлежит влиянию красноармейской печати.

Большую роль в победах Красной Армии сыграла ее горячая вера и преданность своим вождям, в особенности, т.т. Ленину и Троцкому. Прежде всего надо сказать что т.т. Ленина и Троцкого знал каждый красноармеец; он читал часто их речи, любил своих вождей, верил, что они не выдадут, не подведут. Ленина и Троцкого любили, несмотря на всю клевету белых, несмотря на то, что Троцкий—еврей. Не менее трети красноармейцев, будучи в Питере, Москве или других местах, лично слышали своих вождей и непосредственно из их уст слышали о целях гражданской войны. Непосредственная связь с вождями, горячая вера в них придавали Красной Армии больше уверенности в борьбе, больше энтузиазма. Красноармейцы видели и знали, как „сам народный комиссар по военным делам раз'езжает по фронту“: Частенько тов. Троцкий бывал лично на передовых позициях. Сколько им сказано приветствий, речей, сколько из его поезда раздавалось подарков, ли-

тературы, какой военный порядок устанавливался по приезде Троцкого! Его любили, ценили, но его и боялись. Малейший непорядок, плохое исполнение военных приказов он подмечал, за все это частенько комиссары и коменданты получали нагоняи.

Прав был черносотенец Пуришкевич, который в 1919 г. про Троцкого сказал: „Такого талантливому военного министра, как Троцкий, еще никогда не было в России“. Да, великая революция выдвигает для руководства массами великих вождей, лицо и сила Красной Армии, отражается в лице своего вождя-героя. Среди белых генералов и офицерства было также много героев. Но их мало понимали подчиненные им массы рядовых казаков и солдат, они никогда не умели подойти к ней близко. Вожди же Красной Армии от великих до малых, от членов Реввоенсоветов фронтов и армий, до комиссаров и командиров отдельных батальонов, рот, держали себя не только как начальники, но и как свои люди, вышедшие из трудовой семьи, защищающие интересы трудящихся, которые не только умеют отдавать приказы красноармейцам, но и сами первые их исполняют, показывают пример героизма и военной доблести массам и вместе с ними умирают в боях. Вся совокупность причин, вся обстановка борьбы для Красной Армии сложилась так, что она не могла не победить.

6. Состояние деникинской армии и тыла.

При начале деникинского наступления, когда Деникин только что сменил Краснова и не успел еще выявить своей монархической политики, чисто белогвардейские его части одерживали легкие победы над Красной Армией, белая армия южного фронта была боеспособна, причем внутреннего разлада было мало. Но по мере того, как Деникин подвигался все дальше на север и свою добровольческую армию пополнял путем мобилизаций широких слоев казачества, части крестьянства и даже пленных красноармейцев, его армия теряла свою ярко-монархическую, помещичье-кадетскую окраску, а, следовательно, и воинскую спайку. С другой стороны, первые неудачи в битве с красными, которые начались с начала июля, и политика белых при занятии новых местностей и в глубине тылу, заставили многих белых солдат начать рассуждать по иному, чем рассуждали белые генералы. Большую роль, конечно, сыграла и наша коммунистическая агитация. Под ее влиянием ослабевала первая вспышка ненависти мелкого и зажиточного собственника донского, кубанского казака, а на Украине и в южных губерниях стиралось недовольство Советской властью среди части населения под влиянием порядков Деникина.

Для мелких и средних собственников-земледельцев Деникин оказался не лучше, а хуже Советской власти. Мы не говорим уже здесь о рабочих, которые все, за самым редким исключением, были против Деникина. На деникинской армии отразился внутренний разлад в белом стане, среди руководителей и господствующих групп.

Самыми надежными у Деникина были офицеры и казаки. Все офицерство объединяла люта́я ненависть к большевикам, поскольку последние отняли у них привилегии, власть и богатства. Но и офицерство внешне только казалось однородным, внутри же его была вражда. Кадровое офицерство, бывшее в большинстве из аристократии, смотрело свысока на офицерство военного времени, на офицерство, вышедшее из мелкой и средней буржуазии, интеллигентных разночинцев. Кадровое офицерство лучше умело устраиваться в штабах и тыловых учреждениях, скорее получало повышение в чинах. Правда, Деникин пытался во время подкупать и рядовое офицерство, казачьих урядников, сотников, вольноопределяющихся, чиновников тем, что направо и налево давал повышения. В короткий срок из эсаула какой-нибудь отличившийся в борьбе с красными белогвардеец, или повравившийся тому или иному генералу, переходил в чин штабс-капитана, полковника, не говоря уже о переводах из урядников в поручики и т. п.

В повышении чинов была такая вакханалия, что невозможен был никакой контроль. Вследствие такого порядка очень много было самозванцев, самых отъявленных авантюристов, искателей приключений, которые сами себе устанавливали чины.

Были такие курьезы, когда какой-нибудь офицер в высоком чине с военным делом был знаком не лучше любого рядового солдата. Белогвардейцы добивались повышений с такой целью, чтобы в случае победы над большевиками, прямо занять высокие начальнические должности, чтобы насладиться как следует своим положением и расправами над бунтовавшими рабочими и крестьянами. Но, несмотря на это, в рядовом офицерстве, которому на фронте приходилось выносить, главным образом, черновую работу, все-таки чувствовалось недовольство против кадровых. Многие на свои штабы в тылах посматривали враждебно. Рядовое казачество еще более посматривало с опаской на своих белых генералов. У донских казаков вообще господствовал лозунг, не переходить границу Донской области. Этот лозунг усиливался после крестьянских восстаний, после хорошей закуски, которую белым поднесли рабочие и крестьяне в тылу, в занимаемых, бывших советских, местностях. Только клеветнической агитацией, провокацией, вроде того, что Троцкий отдал приказ вырезать казаков поголовно, остатки же их выгнать на север, на Дон же переселить из России мужиков, да еще обещанием грабежей, хорошей добычи—деникинским приспешникам уда-

валось возбуждать в большинстве казаков лютую ненависть к большевикам, толкать их на большие зверства и идти походом на Москву. Генералы так, например, разодаривали казаков: „Придем в Россию будем забирать скот, хлеб, белье и мануфактуру“.

Особенно вволю проявились воровские и грабительские наклонности белых в корпусах Мамонтова, Шкуро и Улагая, что обнаруживалось во время их разгромов, когда наши красноармейцы у убитых находили по несколько сот тысяч рублей. В 1919 г. это были огромные деньги. Казаки шли, но говорили, что долго они воевать не будут. „Война должна кончиться 1-го августа, иначе разойдемся по домам“. После 1-го августа срок отдалляли на осень, „не в силах больше воевать, осенью должен быть конец, — победим мы, или нас победят красные!“. Это чувство противника не обмануло, война кончилась победой красных, несколько позже, в зимние месяцы 1919 — 1920 года.

Рядовое казачество было недовольно Деникиным за то, что он больше слушался и работал на пользу сбежавшей на юг всероссийской буржуазии. Они недовольны были тем, что Деникин, вместо Учредительного посулил какое-то Народное Собрание. Они чувствовали, что Деникин обманывает и у некоторых из них зарождалось желание „бить своих офицеров и генералов“. Пока они не били или били очень мало, боялись расправ над собою со стороны контрразведок, калмыцких и чеченских отрядов, которые бродили вдоль фронта, выполняя карательные функции. К тому же процент офицеров в деникинских частях был очень высокий. Недовольство на калмыков, которые не только грабили рабочих и крестьян, но частенько и казаков, было очень большое. Иногда и казаки пробовали громко протестовать против своих генералов, но их быстро заставляли молчать. Так, генерал Мамонтов в ст. Новочеховской повесил несколько казаков, чем восстановил против себя всю станицу и соседние хутора.

Обмундирована деникинская армия была очень плохо. Главное ее обмундирование было шито из мешечного холста в Ростове н/Дону, да то, что было захвачено от разбитых красных частей, снято с пленных красноармейцев. Английское и итальянское обмундирование стало приходить несколько позже, да и то на фронт мало его попадало; им больше спекулировали в тылах все деникинские чиновники и генералы, даже сам командующий добровольческой армией генерал Май-Маевский. Это еще больше раздражало и нервировало массы белых. Им приходилось проходить на глазах рабочих и крестьян обмундированными не лучше, а хуже красных и отнимать от населения последнее. Если прибавить к этому ненависть трудящихся к белым завоевателям, укору открыто в глаза

в палачничестве и рассказы о действительной сущности Советской власти—нетрудно понять, как деморализовало это белые ряды.

Фронтные части Деникина, сражаясь на фронте, не встречали поддержки для себя в освобождающихся местностях „Совдепии“, (как они брезгливо называли Советскую Республику), мало ее получали и из своего глубокого контр-революционного тыла. В Новочеркасске и Ростове было больше спекулятивных сделок и кутежей, чем организации помощи своей же белогвардейской армии. После неудач под Воронежем в октябре, приехавшие в Новочеркасск генералы Мамонтов и Шкуро показали классический пример пьянства, ханжества, разврата и всякой другой мерзости. А сколько таких кутежей, ханжества и разврата офицерства проявлялось в других местах раньше и позже. Все это сильно влияло на ту часть белой армии, которая имела кой-какие свои белогвардейские идеи, в роде „устранения большевистской анархии, борьбы за Учредительное Собрание и т. д.“.

Но особенно завопили и зароптали на фронте казаки и мобилизованные крестьяне, когда узнали, что за каждый присылаемый союзниками (англичанами - французами) снаряд Деникин уплачивает двумя быками или 1000 пуд. хлеба, за пулемет 10.000 пудов хлеба, за остальное вооружение и снаряжение расплачивается страшно дорого хлебом, а хлеб-то берет от крестьян и казаков. Они боролись против советской хлебной разверстки, а тут и Деникин не лучше—все равно обязывает сдавать хлеб принудительно по дешевой цене. Большевики хоть берут для России, а Деникин дает чужим, отправляет за границу. Еще больше пропадало желание бороться против Советской власти. Не особенно радовала уже казаков и крестьян и вольная торговля, цены при которой росли баснословно и кроме продовольственных продуктов, все остальные были значительно дороже советских. Разочаровывали белых солдат несбыточные обнадеживания своих начальников. Самонадеянность белых воистину была ужасающая. То они говорили, что „в 20 дней возьмут Москву“, „то Шкуро осталось сделать 18 переходов до Москвы“, „большевики бегут — станичники в Москву“, „все комиссары захвачены“ и т. д. Все, однако, сроки их оказались дутыми. Самонадеянность их даже чувствовалась в самые критические моменты для белой армии. Когда Красная Армия подходила к Ростову и Новочеркасску, генерал Деникин и, начальник его штаба, генерал Романовский писали в своих официальных сообщениях, что наступление большевиков приостановлено, опасаться, мол за Ростов и Новочеркасск нечего, сеющих же злонамеренные слухи надо жестоко наказывать. Такой самонадеянности у Советской власти никогда не было. В противоположность белым, она всегда твердила об опасности, порою с преувеличением бросала призыв рабочим и

крестьянам встать на защиту Республики. (Преувеличение опасности, если хотите, играло положительную роль в том смысле, что в рабоче-крестьянских массах вызывало такую энергию к борьбе, какой иначе не вызовешь. Самонадеянность контр-революции всегда граничила с презрительным отношением к боевой стойкости красных. Излишней самонадеянностью белые неоднократно подводили своих же под неожиданное пленение красными войсками — так, например, при занятии Ростова н/Д красноармейцы слышали крики газетчиков, торгующих вечерними новостями, где было напечатано о поражении красных. Спокойно еще разгуливали некоторые доверчивые офицеры и буржуазия, смелая часть которой, еще выжидая, не торопилась удирать в Новороссийск). Самонадеянность и провокация подрывали всякую веру в доброй половине белой армии к сообщениям своих штабов и газет, к заявлениям начальников. От упадка веры боевые приказы слабо выполнялись.

На упадок духа и веры в победу Деникина очень повлияли доносившиеся вести о поражении Колчака на юго-восточном фронте. Как известно Деникин выразил свое подчинение Колчаку, как „Верховному Правителю“; белые пробили все литавры об его успехах о якобы совершившемся соединении у Царицына Деникина с Колчаком, а на деле терпели опять неудачи. Белые газеты всячески замалчивали поражение Колчака, но солдаты и рядовое офицерство деникинской армии все равно знали об этом из частных разговоров с „осведомленными“ лицами, от населения, они догадывались, что „Колчаку большевики как следует всыпали“, по числу прибывших подкреплений Красной Армии с восточного фронта. На судьбе колчаковской армии белые видели частицу своей собственной судьбы, в этом их еще сильнее убеждали наносимые Красной Армией все более решительные удары. На фронте продолжали проявлять еще стойкость офицерские части и бело-студенческие батальоны, а рядовое казачество дралось нехотя, иногда массами дезертировало по домам, махая рукой на все запугивания своих начальников грозными приказами Троцкого, которые на самом деле в духе расправы над сдающимися и пленными—никогда не издавались.

Деникинское командование пробовало бороться с дезертирством, но эта борьба ни к чему не привела. Я здесь привожу полностью интересный приказ о дезертирах Хоперского Окружного атамана:

ПРИКАЗ ПО ХОПЕРСКОМУ ОКРУГУ.

ст. Филоново.

№ 136.

В последние дни громадное количество строевых казаков, притворяясь больными, бежит с фронта в тыл, и, минуя лазареты, разезжается по станицам и хуторам, бросая порученное им дело за-

щиты округа от красногвардейцев. Массовое дезертирство казаков в тыл, страшно ослабило наш фронт. В некоторых полках осталось 120—150 человек, в сотнях по 25—30 человек. Станичники, предупреждаю вас и заявляю вам, что наши станицы и хутора находятся снова под угрозой пожаров и разграблений. Заняв хутор Чугаевский красногвардейцы уже сожгли хрясцы на полях. Оставшиеся на фронте горсти доблестных и верных своему долгу казаков, напрягают страшные усилия, чтобы остановить врага, стремящегося со всех сторон проникнуть в округ, с каждым днем их ряды редеют в боях, а трусы, изменники, дезертиры в это время, под предлогом болезни, живут по хуторам у женских юбок. Призываю вас, станичники, не медля ни минуты встать на борьбу с этим позором, пошлите немедленно на фронт всех притворщиков-больных, иначе будет поздно. Приказываю: станичным и хуторским атаманам, в течение 24-х часов с момента получения этого приказа, выгнать всех дезертиров на фронт в строй и немедленно мне об этом донести. Всех сопротивляющихся и прячущихся немедленно арестовать и представить в мой Штаб для предания их военно-полевому суду по законам военного времени.

Подлинный подписал Окружной Атаман Хоперского Округа
подполковник Савватеев.

Верно: Начальник Штаба Генерального Штаба Ситников.

Как видно, белые, поощряя зимой и весной 1919 г. дезертирство в тылу Красной Армии, не очень-то любили его у себя и пробовали бороться с ним гораздо суровее, чем это делала Советская власть. Дезертиры Советской власти, в конечном результате, пошли служить в Красную Армию; белые дезертиры так и остались в бегах, скрывались по станицам и хуторам до прихода Советской власти. Таким образом развал деникинской армии начался еще на Дону и закончился весной 1920 года на Кавказе.

7. Деникин и рабочие.

Всех сильнее ненавидели Деникина революционные рабочие Донецкого бассейна и Ростова н/Дону. Что только ни делали шахтеры Донбасса? Портили железно-дорожные линии, мочили уголь, превращали его в мусор, уходили одиночками и группами по деревням, поднимали там восстания.

Конечно, за это их очень сильно ненавидели белые, называя Донецкий бассейн большевистским адом. Наиболее свирепо расправлялся с ним генерал Май-Маевский, и не одну тысячу рабочих рас-

стрелял этот генерал-палач. Не даром и сейчас еще помнят Май-Маевского донецкие рабочие, проклиная в своих песнях. Вот один из документов, свидетельствующих о свирепой борьбе деникинцев с рабочими. Белая листовка под заглавием: „К ответу преступников“, распространялась в тылу и на фронте.

„Главнокомандующим генералом А. И. Деникиным 9-го ноября получена от командующего добровольческой армией генерала Май-Маевского следующая телеграмма:

В настоящей своей поездке на фронт на своем поезде, все время убеждаюсь, что подаваемый на железные дороги уголь, представляет собою негорящий мусор. При современной обстановке это может повлечь за собой многие катастрофы. Общий голос, что причина такого качества угля — колоссальные злоупотребления при приемке, так как пробы угля бывают обыкновенно хорошие. Приказываю начальнику военных сообщений добровольческой армии при обнаружении первой партии негодного угля предать полемому суду всех лиц, прикосновенных к этой поставке, квалифицируя это деяние, как оказание содействия противнику.

Май-Маевский“.

На эту телеграмму главнокомандующим послан генералу Май-Маевскому следующий телеграфный ответ:

„Вешайте беспощадно.

Деникин“.

Рабочие Ростова н/Дону, пролетарского центра юга, все время были настроены против Деникина и сочувствовали Советской власти. Не одна сотня и тысяча смелых пролетариев погибла в неравной борьбе с белыми в 1918 и 1919 г.г.

Краснов и Деникин расстреливали рабочих в лесу, между Ростовом и Нахичеванью, находившемся немного в стороне от железной дороги. Рабочие стремились всячески мстить, расстраивали Деникину тыловой аппарат, саботировали его распоряжения, и были лучшими в его тылу большевистскими агитаторами. Сколько одних воззваний запечатали они в хлеб, идущий в деникинские части. Сколько простых прибауток и дивных песенок сложили они, про деникинские порядки, про скорый приход Красной Армии, высмеивая в них похождения белых. Сформированные же Деникиным, из насильно мобилизованных ростовских рабочих, части, при первых же столкновениях с Красной Армией переходили на ее сторону. Деникин, и все его белые генералы, как огня, боялись торгово-промышленного города Ростова н/Дону.

Рабочие ни на грош не верили Деникину. Не верили ему, даже и в тех редких случаях, когда он говорил правду. Так, например, все время они не верили, что Красная Армия далеко отступила. Они надеялись на нее и сожалели об одном—что, ради сохранения десятков тысяч жизней от белого террора, они не могли помочь своей силой Красной Армии до того момента, пока она не подошла к самым стенам Ростова. В революционном отношении они были безупречны, как рабочие и других южных городов и местечек. Они проклинали белых, горько оплакивали ежедневно расстреливаемых и повешенных своих товарищей, укрепляли в себе революционный дух и с нетерпением, со слезами на глазах, ждали прихода Красной Армии.

8. Донское и кубанское казачество и Деникин.

В Деникинском тылу не было единодушия. Партии буржуазии и помещиков, от правых социалистов и левых кадетов до монархистов, боролись между собой. Правда, был создан „Национальный центр“, во главе которого стоял князь Долгоруков, но этот Национальный центр не пользовался большим авторитетом даже среди самих белогвардейцев. По делам гражданского управления при ставке главнокомандующего донской армией было создано особое совещание, где председательствовал генерал Лукомский и членами его были в большинстве случаев военные—монархисты и кадеты. Это особое совещание было малодейственным, как сами белые говорили—в нем шли только одни разговоры. Еще некоторую роль играли Донской войсковой круг и Кубанская рада. Оба эти учреждения были типичными выразителями интересов зажиточного казачества. По своему составу они были в значительной части военные, в особенности Донской круг. Из 359 депутатов круга было урядников 28,3%, оберофицеров 3,4%, генералов 3%, приказных 0,3% и т. д., а всего военных 78,7%, гражданских нестроевых чинов 21,3%. Это почтенное управление офицеров, генералов, вахмистров, урядников и чиновников занималось больше словопрениями и очень мало проявило себя в плодотворной работе. Кой-когда оно составляло оппозицию Деникину. Донской круг особенно напугался, когда узнал, что белую армию крестьяне встречают восстаниями; в ближайшем от фронта тылу и колчаковская армия стала терпеть серьезные поражения от Красной Армии. Многие члены круга с опаской стали посматривать на политику Деникина и понимать лживость обещаний главнокомандующего, сказанных им в первой речи на сессии круга в феврале 1919 г. „Пойдем мы туда, (т. е. в Советскую Россию—Я. Н.) не для того, чтобы вернуться к старым порядкам, не для защиты сословных и классовых интересов, а чтобы создать новую, светлую

жизнь всем: и правым, и левым, и казаку, и крестьянину, и рабочему". Однако на деле Деникин светлую жизнь нес только правым, только эксплуататорским классам. Он не особенно доверял донским эс-эрам, меньшевикам и кооператорам, которые шли к нему с повинной головой, соглашаясь работать на пользу освобождения России от большевизма. Из них, такие господа, как Васильев, Никитин, (меньшевики) и много эс-эров, например, Локерман, порядочно поработали над тем, чтобы опорочить большевизм, оклеветать Советскую власть и Красную Армию. Они доходили до самых крайних гнусностей, вроде того, что серьезным считали клевету на большевиков о „социализации“ женщин. Таким образом, меньшевики и эс-эры даже морально поддерживали Деникина. Они вступали в переговоры с Донским войсковым кругом и Кубанской радой, насчет объединения „всех живых сил страны“. В то время, как Деникин жестоко расправлялся с революционными рабочими Донбаса, Ростова н/Дону, Таганрога, Царицына и других городов—меньшевики и эс-эры не могли как следует протестовать против всех зверств—они были трусливы, как зайцы, и в этом сказалась их мелкобуржуазная природа. Донской войсковой круг, несмотря на наличие в нем небольшой группы донских социалистов типа Агеева, был все-таки очень послушным в руках Деникина, и не приносил ему столько хлопот, сколько Кубанская рада.

В Кубанской раде преобладали самостийники. Представители богатого и среднего казачества и мелкой буржуазии пуще смерти боялись большевиков. Но они недовольны были и великодержавной политикой Деникина, который не допускал автономии областей и властвовал в них, как военный диктатор. Кубанская краевая рада разыгрывала из себя гражданскую власть и пыталась влиять на обще-российскую политику, которую вел „Национальный центр“ при Деникине. Деникин же, наоборот, постоянно узурпировал права Кубанской рады через своих генералов и временами нет-нет, да кой где и введет осадное положение. Дело дошло до того, что в Кубанскую раду перестали являться представители деникинского командования генерал Лукомский и Врангель, последний командовал тогда отдельной Кубанско-кавказской армией.

Борьба самостийной буржуазной рады с российскими политиками, засевавшими в Ростове и Деникиным привела к тому, что был убит один из вождей рады—Рябовол.

Генералом Покровским, как командующим тыловой частью кавказской армии, по распоряжению Врангеля, было арестовано 12 членов рады, которых об'явили изменниками: Калабухов, Бескровный, Макаренко, Манжула, Омельченко, Велабас, Воронинов, Феськов, Роговец, Жук, Подтопельный и Гончаров. Причиной ареста послужило заключение договора с Меджлисом Горских народов, боров-

шихся против Деникина за свою самостоятельность. Деникин этот договор назвал изменой России. Военно-полевым судом генерала Покровского первый из изменников, казак Новохоперской станицы Алексей Калабухов 16 ноября 1919 г. был приговорен к повешению. 17-го ноября приговор был приведен в исполнение. Калабухов болтался на Крепостной площади г. Екатеринодара, устрашая своим видом самостийников. Остальные арестованные ожидали для себя подобную же участь. В тот же день, 17-го ноября, Врангель явился на заседание Кубанской рады, когда измена была вырвана с корнем. Мелкобуржуазная казачья рада, перепуганная до полусмерти, приветствовала кровавого вождя своей Кубанской армии.

Но как бы ни выражали Деникину своих признательных чувств вожди Кубани, масса давно перестала в своем большинстве верить и поддерживать белых генералов. Дезертирство приняло колоссальные размеры.

Донцы, как наиболее сплоченная и верная Деникину сила, видя рedeющие с каждым днем ряды кубанцев, стали враждебно относиться к Кубани. Некоторые белые офицеры рассуждали даже о том, что надо послать туда сильную карательную экспедицию и пол-Кубани перебить. Разростался антагонизм Дона и Кубани, на почве военных действий, особенно во время панического отступления, когда кубанцы не пытались оказывать решительного сопротивления наступающим красным войскам. Большинство донского эвакуированного имущества осталось на Кубани. Возвращаясь обратно с голыми руками, донские бородачи-казаки, ругая кубанцев, заявляли: „задаром мы свезли свое приданое кубанцам“. Этот антагонизм в декабре 1919 г. дошел до того, что среди донских белых частей зрела мысль бросить Кубань, отдать на „выучку“ большевикам, а самим итти на север спасать свой Тихий Дон“. Но таким мечтам не удалось осуществиться, благодаря стремительному натиску Красной Армии. Для спасения положения вожди казачества, в первых числах января 1920 года, пробовали создать единый Верховный Казачий круг, по 50 ч. от Донского, Терского круга и Кубанской Рады. 25-го января в ставке Деникина, на станции Тихорецкой, вожди казачества еще в последний раз присягали на верность белым генералам, позабыв свое прошлое недовольство. Но было уже поздно, разложение белых рядов было в полном разгаре.

На ослабление контр-революционного лагеря повлияла и та травля, та глухая борьба, которая шла между различными группировками буржуазии и аристократии. Особенно нужно отметить травлю монархистами, во главе с Пуришкевичем, кадетов и Освага (Агитационно-осведомительного Бюро Деникина). Пуришкевич издавал в Ростове н/Дону журнал „Благовест“, в котором, помимо своих молитв на тему „Боже, царя нам верни“, вел

самую откровенную погромную агитацию против евреев, находил их в органах Освага, травил отдельных военных и гражданских чиновников, за какую-либо причастность к первым дням февральской революции или непринятие тогда своевременных решительных мер к пресечению крамолы. В число таких лиц попал, например, известный полковник 4-й государственной думы, Энгельгардт, генерал-лейтенант Можнин и др. Особый взрыв возмущения монархистов против Освага разразился тогда, когда последний стал использовать, в целях агитационных, литературу прошлого издательства либерального капиталиста Парамонова „Донская Речь“. Такая вражда между группами отражалась на фронтовых частях; черносотенное офицерство презирало осважские учреждения и даже не упоминало о каком-то учредительном или народном собрании. Они явно хотели царя, возвращения старых порядков, чем, конечно, отталкивали от себя не только рабочих и крестьян, но и большую часть казаков. Как ни пыталась часть буржуазии склеить воедино всякие враждующие между собою группировки, ей это не удавалось. Работали над этим также и английские и французские миссии. Но и их мало слушались. Англичане обладали вообще при Деникине манией брать на себя роль наставников. Английские империалисты, как говорится, помогали Деникину не за страх, а за совесть. Здесь я приведу часть речи английского генерала Бриггса „о помощи Англии и обязанностях граждан“ на банкете буржуазного общества и военщины в Харькове. „Гордый британец“ говорил:

„Благодарю вас за ваши тосты за Англию, за нашего короля и за нас лично, за вашу теплую встречу меня и членов моей миссии. Я давно собирался быть в Харькове, шестом городе в России по величине. Узнав в Таганроге о пребывании здесь штаба генерала Май-Маевского, я еще более спешил сюда. Я был рад встретить на вокзале почетный караул славного корниловского полка. В Харькове я неизменно испытывал большое удовольствие. Нас беспрерывно чествовали всюду и на улицах—сам король Англии не мог бы рассчитывать на более оживленную и радушную встречу! Я расскажу в Англии, как нас встретили.

„Сегодня утром, я, с особенным удовольствием, видел ряды вашей армии, те полки, которые освободили вас от большевиков.

„Во время моего пребывания здесь, я слышал от городского головы, что вы пережили здесь. Если Англия чем-либо помогла вам в избавлении вас, она глубоко удовлетворена этим. Вернувшись домой, я сообщу всем о ваших нуждах.

„Скажу вам о военной помощи Англии. В Париже был поставлен вопрос, будет ли справедливым помогать вам. Тот же вопрос был поставлен и в Англии, и лучшие люди нашей страны, решили,

что помогать следует! Большинство у нас знает, что вы боретесь за правое дело и что помощь вам будет справедливой.

„Один из видных наших государственных деятелей, видевший в Сибири вашего адмирала Колчака и слышавший эти вопросы в Париже и Англии, решил поставить в парламенте вопрос, нужно-ли помогать вам, и парламент, большинством 252 против 52 голосов, решительно высказался за помощь вам.

„Будет ли Англия помогать вам снаряжением или экономически, зависит от вас самих. Вы должны сами помочь вашим войскам, вы должны оставить ваши внутренние раздоры, тогда и Англия поможет вам. Вы должны знать, что эта война не улучшила нравов мира. В войне сама человеческая жизнь ценится почти ни во что. Воровство—обычное явление. Особенно в победоносной армии каждый считает завоеванное своим; все это идет против начал цивилизации и оставляет свой след; солдаты возвращаются домой худшими людьми, чем шли они на войну. И так во всей Европе. Всему этому еще более помогает спекуляция“.

В этих словах выражена вся подлая работа английской и, вообще, всесветной буржуазии, которая затягивала гражданскую войну и голодной блокадой душила Советскую Россию. История никогда не простит этого тяжелого преступления мирового капитала перед Советской Россией. Все равно как ни старались антантовские (союзнические) правительства спасти белую армию, как ни советовали ее вождам поменьше грабить, спекулировать, а также поменьше вести погромную агитацию против евреев на глазах Западной Европы—никакие советы, все-таки, впрок не пошли. Деникинская армия была побеждена Красной Армией. Как ни старалась Антанта, поднять авторитет Деникина и Колчака—все-таки, он неудержимо пал даже в значительной части казачества и интеллигенции. В белом стане мало было отдельных популярных людей, которые не скомпрометировали бы себя чем-нибудь. Были Шкуро и Мамонтов, с которыми белые носились всюду и которых восхваляли до небес. Но в ноябре и о них перестали говорить, когда их отряды были разбиты и все узнали об их грабежах и бесчинствах.

Командующий добровольческой армией генерал Май-Маевский настолько занимался спекуляцией и мародерством, что сами же подчиненные ему офицеры не могли вынести всего позора и приговорили его к расстрелу. (Май-Маевский поездами распродавал в свою пользу английское обмундирование). Сам Деникин был не популярен в массах по причине своей явно-монархической политики. Господствующие классы в период своего разложения, утери власти не могли даже как следует организоваться для борьбы с большевизмом. Конечно, они все признавали необходимость борьбы и помогали фронту, но внутренними трениями ослабляли свои силы.

Конечно, и в случае даже полной спайки в белых рядах, они не могли бы победить могучее революционное движение. Красная Армия все равно их победила бы. Но борьба бы несколько затянулась. Белые не могли как следует столкнуться с идущим к ним навстречу средним и мелкобуржуазным элементом.

Самонадеянность, самодовольство аристократии и крупного капитала, правой профессуры и высшего командования, создали у них девиз „не рассуждать“, „хорошенько всех проучить“. Ободренные первыми успехами добровольческой армии капиталисты, помещики, позабыли всякую осторожность и во всю ширь развернули свои эксплуататорские привычки и замашки. Они не хотели, да и не могли, вести выжидательной политики, „дипломатично подойти“, чтобы взять в ежовые рукавицы рабочих и крестьян, а действовали с открытым контр-революционным бесстыдством, облегчая нашу задачу сплачивания трудящихся вокруг Советской власти.

Мне хочется отметить еще одну особенность состояния тыла Деникинской армии. При наступлении Красной Армии, большинство казачьего, буржуазного, даже иногда интеллигентного населения, бежало впереди белых войск в глубокий тыл. Массы людей, просто обывателей бежали, напуганные агитацией Освага, попов и генералов, которые говорили: „придут большевики и всех перережут от мала до велика“. В некоторых станицах и хуторах, уезжали поголовно все казаки, оставались только крестьяне, да несколько стариков. Вся эта огромная волна беженцев наводила в тылу Деникина страшную панику, забивала дороги и помещения, разносила тиф, чуму, деморализовала тыл. Часть беженцев, от'ехавши на некоторое расстояние (верст 100—200), прожив захваченные средства, растеряв в переездах имущество, начинает одумываться, прислушиваться к действиям большевиков по отношению к оставшемуся населению и убеждается в том, что слухи о расстрелах и зверствах большевиков по отношению к жителям ложны. Пережив мучительную внутреннюю борьбу, многие решаются возвратиться обратно. Никакие угрозы белого офицерства, никакие препятствия в пути не могли приостановить обратного движения „образумившихся“. Обычно этот поток наблюдался с очередным поражением белых в том или ином месте. Проклиная обманщиков-генералов, покорные как агнцы, возвращались беженцы в покинутые родные селения. Массовые отступления населения в белый тыл на юге, принесли Деникину только один вред. При отступлении Красной Армии, с ней отступали только коммунисты, красные казаки, иногородние и те из беспартийных революционных рабочих и крестьян, кто наперед знал, что жив от белых разбойников не останется, да горел желанием в тылу вступить в формируемые части Красной Армии, чтобы сразиться с золотогонниками. В красном тылу было мало лишних людей, а остав-

шееся трудовое население под властью белых, сдавало экзамен на верность Советской власти.

Отступающие в красный тыл укрепляли его, отступающие обывательские массы в белый тыл, ослабляли его.

Настроение белого тыла было самым качающимся. Ликование крупной буржуазии и мелкобуржуазных обывателей скоро сменялось смертельным паническим ужасом. Также и для самой белой армии победоносные успехи сменялись невиданными поражениями, беспорядочными отступлениями. Здоровый великан в лице героической Красной Армии, собравшись с силами, с невиданной славой и доблестью кончал с неизлечимо-больной контр-революционной военной силой. Спаянное общностью интересов кубанское и донское казачество, вследствие разочарований и неудач левело и переходило на сторону красных войск или начинало соблюдать нейтралитет.

9. Духовенство и Деникин.

Духовенство, которое на юге исключительно является православным, (число мусульманских мулл, еврейских раввинов и католических ксендзов очень ничтожно), приняло самое активное участие в гражданской войне. Духовенство, лояльно относившееся к Советской власти, или соблюдавшее, по крайней мере, нейтралитет, было очень редким явлением. Обычно „служители алтаря“ всех религиозных культов считали большевизм и Красную Армию своими злейшими врагами и, как могли, боролись с ними. Борьба эта заключалась в произнесении проповедей в церквях против большевиков и восхвалении белогвардейского воинства. Предоставление церквей для складов оружия, укрывание контр-революционных заговорщиков и, наконец, вступление лиц духовного звания в ряды белых войск отдельными личностями или целыми однородными отрядами, которые были известны под названием „батальонов имени Иисуса Христа“, „Мщения большевикам“ и т. д., было обычным явлением в то время со стороны духовенства. Весь свой авторитет, все свое влияние на верующие массы, духовенство использовало сначала в интересах Краснова, после Деникина и других вождей белых армий. Так поступало оно не только в одиночку или отдельными группами, но такую активную поддержку белым в гражданской войне оно оказывало через свои церковные объединения, епархии и т. д. При Деникине организовался „Юго-восточный русский поместный церковный собор“, который стал управляющим органом всех приходов и монастырских местностей, занятых белыми. В подтверждение даваемых мною сведений о роли духовенства, я приведу выдержки из нескольких постановлений и воззваний этого собора, которые

вскроют всю контр-революционность, всю гнусную работу духовенства. Первым помещаю полностью послание поместного собора к красноармейцам, заседавшего 19—24 мая 1919 г. в г. Ставрополе:

Красноармейцы!

„Южно-русский церковный собор, собравшийся в г. Ставрополе, памятуя, что господь пришел спасти не праведников, а грешников, обращается к вам от имени распинаемой вами православной церкви с словами увещания.

Есть среди вас обманутые, есть и оболыщенные, есть и сознательно преступные, но все вы служите делу грядущего антихриста.

Во что превратили вы святую Русь? Вы залили ее братскою кровью, которая вопиет ко господу. Вы разорили государство, вы осквернили, разрушили семью, вы измучили, истерзали, втоптали в грязь лучшее, что было в народе нашем — его церковную жизнь.

Руководители ваши, ненавидящие Христа, ведают, что творят: они знают, — из души народной надо вырвать православную веру, остальное приложится. Под видом борьбы за народное счастье и народную власть вас повели под кровавым знаменем революции, прежде всего против господя нашего Иисуса Христа и его церкви. И лишь вы, ослепленные, не видите, что цель вождей ваших не в борьбе со старою верою вашею, святою и могучею, на которой возросло и крепло русское государство и зиждилось благосостояние народа. Революция — это кровавый поход против Христа. Вот почему вы слепо разрушаете православные храмы, когда синагоги и мечети стоят неприкосновенными. Вот почему вы оскверняете честные мощи. Вы растапывали, как бесноватые, в алтарях святые дары. Вы издевались над иконами спасителя и божией матери и угодников божиих. Вы распинали на крестах, мучили, закапывали живыми в землю служителей бога живого. Ни один народ не творил таких страшных преступлений, какие содеяны вами за два последние года.

Долготерпелив господь, но страшен гнев его. Возмездие земное уже близится. Победоносные полки добровольческой армии, об'единившие почти весь юг, сибирская армия адмирала Колчака, подопешшая к Волге, армия генерала Юденича, осаждающая Петроград, западные полки славян, приближающиеся к Киеву, уже сжали железным кольцом Красную Армию. И близок час, когда силой оружия, благословляемые православною церковью, русские полки с крестом и священными знаменами войдут в Кремль Москвы. Наступит час расплаты. И вожди ваши еще раз предадут вас: с награбленными миллионами они найдут способ убежать и скрыться, а вас оставить для расплаты.

Покайтесь, сознайте преступления свои безмерные и тяжкие! Вспомните, что вы когда то были верными чадами церкви христовой. Смойте слезами раскаяния кровь, которая на руках ваших! Отрекитесь от сатаны! Сложите оружие ваше! Земная власть пощадит кающихся. А перед богом вы должны искупить грехи всей вашей последующей жизнью. И тогда господь, веруем, простит вас, примет в лоно свое, как отец принимает блудного, но раскающегося сына“.

В этом послании есть все. Клевета насчет того, что большевики разрушают иконы, закапывают „живыми в землю служителей бога живого“. Увещевание в грехе за то что, Красная Армия покусилась на буржуазную собственность и раскрывала обман попов, просьба сдаваться к белым и, наконец, угрозы. Только не верили красноармейцы таким воззваниям духовенства и еще больше его ненавидели.

Второе обращение (от 21 мая 1919 г.) адресуется ко „Всем чадам православной церкви южного края России“.

„Благодать вам и мир от бога отца нашего и господа Иисуса Христа“. Блюдите, како опасно ходите, не якоже немудры, но якоже премудры, искущующе время, яко дние лукавы суть“. (Ефес. 5, 15-16).

„Поистине лукавы дни, ныне переживаемые нами, и подобает всем нам соблюдать сугубую осторожность, да не впадем в горшие беды, и всячески дорожить данным нам от господа временем, да не подвергнемся осуждению за нерадение и упущение времени, потребного для неустанного делания на пользу святой православной церкви. По крайней нужде церковной, по зову преосвященнейших архипастырей местных епархий и, мы верим, не без мысленного благословения святейшего отца нашего Тихона, патриарха московского и всея России, через отделяющие нас от него преграды вражие, изволением святого духа, собрались мы ныне в богоспасаемом граде Ставрополе на поместный церковный собор, дабы при божией помощи устроить важнейшие неотложные церковные дела южного края России“.

„Православные русские люди, прекратите взаимные распри, раздражающие близких соседей и братьев по вере и крови; сильные, не притесняйте слабых; богатые, не обижайте бедных; бедные, не завидуйте богатым; не позволяйте себе неправедных прибылей, которые, как огненные уголья, падут на голову вашу; берегитесь убийства, жестокости к беззащитным, грабежей и присвоения не принадлежащего вам имущества—этот наш великий порок, увы, за последнее время стал причиной недоброй славы в народе нашем.

Пора нам опомниться, пора понять, что всем нам нужно покаяться и исправиться, чтобы заслужить от господ прощение за наши великие и тяжкие прегрешения, навлекшие пламенный гнев божий на нашу родину“.

21-го мая 1919 года, г. Ставрополь.

Вот настоящий образец поповской агитации. Советскую власть они называют безбожной, открыто призывают для борьбы с нею. Взбунтовавшийся против помещиков и господ простой народ они призывают к смирению, к покаянию перед господом. Духовенство призывает к классовому миру борющихся врагов, но само стоит на стороне богатых и генералов. Оно не призывает к смирению белых разбойников перед Советской властью, наоборот, свои призывы направляет к рабоче-крестьянской голытьбе и требует ее покорности перед Деникиным. Как ни темны были трудящиеся юга России, но хорошо разобрались все-таки в позиции попов и за ними не пошли. К попам у крестьян и рабочих, красных казаков, было одно только презрение. Они пользовались влиянием только среди белого казачества, буржуазии и интеллигенции, ставшей вдруг очень набожной. Конечно, в уничтожении вредной для революции работы духовенства в ослаблении его силы, большую роль сыграла наша коммунистическая пропаганда. Всюду советские органы и партийные организации устраивали лекции, диспуты, митинги, издавали воззвания, писались в газетах статьи по вопросу отделения церкви от государства, религии и коммунизма. Никогда, ни в одном государстве так смело не критиковали духовенство, не вели так широко антирелигиозной агитации, как это было в годы гражданской войны в Советской России. Причем масса охотно слушала, читала, что говорилось и писалось про попов, про веру в бога. Редко были возгласы протеста даже среди верующих, больше слышались поддакивания „так им долговолосым и надо“, „ишь животы то отростили“, „долой попов—они за богачей“, „водолазы, дьяволы проклятые, только смущают народ“ и т. п.

Но мы еще дадим несколько слов самому духовенству. Протопресвитер морского и военного духовенства Георгий Шавельский в своем циркулярном письме от 16/II 1919 г. пишет всем штабным, полковым и госпитальным священникам (у белых в армии были священники).

„Согласно приказания Временного Высшего Церковного Управления, предлагаю всем, по мере продвижения наших войск вглубь России, при прохождении через села, города, немедленно извещать епархиальных священников о следующем:

1) Определением, состоявшегося 19-24 мая 1919 г. в г. Ставрополе юго-восточного церковного собора создано и с 5 с. июня дей-

ствуется в г. Екатеринодаре „Временное Высшее Церковное Управление на юго-востоке России“, коему предоставляется вся полнота высшей церковной власти и которое будет действовать до установления беспрепятственных сношений с святейшим патриархом. Означенное В. В. Ц. Управление состоит из семи лиц: трех епископов, двух пресвитеров и двух мирян. (Соборами избраны: председателем—донской архиеп. Митрофан, членами: таврический архиеп. Дмитрий и таганрогский еп. Арсений, протопресвитер Г. Шавельский, профес. прот. А. Рождественский, граф В. В. Мусин-Пушкин и проф. П. В. Верховской).

2) Указом Вр. В. Ц. Управления от 5 июня за № 2-м определено: во всех церквях территории, занятой вооруженными силами юга России, на богослужениях: „на ектениях, на великом выходе и на многолетии после „богохранимой державы российской поминать и „благоверного верховного правителя ее“. Означенный указ последовал после суждения о признании генералом Деникиным адмирала Колчака верховным правителем России.

3) В видах облегчения задач государственной власти, стремящейся водворить закон, правду и порядок на Руси, Вр. В. Ц. Управление в особенности озабочено в настоящее время развитием приходской жизни на началах приходского устава, выработанного Всероссийским Священным Советом. Посему оно предлагает пастырям освобождаемых от большевиков местностей, усилив, вообще, свою пастырскую работу, приложить особое старание к скорейшему образованию приходских советов где их нет, и деятельность этих советов направить к поднятию в населении патриотического духа, к содействию новой государственной власти в ее великих трудах по восстановлению расстроенной большевиками народной жизни и к рассеянию всяких вздорных, лживых слухов; направленных на возбуждение в населении недоверия к армии, борющейся с большевиками и к новой власти, (т. е. деникинской). У нашей армии и государственной власти одна цель и одно желание—скорее освободить истерзанную родину от насильников и грабителей—большевиков и дать народу возможность самому, через своих выборных, разрешить все дальнейшие вопросы: о форме власти, о земле, о рабочем вопросе и проч.“

Это поручение Вр. В. Ц. Управления все военные священники обязаны выполнить со всем усердием, при всякой возможности распространяя настоящее мое циркулярное предложение.

Подписал протопресвитер Георгий Шавельский.

Церковь быстро ориентировалась с помощью белой гвардии, даже будучи отрезана от своего московского центра. Во 2-м пункте говорится о провозглашении многолетия адмиралу Колчаку (который и

года не прожил — в январе 1920 г. был в Иркутске расстрелян восставшими рабочими и крестьянами), а также дается подробная инструкция на счет того, как надо держаться в занимаемых белыми местностях, как старательно нужно оказывать помощь Добровольческой Деникинской армии. Попы спасали и свои собственные шкуры, они очень боялись, как бы неверие не распространилось слишком далеко, чтобы совсем они не остались без паствы. С этой целью они думали вызвать волну религиозного под'ема, очень много стали рассуждать о раскаянии во грехах, страхе божием, о возвращении к вере Христовой, дьявольских наводнениях и т. п. Они наряду с поддержкой господствующих классов, пытались таким образом в когти религиозного дурмана зацепить как можно побольше верующих овец. Высшее духовное начальство укоряло тех своих подчиненных людей „священного“ сана, которые поддавались общему настроению охлаждения к вере, недостаточно энергично вели религиозную проповедь.

По этому поводу даже последовал особый указ от временного высшего церковного управления на юго - востоке России. Епархиальным преосвященным и протопресвитеру военного и морского духовенства.

В этом указе, за подписью члена управления епископа Арсения и управляющего канцелярией Махароблидзе пишется:

„Временное высшее церковное управление на юго - востоке России имело суждение о мерах к усовершенствованию богослужебного порядка в православных храмах.

Приказали: православное богослужение — это великое и не-оценимое сокровище веками слагавшихся мыслей и чувств многих поколений искренно верующих людей — уже давно оказывается в некотором пренебрежении у служителей и посетителей храмов. Между тем, оно полно такой глубины божественной мудрости и такого нравственного назидания, что даже одно чинное и прочувствованное совершение богослужения способно производить на молящихся очень действенное воспитывающее впечатление. С другой стороны—ничто не действует на христиан так разрушающе, ничто так не охлаждает веры и не притупляет совести народной, как бесчувственная небрежная и неохотная молитва пастыря в храме и за требами, потому, что теплохладность настоятеля невидимо передается тем, от которых он возносит молитвы к богу. Этот беспорядок был всегда преступен и всегда вреден святой нашей вере и церкви и открывал широкий доступ сектантской пропаганде, полной желчных упреков по адресу нашего духовенства. Ныне переживаемые нами тяжкие испытания побуждают всех сознательных православных людей обратить на изложенное самое бдитель-

ное внимание, потому что большевизм не есть только учение о лучшем общественном устройстве, а гораздо более того — огромной по своей широте и силе движение организованного зла для того, чтобы с корнем вырвать у людей веру в бога, подорвать убеждение в истинности и обязанности нравственного закона христианства, и в конце концов, обратить всех в безличные животные существа, легко поддающиеся руководству на зло и преступление. Для своей цели большевизм более чем, какая-либо секта, нападает на веру, церковь и духовенство, коверкая святое учение, искажая тексты, подменяя мысли, выслеживая всякие человеческие недостатки, проникающие в церковную жизнь. Не остается без упреков и богослужение. В этих обстоятельствах наш простодушный и темный народ бессилён разобраться в правдивости приводимых агитаторами примеров и доказательств, не улавливает скрытой клеветы и губительного яда и поддается проповеди неверия и безнравственности. Поэтому ни одной минуты нельзя медлить для пробуждения в народе правильного понимания истин веры и нравственности для возрождения его духовных сил, страха божия, благоговения перед богом, уважения к порядку, честного отношения к долгу и других добродетелей и гражданских доблестей. Но для сего необходимо начинать с богослужения.

Дальше Епископ Арсений даёт несколько практических указаний, вроде того, что

„для благолепия и благочиния богослужения нет нужды в заведении больших и дорогостоящих хоров, посвящающих свое искусство передаче трудных и светских по духу песнопений. По возможности, всюду и всегда должно быть введено общее пение, особенно — за всенощным бдением: „богородице дево“, „воскресение Христово видеши“ и на литургии: „верую“, „достойно“, и „отче наш“; совершенно недопустимо нарушать стройность богослужения и убивать молитвенное настроение паузами, остановками, замечаниями священника церковнику или псаломщику, хождением с места на место, праздными или посторонними беседами в храме и особенно — в алтаре; необходимые сокращения церковных служб должно делать умело, без повреждения смысла и уродования чина, не опуская тех стихир и песнопений, которые составляют особенности данного богослужения и разнообразят мысли молящихся. При этом нужно помнить, что томительному для молящихся удлинению службы часто способствует совершенно излишняя певучесть возгласов, тягучее и хотя бы даже и поспешное, но не раздельное чтение и непонятное пение и чтение; необходимо обратить особенное внимание на проповедь. Живое, простое, но теплое и разумное, согретое христианской любовью слово с церковной кафедры должно вносить умиротворение в отягощенные неправдою нашего времени сердца,

успокоение в смущенные умы, порядок и мир в расстроенную жизнь.

На пастырях церкви лежит величайшая обязанность—об'единить около церкви во имя Христа, примирить враждующих — отдельных людей и целые классы общества, мало-по-малу рассеивать распространившиеся в последнее время антихристианские и антигосударственные коммунистические идеи и неуклонно звать всех к жизни честной, трудовой, согласной с верой нашей.

Подлинный подписали: член управления Епископ Арсений.

Управляющий канцелярией Е. Махароблидзе.

Очень много насмешек и презрения создавалось к черносотенным „отцам духовным“, когда они через меру откровенно изливали свои чувства перед деникинской армией.

В этом отношении знаменателен „пастырский привет Добровольческой армии, ко дню ее второй годовщины“, от митрополита Киевского и Галицкого Антония, он пишет так:

„Героям Севастополя, 64 года тому назад, русский государь считал каждый месяц службы в осажденном городе за год; таких месяцев было одиннадцать. Добровольческая армия сегодня, 2 ноября, закончила двадцать четыре месяца столь же славной и столь же трудной защиты родины от врагов, но еще не закончила самой защиты, а вступила сегодня в третий год своего славного и самоотверженного подвига. Божие благословение вам, доблестные герои. Благословение от господа и слава от благодарных соотечественников. На ваших трудах, на крови ваших сотоварищей живет еще и возрождается святая Русь. Она еще в муках рождения. Еще нет великой российской православной державы, но когда она будет — если она восстанет из своих развалин, то благодаря, вам, вашему ратному подвигу.

Да поможет же вам господь довести сей подвиг до вожделенного конца его, донести свои знамена до обеих столиц великой России и водрузить их там навсегда. Да поможет вам господь вовлечь в свой подвиг весь русский народ, все его племена, перелить в их сердца вашу святую ревность о спасении родины и веру в то, что она будет спасена именно вами!“

Лучшей агитации за то, чтобы усилить ярость красноармейцев против духовенства, не придумаешь.

Для того, чтобы одурачить мусульманские массы горцев и калмыков, наше православное духовенство из стана белых обратилось к „его высокопреосвященству мусульманскому муфтию“ насчет его мнения о большевизме. Тот сочинил пресмешной рассказ из древней истории со своими идолами. Он был издан на мусульманском и русском языках.

Мы приведем наиболее яркий отрывок из этого воззвания:

„Большевизм, по мнению муфтия, учение, имеющее за собою многовековую давность. Оно впервые зародилось в государстве фарситов, в эпоху язычества. Проповедником этого учения был кровавый фарсит-язычник Зердешт. Некий язычник Мездек Памдазд, последователь Зердешта, в одном из своих воззваний к народу, говорит следующее: „Вам предоставляю право отбирать от имущих их имущества и пользоваться ими на правах их собственников. Берите их, и делите между собою. Вы имеете право обладать женщинами. Берите любую из них и живите с ней, а при желании можете расстаться. У владельцев больших квартир отбирайте все комнаты, за исключением одной, которую предоставьте владельцу. Пользуйтесь этими квартирами по своему усмотрению. Не имеющие садов, пользуйтесь плодами садов имущих. Делите между собою урожай хлебов на полях, противящихся же этому, убейте и тела их бросьте на с'едение собакам. Эту свободу нам дали боги, и всякий, кто будет проводить в жизнь эти принципы, получит благодарность богов“. Чернь, увлеченная такими многообещающими воззваниями, пошла за Зердештом. Все зажиточные граждане были ограблены, женщины опозорены, сопротивляющиеся этому насилию—убиты. Следуя учению Зердешта, чернь довела государство до полного распада. Царя своего чернь заставила исполнять общественные работы, жену и детей его опозорила. Так страна подвергалась десятилетнему грабежу и анархии. Наконец, старейшие в государстве собрались вместе и постановили низвергнуть царя Кабаза за его покорность Мездеку, но нашелся один гражданин, по имени Зир-Мугр, который, будучи сторонником низвергнутого царя Кабаза, добился реставрации его дома. Кабаз вскоре умер. Царем после него стал Каспри-Энни-Шерван. Он очистил государство от шаек грабителей—последователей Зердешта и Мздека и привел его в первоначальный вид. После этого над миром засияло солнце ислама и господь бог внушил пророку Магомету священный коран, в котором предписал остерегаться от всего вредного и дурного, верить в чистоту, безгрешность и непорочность его пророков, а, в особенности, через пророка Магомета указал для людей законы. Вот один из них: „Имущество, купленное кем-нибудь, или полученное в наследство, или как подарок, или же по обещанию, принадлежит только ему одному“.

Какие непрозорливые были большевики, они и не знали, что их предшественники, как вещает египетский муфтий в глубокой древности были фарситы. Бедные, бедные наши поны, если для подкрепления своего эксплуататорского дела прибегают к наивному сочинительству невежественного египетского сатрапа. В этой сказке все подведено под большевиков, в том виде, как их изображает бур-

жуазия. Они призывают на помощь Магомета с его кораном, в подкрепление священного права частной собственности. Частная собственность — святая святых буржуазии. Из-за нее, главным образом, шла борьба, на основе защиты, из-за нее буржуазия вела всю свою пропаганду, используя попов всех религий, благо они евангелие и коран покорно склоняют перед богатством и сильными мира сего. Но как ни пытались белые на почве религиозной проповеди склонить мусульманские массы Кавказа, им это удалось в небольшой степени. Большинство кавказских горцев в тылу Деникина восстало против него. Немало пришлось ему двинуть туда офицерских и казачьих карательных отрядов, убить своих сил, но все равно, восстания подавить не удалось. Грязная работа наших православных батюшек также не могла приостановить победного шествия Красной Армии на юг.

Духовенство не только проповедывало, взывало к чувству верующих, оно практически мстило большевикам, играя часто роль провокаторов по выдаче коммунистов и красноармейцев, шпионило, давало сведения о красных белому командованию и, наконец, оправдывало, благословляло бесчеловечные расправы белых над советским населением. Помимо с'езда духовенства всего юго-востока, в Ставрополе состоялись некоторые епархиальные и уездные с'езды духовенства в 1919 году. На них духовенство давало еще больше выделиться своим злобным чувствам к большевистскому населению.

Так, на с'езде в Богучаре, в Воронежской губернии, где присутствовало 90 человек, помимо других вопросов, стоял неизменный вопрос о борьбе с большевизмом. Большинство христоролюбивых батюшек вынесло постановление об избииении всех большевиков и им сочувствующих со всем их отродьем.

Но после этого на с'езде произошла несколько курьезная сценка. Один из здравомыслящих попов взял после голосования резолюции слово и заявил: „братие, уничтожить томы всех большевиков уничтожим, а кто-ж тогда работать то на нас будет?“. Действительно, он был прав, большевики с сочувствующими составляли большую часть населения, физически уничтожить которую было нельзя. После новых страстных обсуждений, с'езд попов изменил несколько свое первое решение, остановившись на том, что уничтожать нужно только самых опасных большевиков. Конечно, услужливое для буржуазии белогвардейское офицерство не рассуждало долго, и уничтожало без разбору, сожалея только об одном, что слишком много еще большевиков остается в живых. И духовенство благословляло на разбой белые банды. Правда, оно пробовало призывать офицеров не слишком мстить за прошлые грубости и насмешки рядовым солдатам, не озлоблять, не восстанавливать их против себя. Отчасти это делалось для близиру, чтобы показать свою напускную христианскую добро-

детель; сокровенные же мысли их попрежнему были за большее уничтожение красных безбожников. Офицерство с первыми совсем не считалось и там, где чувствовало себя победителем, пощады не давало никому, кто имел прямое или косвенное отношение к революции. И никогда голос попов не раздавался, чтобы осудить происходивший где-нибудь разбой, потребовать решительно прекращения зверств от имени церкви. Духовенство было жестоким к страдальцу-народу, стонавшему под пятой белых генералов. За то жестоко относились иной раз к попам вышедшие из терпения красные бойцы. Часто слетали головы с плеч не в меру черносотенных батюшек.

Мне самому пришлось быть свидетелем того, как в огромном 14-тысячном селе М. Грибановке, Тамбовской губ., были расстреляны 5 попов и 1 дьякон. Поводом к расстрелу послужило то, что во время прихода денкинцев, когда те собирали крестьян, уговаривая поступить в Добровольческую армию, попы вышли на митинг и повели такого рода речи: „Хорошенько, господа офицеры, проберите этих каналов. Им мало было земли нашего соседа, господина земского начальника, так и до нашей добрались. Совсем от рук отбились, а теперь служить не идут, обормоты“. Мужички слушали своих батюшек и крепко все это мотали себе на ус. Вскоре после этого, кажется, на второй день, вступала в село Красная Армия, крестьяне рассказали ей все выходки своих попов. Этого было довольно, чтобы красноармейцы вылили свой гнев на притеснителей. Батюшки были расстреляны на виду всего населения, без всяких протестов с его стороны. На утро следующего дня их разрешили родственникам похоронить по церковному; отпевать пришлось, единственно оставшемуся в живых нейтральному дьякону. На похоронах попов участвовали одни только старушки. Многие крестьяне были очень рады, что избавились от таких черносотенных духовников. Немало попов погибло и в других местах юга России, где железной поступью прошла гражданская война. Убивали тех, кого заставляли где-нибудь в заставе, захватывали с оружием в руках. Те же батюшки, которые держали себя спокойно и слишком активно не боролись с Советской властью—ничем не страдали, разве, кроме того, что проходили регистрацию, да иногда подвергались обыскам, для пущей безопасности от контр-революции. Но таких попов было меньшинство, большинство же, являясь активными контр-революционерами, при отступлении уходили с белыми войсками, бросая на произвол судьбы свою верующую паству.

Нередко приходилось нашим первым военно-революционным комитетам волостным и станичным, по просьбе стариков, посвящать в попы своим, советским, путем некоторых остающихся псаломщиков, дьяконов, а то и просто начитавшихся священных книг крестьян.

Мы это делали в интересах тактики, с тем, чтобы успокоить старых людей, показать лишней раз массе, что на веру гонений большевики не устраивают, силою от нее никого не отбрасывают, а только убеждают в своих идеях, доказывают весь вред религии. Однако, были села, которые жили долгое время без попов, пока архиепископ не пришлет какого-нибудь безработного духовника.

Редко, редко, а иногда все-таки беглецы попы потихоньку, тайно возвращались, приходили в ревкомы, и исполкомы с повинной головой и, конечно, по добродушию нашей Советской власти получали прощение, после предварительного обещания никогда больше белых не поддерживать. Были такие, крайне редкие, экземпляры из поповской братии, которые под влиянием белогвардейских расправ с простым народом, из моральных побуждений, жалости к бедным, становились противниками белых, примыкали к Красной Армии, были в ней стрелками, кашеварами, канцеляристами в штабах.

Были в Красной Армии и монахи. Обычно эта публика выходила из рядов пролетариата и крестьянства, опять-таки и здесь сказывалось резкое классовое разделение. Мне пришлось встретиться с двумя монахами - красноармейцами, ставшими уже коммунистами (были раньше в одном монастыре Усть - Медведицкого округа). О своей прошлой монашеской жизни они вспоминали как о каком-то кошмаре, они знали все интриги и проделки черного и белого духовенства, мстили, ненавидели их беспощадно. На моей памяти было два случая, когда деникинцы расстреляли двух советски - настроенных попов.

Еще раз повторяю, таких было очень немного. В массе своей духовенство было на стороне белых, им отдавало свое влияние и свои силы и вместе с ним разделяло тяжкое поражение всего контр-революционного фронта. Революция преодолела, разорвала все паутины поповских хитросплетений и религиозного яда. Большевизм, в героической освободительной борьбе против всего угнетающего, для широких обездоленных масс стал новой религией, новым трудовым жизненным евангелием, которое глубоко затрагивало сердца всех угнетенных и обездоленных. Это новое евангелие, толкавшее на сознательную борьбу, охватило каждого труженника особенным внутренним жаром страстных желаний скорее покончить с контр-революционными силами.

10. Печать и агитация белых.

Наученные горьким опытом гражданской войны белые, с весны 1919 г., стали придавать большое значение устной и печатной агитации. С этой целью был организован Осваг, о котором мне уже

приходилось упоминать. Во главе его встал видный кадет-профессор Соколов. Осваг раскинул свои отделения по всем линиям движения деникинской армии, широко распространяя свои листовки, воззвания, плакаты, брошюры, журналы. Появились даже агитационные поезда на манер советских, только без революционного духа, с совершенно противоположной окраской.

Нас здесь больше всего интересует содержание белой агитации. Главный недостаток ее заключался в отсутствии правдивого освещения; в действительности, она носила характер отвлеченной болтовни. Для масс белая печать была бессодержательной, поэтому она не могла склонить их на свою сторону. Обыкновенно текст всех воззваний, брошюр писался в Ростове н/Дону или Новочеркасске, где совсем не учитывали конкретные боевые условия и фронтовые настроения, а расписывали обычные поклепы, вранье на большевиков о том, что большевики предадут Россию, „большевики—немецкие шпионы“, „большевики—гасители культуры и веры православной“, описывают „ужасы Чрезвычайки“ и сказки о „социализации женщин“ и, наконец, пели хвалебные гимны добровольческой армии. Я приведу несколько образцов деникинской агитации. Вот яркий образчик тупости и бесцветности Освагской агитации: Братские обращения к мобилизованным красноармейцам в праздники вознесения Христова и троицына дня:

„Наступают радостные весенние праздники, праздники цветов, трав и деревьев. Цветут акации, волнуется молодая трава и тихо шелестят блестящими листьями деревья. Хаты тонут в черешнях, а перед хатами высокие роины, колыхаемые ветром ведут между собою таинственный, им одним понятный, разговор. Синеют степные речки, вошедшие в свои зелено-бархатные берега, и тихо рокочут прозрачными волнами, несущимися к седому, тихому Дону. И вся природа, нарядная и ликующая, как в заколдованном волшебном сне, погружена в какую-то божественно-сладкую истому.

Но ликует ли наша любимая родина - мать, наша матушка - Россия, превратившаяся из царства мирных земледельцев в какое-то мрачное звериное царство. Ужасы междоусобной войны унесли с собой все ее радости, оставив одно горе и развеяв по ветру весь ее покой, все счастье, все ее богатства и благополучие. Вместо мирного звона кос слышится лязг оттачиваемых окровавленных штыков и сабель, вместо стука цепов — трескотня пулеметов, взамен пыхания паровых молотилок—шум и оглушительные свистки бронированных автомобилей. И все это покрывается непрерывной пальбой из пушек и орудий.

Одумайтесь, красноармейцы!“

Само содержание воззвания не затрагивает массовика рабочего крестьянина. Что массам до журчания ручейка, до пения птиц,

когда он это видит и слышит каждый день, даже во время смертельной классовой борьбы за землю, богатства и свою власть. Не вздохами по „божественно-сладкой истоме“ остановить эту борьбу. Война „междоусобная“, гражданская, самая страшная для буржуазии; она пробует хвататься за больное место обывательского сознания, что русский с русским воюет. Но рабочий и крестьянин, ведя войну, великолепно отдавал себе отчет, с какими русскими ведет он борьбу. Борьбу с угнетателями — с буржуазией и помещиками он признает священной. Так не такими жалкими причитаниями о „междоусобности“ приостановить гражданскую войну.

Очень много листовок издавалось о человеконенавистничестве, провокационного свойства, рассчитанных на то, чтобы запугать красноармейцев в неизбежности скорого краха Советской власти. Большевизм, никто, мол, не поддерживает за границей, все против него. В листовках сказывалась лютая ненависть капиталистов и помещиков к революции и ее работникам. Особенно рсточалась клевета против комиссаров. Вот образец такого воззвания:

„Ваши дни сочтены, красноармейцы!

Ваши комиссары, для того, чтобы продлить свой подлый обман, снова говорят вам о какой-то „Всемирной революции“ и о том, что, будто-бы, большевизм охватил целый свет.

Давно вы слышите эти песни комиссаров, давно комиссары шельмуют вас. Но мирового большевизма нет и нет, да и быть его не может. За границей только ахают и охают, глядя на русский большевизм, с нерусскими людьми во главе. Большевизм Бронштейна есть жульничество, надувательство и надругательство над Россией и русским православным народом.

Бронштейнам хочется жить во дворцах, грабить русское золото, вот они и обманывают вас всячески: в скотов вас превратили, на бойню гонят под китайскими и латышскими штыками“.

И дальше, белые еще сильнее распоясались: „Вы не знаете правды, вы не знаете что вам в тыл зашел со своими армиями адмирал Колчак, у вас в тылу восстание против Советской власти, голод и страшные болезни. Ваши полки целиком переходят на сторону Колчака, Юденича и Деникина, а другие разбиваются на голову. Вы окружены со всех сторон плотным кольцом войск Колчака, Юденича, Деникина, англичанами, финнами, поляками, литовцами и белоруссами.

Ваши дни сочтены, вы попадетесь в ловушку и вовлекаете в новые беды ваши семьи, в деревнях и селах Советской России страшный голод, ваши дети, жены, матери и отцы пухнут от голода и мрут.

В Петрограде ваши „коммунисты“, согласно сообщению генерала Юденича, командующего Северной армией, генералу Деникину, едят с голодухи человечину.

Опомнитесь! Хватайте ваших комиссаров-обманщиков и вставайте на защиту свободы, законности и порядка.

Идите к нам, как идут ваши сознательные товарищи. Они с оружием в руках идут к нам и борются вместе с нами за освобождение России от комиссаров-обманщиков“.

Очень много в деникинских воззваниях говорилось об осквернении большевиками храмов православных, гонении на верующих и т. п. Доходили до такой ерундистики, что печатали: „в таком-то хуторе красноармейцы венчали священника с кобылой“. Надо не иметь совершенно головы, чтобы написать такую ложь. А белогвардейцы писали много такого рода сфабрикованных сведений.

Удивительно глупую агитацию вели деникинцы среди недовольного мусульманского населения Кавказа. Обычно выпускались листовки за провокационной подписью „мусульманин“, в которых призывались мусульмане сложить оружие не вследствие неправоты их дела, а мотивировали, главным образом, угрозами со стороны Добровольческой армии. Деникинские политические агитации вообще были лишены свойства понимать интересы и цели угнетенных национальностей.

Вот как в них убеждали деникинские освагники (Осведомительно-агитационный комитет) мусульман:

„Как раскат грома, понесется по родным вашим горам и долинам рев сотни чудовищных орудий и трескотня тысячи пулеметов; появятся грозные, незнающие преграды, чудовища-танки, истребляя все на своем пути, а с неба будут им указывать путь в ваши родные аулы стальные птицы-аэропланы.

Десятки тысяч хорошо вооруженных и опытных воинов, руководимые своими боевыми генералами и офицерами, придумавшими такие грозные орудия истребления и разрушения инженерами и техниками, принесут в ваши аулы смерть и разрушение.

У вас ничего этого нет, и неоткуда взять.

Не легкомысленно ли было, в таком случае, начинать войну... Быть может, вы надеялись на помощь большевиков, поверив на слова их агентов. Добровольцы вместе со своими союзниками, пядь за пядью, следуя вперед за отступающими большевиками и забирая от них города и села, окружили их железным кольцом своих грозных сил и недалек тот час, когда победный клич их раздастся в стенах Москвы.

Не забывайте, что за добровольческой армией стоят такие сильные и богатые государства, как Англия, Франция и Япония.

Не губите себя! Коран ваш запрещает самоубийство. Одним словом, с какой-бы стороны не смотреть на затеянное вами дело, оно ни богом и ни людьми оправдываемо быть не может.

Итак, братья, одумайтесь, пока не поздно! Обсудите свои нужды с главнокомандующим добровольческой армией и согласно с ним стройте свою жизнь, соответственно требованиям религии, нашей жизни и обычаев“.

Все это говорит о тупости и великодержавности Деникина в разрешении национального вопроса. Такими шагами он только еще больше отталкивал от себя мусульманские массы.

Частенько можно было за провокационной подписью „рабочий“ без фамилии, находить призывы белых к рабочим о поддержке.— В таком роде сфабрикованных листовках, приветствуется вся программа Деникина, по рабочему вопросу, в них рабочие призывались к усиленному труду на хозяина и поддержке белой добровольческой армии. Конечно, нигде рабочий класс, читая такие листовки, не верил, чтоб их написал кто-нибудь из рабочих. Очень много листовок распространяли белые про ужасы „чрезвычайки“. От начала до конца они там исключительно лгали. Красноармейцы читая их, и зная только одно, что Ч. К. ловит шпионов, контр-революционных заговорщиков и спекулянтов, самых опасных из них растреливает—покачивали головами и смеялись над истерическими воплями белогвардейцев.

Были случаи, когда белые обращались в своих листовках с призывом прямо к своим ближним по классу эксплуататоров:

„Торговцы, промышленники и фабриканты! Родина спросит у вас, что вы делали, когда я, окровавленная и растленная, лежала на смертном одре? Не метали ли вы жребий об одеждах моих, не торговали ли честью моей, не утесняли ли брата меньшего, пользуясь охраной штыка добровольцев?

Суд начался.

Перед лицом родины забудьте о язвах своих. Энергию, силу и капитал — все, к подножью России!

Пусть будет страшным и грозным последний удар штыка добровольца.

Граждане! Где бы вы не были, в каких бы тяжелых условиях не находились — помните, что час пробил!

Суд начался.

Давите же врагов России и свободы всеми доступными вам средствами!

Ломайте и рвите цепи голодной коммуны!

Клеймите пороком растлителей, ведущих вас к голоду и смерти.

За одну минуту горячей сыновней любви, Родина простит вам годы насилия!

Не опоздайте!

Добровольческая армия стучится уже в ворота Москвы...“ и т. д.

В данном призыве белые более откровенны, без маскировок, они хотят с бешенством разделаться с ненавистной им „коммуной“. „К врагам России и свободы“, конечно, буржуазной, они причисляют всех революционных рабочих и крестьян, которых стремились „давить всеми средствами“.

Немало листовок Осваг издал против махновцев, как руководителей поднявшегося против Деникина даже зажиточного украинского крестьянства, против Кубанской рады, особенно деятелей ее Быча и Калабухова. Все они в большинстве случаев являют собою образец бессодержательной руготни и призывов итти за „единую, неделимую“ под верховным командованием Деникина.

Кончая с характеристикой листовок и воззваний белых, я не могу пройти мимо одного воззвания писателя Наживина Ив., отразившего в себе падение мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции.

Ив. Наживин выдает себя за прежнего „интернационалиста“ и „революционера“, который раскаялся во всех „грехах“ и теперь обращается к „господам офицерам“. Он так и называет их „господа“. Наживин—типичный интеллигент, качающегося толка, который из левого в гражданской войне перекрашивается в самый черный цвет, переходит обеими ногами в стан контр-революции. В своем обращении он пишет:

„Около двадцати лет я верой и правдой стоял на так называемых левых позициях, искренно убежденный, что в возвышенных лозунгах их спасение не только России, но и всего человечества. Между нами, представителями интеллигенции, и вами, офицерством, исстари была глубокая пропасть: мы не доверяли одни другим, мы не любили друг друга. Разразилась страшная гроза 1917 г. и обезумевший, темный, несчастный народ наш одним махом стер все наши возвышенные лозунги и превратил Россию в страшное, кошмарное, кровавое болото. Очень многие из нас ужаснулись тому, что мы невольно с Россией сделали; революционно-идеалистический угар, так долго туманивший наши головы, слетел с нас; мы пересмотрели наше мировоззрение и, невольно, в историческом процессе, подошли ближе к вам, уже умиравшим тогда за Россию. Виноваты в гибели ее были не мы одни — виновато было и старое правительство, и солдаты, и крестьяне, и рабочие, и буржуазия, и духовенство, и вы, виноваты были все. Мы сознали свою вину, мы хотим искупить ее и мы протягиваем вам руку примирения и союза для дальнейшей борьбы за поруганную Родину.“

Я был левым, я был антимилитаристом и я всегда твердо говорил, что все пути жизни открыты для моего сына, кроме одного: военного. Но—„ты победил, Галлилеянин“...

Дальше он заявляет, что будет требовать от своего сына исполнить тяжелый долг солдата и день, когда он „явится ко мне с золотыми погонами на плечах, будет счастливым днем моей жизни“.

Что можно спросить с человека, который видит в революционной России кровавое болото и радуется при одном виде золотых погон. Вот как низко пала часть буржуазной и мелкобуржуазной „демократической интеллигенции!“

В конце он заявляет: „армия не может быть ни республиканской, ни монархической. Но мы не будем с вами играть в прятки—я знаю, что большинство из вас в душе монархисты, я тоже монархист“ и т. д. Все понятно без комментариев.

Из брошюр белых следует отметить произведения: Евгения Чирикова (беседы с рабочим человеком по вопросам: „Социализм и родина“, „О природе человека“, „О рабочем и буржуе“ и т. п. Его же „Народ и революция“). Ярцева. Большевики-гасители культуры. Дмитрия Никифорова Рабочий вопрос в русской революции. Евг. Трубецкого. Кризис патриотизма. Неизвестного автора. Хитрая механика. Проф. Замятина. Единство русской культуры. Л. Краева. Большевистские пауки и крестьянские мухи. Ив. Наживина. Что же нам делать?.. Письмо раненого большевика (провокационное). В. Щ. — Казаки. „Молитва господня и наши дни“. Алекс. Нижегородцева. Почему добровольческая армия воюет против коммунистов Ленина и Троцкого; и другие.

Помимо всякого рода других книг, всех их не перечислишь, выпускались массами биографии Деникина, Корнилова, Шкуро, патриарха Тихона, генерала Алексеева, Колчака и других видных вождей контр-революции. Рабочий класс за все время своей борьбы наверное не издал столько биографий своих вождей, сколько издали белые за три года своего господства на юге. Из больших книг следует отметить книгу нововременца А. Суворина „Поход Корнилова“ и эс-эра кооператора Локермана „74 дня диктатуры большевиков“. Издавалось много рассказов, стихов, сказок, песен, переложенных на музыку, в роде известного „яблочко, куда катишься“. Но все они мало содержательны, клеветнические, мало понятны рабочим и крестьянам, не только по изложению, но по своей, чуждой рабочим, буржуазной идеологии. Буржуазное творчество как-то выдыхалось в гражданскую войну.

Из журналов издавались: „Голос Народа“ — (редактор-издатель Г. Шипров), „Благовест“ — Пуришкевича, „Донская волна“, где сотрудничал известный казачий журналист Виктор Севский, „Родное Слово“ черносотенного союза „сельских хозяев“, „Фараон“—сати-

рический, оплакивающий фараона (городового) и ряд других. Никакой рабочей печати, конечно, не было. Донской и кубанский союзы эс-эровско-меньшевицско-кадетской кооперации издавали свои органы, но они тоже клеветали на Советскую власть, поддерживали Деникина. Из красочных больших плакатов следует отметить „Страшный суд“.

На этом оригинальном плакате изображено следующее: сверху сбивают, в виде архангелов, кубанцы и донцы, с белым знаменем на белых конях, которые подгоняют группу большевиков в ад. Последний изображен в середине. В аду сидит сатана, на коленях у него Иуда, перед которым протянута цепь, за нею стоят согрешившие, все участники революции, рабочие, матросы, крестьяне, красноармейцы, как коммунисты, так и беспартийные. Один чертенок берет каждого по-очереди под заголовок и подводит его к сатане на суд. Внизу же по клеточкам уже распределены наказания. За каждый грех особое наказание. Грехом считается ораторство и ложь, кощунство, покушение на собственность, насилие над царем и отказ от него. Кого поджаривают в горячей смоле или на сковородке, кого подвешивают кверху пятками, или заставляют языком лизать раскаленное железо.

Одна потеха было смотреть на такой плакат. В нем так и брызжет классовой ненавистью богачей. Плакатом преследовалась одна цель: запугать участников революции возмездием „на том свете“. Смотрели на этот плакат рабочие и крестьяне и, даже, верующие из них, недоумевали перед подобным изображением, одинаково возмущаясь художеством белых. Наши красные агитаторы, конечно, во всю использовали подобные плакаты в своих выступлениях перед массами.

Было много плакатов, говорящих о помощи союзников с изображением какого-нибудь британского лейтенанта, который под мышкой нес танки, снаряды, пулеметы, аэропланы и, тут-же, была надпись в таком духе „крепче бейте большевиков, еще больше привезем“. Но ни для кого не было тайной, за что белые генералы получали оружие от зарубежных капиталистов; оно получалось дорогой ценой распродажи России.

Вся агитация Деникина, располагавшая большими средствами была все-таки бледна, отражала тоску буржуазии и дворянства по старым порядкам, в ней не было того огня, искренности, правоты, которой горела наша большевицкая агитация.

Наши плакаты были талантливо исполнены, красочны, они звали рабочих и крестьян в Красную Армию, говорили о ее доблестях, отражали в себе картину деникинского тыла, прошлый царский и капиталистический гнет. Они, всем своим существом, звали тру-

дящихся на борьбу за великие коммунистические идеи. Они были понятны массе, отражали ее чувства. То же было в нашей устной и печатной агитации. Наши ораторы всегда правдиво изображали то, что несет с собою Деникин и Колчак, за что нам нужно бороться и умирать. В вопросе о будущем, было много оптимистического, но это еще больше захватывало массы, спланивало их в борьбе. Нередко какие-нибудь красноармейцы, кто не желал воевать совсем или воевал плохо, подогреты на митингах, в газетах, шли охотно в бой и многие с радостью бились, смотря с презрением в глаза смерти.

Нет большой надобности приводить тысячи советских воззваний к рабочим и крестьянам, в которых во всей широте освещались задачи революции, вопросы „из-за чего идет война“, „почему нужно идти в Красную Армию и поддерживать ее“ и др.

Они понятны из многих мест страниц нашей книги и широко известны рабоче-крестьянскому читателю.

Очень благоприятствовало нашей агитации еще и то обстоятельство, что она поддерживалась политикой и действиями белых.

Очень плохую агитационную услугу оказывали Деникину разрушение железных дорог, взрывы и поджоги мостов, паровозов, вагонов, электрических станций, заводов, сожжение непокорных деревушек. Оправдание всей этой безумной разрушительной оргии генеральства, Мамонтов дал в следующих словах: „если не нам, то пусть же и красной сволочи не достаются“. Ущемленное человеческое достоинство трудового люда, даже обывателей, еще больше заставило ненавидеть за это белую орду.

Великий, могучий двигатель прогресса человечества—устное и печатное слово во время революции является сильным оружием против врага, в момент ее победы и наступательного хода в историческом процессе. Это подтвердил опыт борьбы Российской Социалистической Советской Республики с контр-революционными генералами и могучими капиталистическими державами Запада.

У. Красная Армия на Кавказе 1920—1921 г.

1. Красная Армия в Азербейджане.

XI Красная Армия, в которой мне пришлось пробыть на Кавказе (вернее в Закавказье) с ноября 1920 г. по март 1921 г.—пришла в Азербейджанскую Республику, в ее столицу, в Баку—в начале мая 1920 года.

С разгромом последних остатков деникинской армии под Новороссийском и Петровском, т. е. у Черного и Каспийского морей, зашатались самостоятельные, Закавказские мелкобуржуазные помещико-дворянские республики Азербейджана, Армении и Грузии. Как их ни поддерживала Антанта (союзники), особенно Англия, обмундированием, деньгами, юридическим признанием от Лиги Наций, горячее дыхание социальной революции, классовых битв, происходивших в Советской России, которая стала их неожиданным соседом—отразилась в самую благоприятную для революции сторону. Угнетенный рабочий класс и беднейшее крестьянство инстинктом своим почувствовали в лице Красной Армии свою освободительницу. Они ненавидели английский и весь союзный империализм, который так жестоко расправлялся с революционерами, так бесцеремонно грабил бакинскую нефть и керосин, а также пробовал распорядиться в Закавказских республиках, как у себя в африканских или азиатских колониях. Наконец, народы Кавказа видели в Красной Армии посредницу для примирения национальной вражды между кавказскими народами. Всем памятна допущенная по милости Англии ужасная резня мусульман с армянами в 1918 г., в Баку, в которой погибло более 14 тысяч человек мужчин, женщин, детей и стариков. Первыми после разгрома Деникина восстали бакинские рабочие.

Красная Армия шла в Азербейджан почти без всяких боевых действий. Вернее, она приехала по железной дороге, радостно встречаемая революционным бакинским пролетариатом. Своими другими частями Красная Армия спускалась в Азербейджан со стороны

Дагестана. Красная Армия пришла в Азербейджан потому, что так хотели его рабочие и крестьяне. Муссаватитское правительство со своими приверженцами бежало из Баку, частью в Грузию, частью в Персию и пограничные горы, поднимая на восстание некоторые дикие разбойничьи горские племена. Одним из наиболее знаменитых и сильных восстаний было организованное ими в июле 1920 г. в Ганже (г. Елисаветполе). Возникло оно поначалу на почве национальной травли армянско-тюркского населения, а потом уже приняло ярко контр-революционный характер. Быстро оно было подавлено красными Азербейджанскими и русскими отрядами и больше нигде муссаватистам, бекам, ханам, муллам, — всей Азербейджанской контр-революции, рыскавшим агентам Врангеля и английского империализма не удавалось организовать фронта или сильного движения против возникшей молодой Азербейджанской Советской Республики. Красная Армия в Азербейджане больше отдыхала или частично боролась с разбойничьими горскими шайками. Дальше Азербейджана и северной части Персии Красная Армия не пошла, она не переступила ни пяди границы Грузии и Армении, где у власти стояли меньшевики и дашнаки. Хотя режим этих мелкобуржуазных демократов, продававших интересы своих маленьких республик иностранному капиталу, шел в разрез с волей передовых рабочих и крестьян, но, все-таки, положение в них не созрело еще для переворота. В этом лишний раз сказалась миролюбивая политика советской власти, полное отсутствие у ней завоевательных планов.

В Азербейджанскую республику я приехал в ноябре 1920 г., т. е. когда уже XI армия простояла в ней полгода. В Политотделе армии я получил назначение инструктором Поарма по дивизиям. Первая моя командировка была в N-ю кавалерийскую дивизию, расположенную в Ленкоранском участке. Ехать пришлось Каспийским морем, и испытать на себе прелести мертвой зыби, (наводящую тошноту от качки парохода). Но мы, несколько новичков, в этих краях, ехали без всякой боязни, желая испытать все особенности местной жизни. Вообще, надо сказать, большинство политработников и красноармейцев, не бывавших раньше на Кавказе, стремились увидеть все его достопримечательности, любовались на его горы, леса, долины, на прекрасное море, которое бурно катило свои волны. Даже в самые ожесточенные схватки, в самые страшные дни боя, красноармейцы-северяне любили наслаждаться южной природой со всеми ее прелестями. Кавказ, с его богатой природой, горами, быстроходными реками, разнообразием животного мира, и, главное, многочисленностью населяющих национальностей и племен занимал внимание красноармейцев больше всего.

Из Баку мы выехали поздно вечером, а ночью наступил шторм. К 2 часам дня на следующий день, пробежав 250 верст южнее по морю, мы подходили к г. Ленкорани.

Ленкорань маленький городок, восточного (азиатского) типа. Не приглядевшись хорошенько к нему, мы приняли его за африканскую большую деревню. Однако, в нем нашими товарищами издавалась газета, существовал уездный исполнительный комитет, его отделы, на улицах живо шла торговля фруктами, рисом, изюмом, рыбой и мясом. Большинство населения составляли персы и татары. Русских насчитывалось не больше $\frac{1}{10}$ части. Причем, среди русских торговцев попадались несколько таких знакомых, которые бежали от Красной Армии за Деникиным, но не успевши перебежать границы, остановились в Ленкорани и преспокойно занялись торговлей—позабыв всякую боязнь перед большевиками. Часть же белых, наиболее контр-революционных и виноватых перед Советской властью, тайно скрывались в этих глухих краях. Красная Армия была расположена частично в самом городе, главным образом, кавалерийские части и артиллерия, остальные, преимущественно пехотные, по Персидской границе, в 20 верстах от города и севернее в аулах и селах долин перед горами или муганской степи (красной мугани).

Вне города коренное русское население вкрапывалось тонким слоем в татарское и персидское, в виде русских колоний и наиболее компактной массой на мугани. Оно являлось преимущественно сектантским населением (переселившиеся духоборцы, молокане, субботники и др.). Сектанты горячо сочувствовали Красной Армии и поддерживали ее. Постоянная борьба с шайками беков и ханов, научила их практически покончить с заповедью непротивления злу. Очень много, например, сектантской молодежи поступало добровольцами в Красную армию. Но и среди туземного, тюркского и персидского населения Красная Армия пользовалась значительными успехами, большинство верило в ее силу и освободительную роль. Однако, беки, ханы и муллы все делали, чтобы поднять мусульман против Красной Армии. Одной из любимых форм агитации и самой распространенной являются письма. Муллы и беки в своих письмах всячески пытались очернить Красную Армию. Они клеветали на большевиков не хуже, чем православные поцы и русские помещики. Они, например, так говорили, „придут большевики и заставят отречься от Магомета, придут большевики и пошлет бог всяческих бедствий на землю“.

Когда шел два дня снег, что было необычайным для ленкоранских краев явлением, муллы поясняли так: „большевики постреляли из орудий, добрались до самого Магомета, рассердился он и послал много снегу“.

Но как не был силен авторитет мусульманского духовенства, как не были сильны разные предрассудки мусульман, их почтение перед своими князьками и помещиками (ханами и беками), все-таки наша большевистская агитация с ее проповедью свободы и равенства, с ее борьбой за освобождение от капиталистических хищников угнетенных народов Востока, — находила самый живой отклик в массах тружеников-мусульман. Мне пришлось самому быть на многих митингах в аулах. Мы говорили через переводчиков с перерывом через каждые пять минут. Внимательно слушали персы и турки (азербейджанцы) наши речи об их угнетенной жизни, о великой освободительной социальной революции, о борьбе за самостоятельность от английского империализма народов Востока, о великой роли Красной Армии, о соединении культуры Запада с седым Востоком на братских основаниях и о многом другом. Слушали мусульмане, криками и возгласами одобрения сопровождали многие сильные места наших речей. Некоторые старики, прикладывая по восточному обычаю руки к сердцу и кричали: „Аллах, Аллах помоги вам“. На многих собраниях они устраивали сборы в пользу Красной Армии, а в некоторых аулах жертвовали буйволов, баранов, рис. Наиболее неимущая часть мусульман вступала в Красную Армию, они выделялись поразительной меткостью стрельбы в цель.

Бывали и некоторые конфликты с мусульманским населением. Обычно недовольства мусульман возникали на почве привлечения их знаменитых буйволов и верблюдов для передвижения воинских частей, проведения продовольственной разверстки, или насмешки малосознательных и мало тактичных красноармейцев, заигрывавших с мусульманскими женщинами, или смело высмеивающих некоторые дикие нравы и местные обычаи мусульман. Но все такие конфликты скоро разрешались, благодаря вмешательству командного состава, политических работников и сознательных красноармейцев. Очень редко дело доходило до кровавых потасовок. Обычно кончалось мирным путем.

Нелегко было многим из нас привыкать к местным нравам и изучать их. У горцев и мусульман Кавказа принято уважать силу и храбрость человека. С сильным человеком кавказец друг и приятель. Но если ты показал свою слабость, а тем паче, трусость, то берегись, в закуску получишь пулю или кинжал. Горцы и восточные люди любят, чтобы гости им оказывали доверие. Если ты придешь в его жилище и отдаешь в его руки оружие на хранение, то считаешься лучшим гостем, пока ты в доме, никто тебе не имеет права сделать что-либо плохого. По выходе же из его сакли, может быть он будет первый в тебя стрелять, но в жилище, ты находишься под его полным покровительством. Все такие обычаи красноармейцы знали, изучали и, в большинстве случаев, их выпол-

няли, чтобы лучше сблизиться с населением Кавказа. Правда, против части самых нелепых пережитков восточной старины, красными солдатами велась соответствующая просветительная работа. Она велась не только агитацией, беседами через переводчиков, но и через кинематограф, театр. С каким я наслаждением наблюдал жадные взоры сотен и тысяч татар и персов, направленные на полотно кинематографа. Обычно картины показывались под открытым небом, полотно привешивалось между деревьями и передвижная станция давала ему свет, своим стуком и лучами, она врезалась в эти дикие уголки, как проблеск культуры. Кинематограф заходил в самые далекие, дикие аулы, где о просвещении ничего не знали, грамотных никого из мусульман не было, кроме мулл. Но не только кинематограф, но и живая речь, переданная переводчиком, по вопросам колониального закрепощения, социальной борьбы и революции, газеты и воззвания на мусульманском языке, с приходом Красной Армии, были частой гостьей в долинах и горах Кавказа, мало изученного, богатого разнообразием жизни. Если бы не одна беда в 1920—21 г.—это налеты горских пограничных разбойничьих шайк—то пребывание Красной Армии ознаменовалось бы только миром.

„Разбойничьи шайки“ еще и в старое время были всегда сильны вдоль Персидской границы. Теперь их пополнили муссаватисты, (азербейджанская буржуазная партия) беки, ханы, продавшиеся английским агентам, разного рода проходимцы, которые в разных местах повели войну против Советской власти. Мелкая война еще разжигалась национальной враждой, еще не изжитой на Кавказе. Мне пришлось в ней участвовать, главным образом, в Ленкоранском участке. (Южная часть Азербейджана у Каспийского моря). Война носила своеобразный характер, в богатом растительностью и горами Ленкоранском уезде. Противник редко обнаруживал себя. Чаще всего он прятался за деревьями, на деревьях, даже привязывая себя к стволам, откуда посылал меткие пули. Противник одного боялся: сходиться в атаку на ровном месте и обстрела артиллерии. Он действовал больше замаскированный, стремясь вырывать больше жертв и хитростью сеять панику. Наши жертвы хотя не были большими, но мы вдалеке от России считали для себя даже павших одиночек особенно дорогими. Да и воевали то мы с кучками, подавляющее большинство мусульманского населения было за нас. Противник только и держался тем, что пользовался горной местностью, непривычкой наших красноармейцев делать горные переходы и приспособляться в скалистой местности. Все почти эти банды поддерживались и вооружались английскими агентами, грузинским меньшевистским и армянским дашнакским правительством. Очень хорошо помню, как нескольким разбойничьим ханам, которых подстрекали англичане, хотелось взять г. Ленкорань. Они шли тогда в атаку с гиканьем

и неистовыми криками. Наши красные части встретили их в 2-х верстах от города, и разбили их на голову. Можно судить о размерах всей гнусной работы английских агентов, которые в своих империалистических целях, использовали в борьбе против нас настоящих дикарей. Я знаю несколько случаев, когда у убитых красноармейцев, бандиты вырезали сердца и тут же съедали. Это они делали, следуя той примете, что будто-бы храбрость, из сердца убитого, переходит в них и увеличивается вдвое. С пленными они сурово расправлялись. Первоначально, конечно, обирали всех до чиста. Причем, нередко, во время дележки отобранного, нашим товарищам удавалось бежать. При бегстве пленника редко кто гнался за ним, ибо погнаться, означало бы потерять свою часть добычи.

Но все-таки, как ни бились разбойничьи шайки, муссаватисты, и наемники английского империализма, им ни разу не удалось добиться сколько-нибудь значительных успехов, они обычно терпели поражения и спасались в горных тущобах, пользуясь их неприступностью. Были иногда случаи, когда нашему командованию удавалось внести разложение в ряды беко-ханских шаек, временно склонить того или другого на свою сторону. При мне велись переговоры с одним из таких податливых персидских, средней руки, ханов—Нуждав-али-ханом. Его владения были за Зангезуром. Нуждав-али-хан с братом своим приехал в Ленкорань из гор заключать с N-й кавалерийской дивизией договор. Мы договорились выдать ему 50 винтовок, 10.000 патронов, назначить хана комиссаром Зангезура, который был не в наших руках, за что он нам должен дать 500 лошадей и всех своих людей выставить на борьбу против других враждебных нам разбойников, как, например, Желим-бека, и ударить в тыл англичанам, от нападений которых мы вынуждены были обороняться. В случае успешных действий с его стороны и засвидетельствования верности, мы обещали ему еще выдать 2 пушки, что на Кавказе считалось редким богатством. Все переговоры велись при торжественной обстановке через хороших переводчиков, предварительно не мало время пошло на агитацию, как во время писания договора, так и до приезда Нуждава-али-хана, через посылаемых к нему людей. Он был типичным персом, отличался хитростью, держал в своих руках до 1500 подчиненных. После договора, получив винтовки и часть патронов, он действительно ударил в тыл наших противников. Доверие наше к нему возросло и мы послали ему две пушки. Впоследствии он нам изменил, пошел войной против одного из красных полков, стал заигрывать с англичанами, так что пришлось нашим артиллеристам отвинтить замки и убежать. (Сами разбойники не умели стрелять из орудий). Подобных оригинальных эпизодов было не мало.

Во время борьбы с разбойниками много погибло виноградников и вина. Вдоль Каспийского моря к русской и персидской Астаре, примыкал ряд виноградных колоний, разведенных сбежавшими сюда сектантами и наехавшими в царское время колонистами-торговцами. Хорошие виноградники, масса вина, составляли богатство местности. Мусульмане вино не пьют и при каждом очередном набеге на колонию выливают большие бочки с вином прямо на улицы. Нашим командирам тоже приходилось иногда отдавать приказ об уничтожении вина, чтобы оно не слишком соблазняло красноармейцев. (Доставлять вино в Ленкорань было невозможно из за плохих дорог и обстрела их противником). С большим удивлением смотрел я на винные ручьи по улицам колоний, расположенных на самом берегу бушующего Каспия. Он, прожорливый, все брал в свои неизмеримые пучины. Маленькая война в Ленкоранском участке еще больше затихала зимой, когда лес обнажался от листьев, давая большой просвет, который мешал скрываться врагу. Обычно это случалось в конце ноября, в начале декабря. Сентябрь, октябрь и ноябрь шли сильные дожди, приводившие дороги в непролазную грязь, усиливающие малярию (здесьнюю тропическую лихорадку). Мало кто из красноармейцев не болел малярией, нередко она кончалась смертельным исходом на этой далекой чужбине, для рязанских, тульских, орловских, саратовских, донских крестьян, которые пришли освобождать угнетенные национальности Востока и отстаивать интересы Советской республики. Они пришли сюда в далекую богатую, но в тоже время и дикую чужбину, только потому, что их призвала Советская власть, они безропотно выполняли свой подвиг, только благодаря сознанию, что вся борьба требуется социальной революцией. Сколько невзгод, голодовки, страданий и лишений пришлось пережить нашим красным рыцарям в Закавказьи, и, все-таки, я не знал ни одного случая, чтобы когда либо какая нибудь часть отказалась выполнить боевой приказ или завела „волынку“. Ни одна армия не могла бы вести себя так. Красные бойцы своим поведением подавали пример терпеливости, сознательности и истинно воинского подвига. В местностях своего расположения они держали себя не как завоеватели, а как освободители мирного угнетенного населения. И, действительно, освобождение началось.

С приходом Красной Армии воспрянула духом переселенческая русская, тюркская и персидская беднота. Началась решительная классовая борьба. Сначала во главе ее стояли образовавшиеся Военно-Революционные Комитеты, а через некоторое время и Комитеты бедноты. Ревкомы и Комитеты бедноты увеличивали земельные владения бедноты, за счет земель беков, ханов, кулаков и бывших казенных, делили часть и движимого имущества по особенно нуждающимся, и тяжесть повинностей, сопряженных с войной (как-то: продоволь-

ственная разверстка, подводы и т. п.) перекладывалась большею частью на зажиточное население. Среди русского переселенческого населения это перераспределение материальных ценностей и экспроприация богатей проходила легко. Среди же татар (тюрков) и персов с большими трудностями, благодаря малокультурности и очень сильным рабским привычкам. Они часто боялись брать землю и имущество беков и ханов, благодаря застрашиванию последних карами Магомета, а также в отсутствии твердой уверенности, в том, что Красная Армия будет долго здесь, они также боялись мести своего туземного дворянства. Надо сказать, что в Закавказьи в полной силе сохранились еще крепостнические порядки. Нашим военным агитаторам и работникам, часть которых по 1 сидела в некоторых крупных Ревкомах или ездила их создавать и инструктировать, не мало пришлось употребить на всякаго рода собраниях сил и времени убеждать в обратном и ломать установившиеся бытовые рамки. Конечно, были такие места, где без всякой нашей агитации, расправа у татар и персов с богачами—происходила самостоятельно. Но я здесь больше остановился на части нерешительной. Ей приходилось прививать решительность и сознание своих гражданских прав. Мы это делали, надо сказать, успешно, сравнивая жизнь тех и других и бичуя преступления беков и ханов перед народом. Чтобы выбить из рук контр-революции пользование Кораном, мы обязывали нескольких мусульман-коммунистов разбирать, изучать его и находить в нем места, подтверждающие нашу политику. Таких мест находилось порядочно, как и во всякой другой религии, много было двойственности. Среди татар и персов нашлись какие-то старцы, которые отождествляли красных с посланниками Магомета. Конечно, большинство мулл (духовенство мусульман) косвенно, а иногда прямо выступало против Красной Армии и коммунистов, активная часть их придерживалась больше английской политики.

Наша работа облегчалась еще и тем, что число мусульман-коммунистов за какие-нибудь 7—8 месяцев пребывания Красной Армии в Азербейджане быстро возросло. Я знаю цифру только по одному Ленкоранскому участку. Одних только мусульман-коммунистов насчитывалось что-то более тысячи человек. Правда, из них мало было развитых, сознательных, больше записавшихся в партию из инстинктивно-сочувственных побуждений. Но они, все-таки, оказали большие услуги молодой Азербейджанской Советской Республике, через них в значительной степени начало происходить социальное раскрепощение и культурное развитие мусульманских масс востока.

Наша работа среди мусульман облегчалась еще и тем, что один из больших, энергичных и храбрых восточных народов—турки, были целиком на стороне Советской России. Чрезвычайно симпатично относились турки к Красной Армии. В это время они вели борьбу

не на жизнь, а на смерть против англо-французского империализма, который готов считать турецкое государство покойником и разделить до последней нитки его наследство. Турки сопротивлялись всеми силами, борьба за самостоятельность возбудила турецкие народные массы к сопротивлению. В этой борьбе турецкому народу сочувствовала и его поддерживала одна только Советская Россия. Вот почему, когда-то при самодержавии много раз воевавшая против России Турция стала в годы революции ее самым горячим союзником, ибо новая Советская Россия, наряду с другими, высоко держала лозунг „Освобождение всех угнетенных национальностей“. Хорошее отношение турок к русским, к Красной Армии, характер освободительной борьбы последней, одновременно настраивало сочувственно и другие народности седого Востока. Турки были очень популярны среди тюрков, персов, афганцев, индусов, арабов, горцев Кавказского хребта, все свои настроения и политику, они в значительной степени, приравнивали к настроениям и политике турок. Капиталистическое правительство Англии, которое в то время держало под своей пятой большинство народов Востока, этого не учитывало, когда боролось против Турции, или же стремление разделить ее было настолько велико, что она не пыталась для своей выгоды расположить в свою сторону турецкий народ. Чем сильнее антантовский империализм пытался задушить Турцию, тем сильнее было сопротивление ему, ее народных масс, тем больше было брожений в Аравии, Персии и Индии против англичан, где брали пример с героической борьбы турок. Насколько силен был среди турок авторитет Советской России и ее Красной Армии видно из того, как во время поражения армянских дашнакских войск (они выступили по указке Антанты против Турции с Востока, когда с Запада на нее ударяли войска греческого короля), одно требование Красной Армии не допускать национальной резни, было законом для турок. С какой радостью приветствовали друг друга войска Кемаля (главнокомандующего и руководителя турецким национальным движением) и Красная Армия. Впервые турецкие и русские солдаты встретились не врагами, а самыми горячими друзьями, ибо их увлекала борьба за одну и ту же идею—„уничтожить гнет империализма и капитализма“.

Так до самого декабря Красная Армия в Закавказье занимала один Азербейджан (бывш. Бакинскую и Елисаветпольскую губ.). В начале декабря, когда вспыхнула Советская революция в Армении, вследствие неудачной войны с турками и провала всей авантюристской политики дашнакского правительства,—Красная Армия расширила свою базу стоянки, переведя некоторые свои части в Армению, помогая встать на ноги, окрепнуть только что возникшей Советской республике. Она являлась все время силой, как закрепляющей и

поддерживающей, в проведении в жизнь, волю трудящихся масс. Иногда ее пребывание на Кавказе и в Закавказье ознаменовывалось эпизодами мелкой борьбы с подкупленными бандами, вроде Намазовской или ярко туземной контр-революционной, как банды Гоцинского в Дагестане. Только эти два сколько-нибудь выдающихся военных события следует отметить в январе и начале февраля, которые пришлось разрешать нашей славной XI армии. Впереди ждала ее полная доблестная борьба с грузинскими меньшевиками, сбежавшими русскими белогвардейцами и букетом буржуазных эмигрантов всех кавказских многочисленных национальностей. В заключение настоящей главы я отмечу, что наиболее выдающуюся роль в Ленкоранском участке играли среди военных частей, комиссар N-й кавказской дивизии т. Рохи (печатник по профессии), Скомаровский (из Подива) и Водопьянов (начальник дивизии—астраханский казак). Из других военных работников армии и дивизий члены Реввоенсовета т. т. Элиава, Михайлов и Геккер (командарм из бывш. полковников, ставший коммунистом), Начпоарм. тов. Витковский, работники Поарма: Паглин, Чвялев, Сутырин, Васильев, Никулихин, Авенир, Ушан и друг. В дивизиях командирами выдвигались т. т. Великанов, Курышко, Тодорский, комиссарами т. т. Полешко, Ратнек, Соколов, Начподивами т. Иванов, Ткачев. Я не говорю уже о работниках бригад и полковых командирах, комиссарах, инструкторах, агитаторах, политических руководителях рот, ибо их нет возможности перечислить, но о них можно одно сказать, что все они вышли из среды рабочих, крестьян и казаков, для революции отдавали все свои силы, молодость, здоровье, удобства жизни и даже самую жизнь—самое дорогое для человека. Можно привести тысячи имен рядовых красноармейцев нашей головной на Кавказе XI армии, которые покрыли себя неуязвимой славой и героизмом. Нередко можно было встретить среди них таких, которые побывали почти на всех фронтах, пешком или на лошадях исходили Урал, Дон, Украину, Западный край в войне с Польшей, спускались наконец с Северного Кавказа через хребет еще дальше на юг, пока не погибли на границе Персии, Грузии и Турции, или оставшись в живых, готовы еще дальше путешествовать. Многие из них побывали несколько раз в плену у белых или стояли под расстрелом и только счастливые случайности спасали их от верной смерти. Большинство из них на фронт пошло по мобилизации, беспартийными, в рядах Красной Армии они стали коммунистами. В нашей XI армии был высокий процент коммунистов, он колебался между 20—25% на весь состав ее. Словом, народ бывалый, закаленный и храбрый. Работа и борьба вдали от центра советской страны еще больше скрепляли ряды нашей армии, делали ее непобедимой, всепокрушающей, революционно-сознательной силой.

2. Красная армия в Грузии.

а) Почему Красная армия помогала повстанцам Грузии.

Стоянка красных частей на границах Грузии или по соседству приносило не мало хлопот. То и дело выходили из Грузии различные контр-революционные шайки, или уже организовавшиеся на территории Азербейджана, Дагестана и Северного Кавказа, получали от меньшевистского правительства поддержку вооружением, обмундированием и людьми. (Например, банды: Хвостикова, Гоцинского, Намаза и друг.). Борьба с этими бандами в горах уносила много красноармейских жизней и приносила много лишений. В меньшевистскую Грузию скрывались решительно все беглые контр-революционеры, особенно деникинцы находили там приют, в то время, как большевики весной в 1919 г., во время побед Деникина на Северном Кавказе, были большею частью избиваемы, или выдаваемы на расправу белым генералам. Все это создавало обстановку непрерывной замаскированной войны грузинских меньшевиков против советского Азербейджана и Северного Кавказа, причем меньшевики жестоко подавляли восстания рабочих и крестьян внутри Грузии. В то же время они лицемерно кричали на всех перекрестках Кавказа и Европы об „ужасах большевистских Чрезвычайек“; но за то они создали у себя особые отряды (на подобие белогвардейских контр-разведок), которые судили и сурово карали коммунистов, революционных крестьян и солдат. Большими партиями они отправляли коммунистов из Грузии в Азербейджан и на Северный Кавказ, объявляя изменниками родины, за одну только революционную работу. Наконец, грузинские меньшевики играли позорную роль в международной политике. Перед ними было два пути: одна ставка на советскую Россию (на близкий союз и контакт с ней), вторая—ставка на империалистические державы Европы, и в первую очередь, на Англию. Несмотря на весь свой хваленый социализм и свои революционные фразы, меньшевики встали, все-таки, на второй путь и во всем положились на Антанту (империалистические страны соглашения). Меньшевистская Грузия была не другом нашим, а заклятым врагом.

С октября 1920 г. все время над Кавказом висела угроза нового похода русских белогвардейцев и империалистических хищников Европы против большевиков, при прямом попустительстве и поддержке меньшевиков Грузии. В первую очередь империалистическая Англия пыталась взять под свое влияние Батум, откуда повести наступление за бакинской нефтью и другими богатствами Кавказа. Этим

планам не удалось осуществиться вследствие быстрого, ошеломительного разгрома Врангеля. Советское правительство, опираясь на сочувствие западно-европейских рабочих, заявило протест в своих нотах, приняло меры военной осторожности и приготовилось встретить натиск врага. Но все-таки военная угроза со стороны Грузии продолжала оставаться, поход на большевиков откладывался на весну 1921 г. (как известно, весна всегда окрыляла надежды белых). Меьшевистское правительство, начиная с декабря 1920 г., проводит ряд новых мобилизаций, все больше и больше бряцает оружием в сторону Советской России.

В воздухе чувствовалось война, и все понимали, у нас и у меньшевиков, что она неизбежна и начало ее совпадет с каким-нибудь внутренним взрывом, восстанием трудящихся Грузии против своего гнилого, лицемерного, контр-революционного меньшевистского правительства.

Развязку приближало, как нарочно, само меньшевистское правительство. Оно гнусно нарушает торговый договор, заключенный им же самим с Советским Правительством России, по которому признавался возврат русских торговых судов Советской власти. На деле же они попадали в руки белогвардейцев и англичан, торговые сделки ими провоцировались; коммунистам в Грузии не давали легально вести по договору работу. Потребовалось бы слишком много места, если бы мы захотели привести все грехи и грешки меньшевистского правительства Грузии только за 1919—20 и начало 1921 года. Будет не лишним отметить то дикое бахвальство и шовинизм, которые охватили меньшевиков, после юридического признания их государства капиталистической „лигой наций“. На одном из собраний после этого Ной Жордания (председатель их правительства) выразился так: „на наших границах большевики найдут себе могилу“. Прибавьте к этому еще нетерпимость и гонения на другие мелкие национальности, населяющие Грузию, как-то: армян, мусульман, татар, персов, турок, русских и т. д., и вы поймете общее сочувствие революционному движению рабочих и крестьян Грузии против меньшевистского правительства. Сначала предполагалось, что науськиваемая Антантой, и при ее помощи, грузинская меньшевистская армия с другими белогвардейскими силами первая нападет на Советскую Россию. Удар со стороны Грузии ожидался все время в связи с разговорами о захвате англичанами Батума. Красное командование и армия во всякое время были готовы к отпору. Для того, чтобы охладить несколько воинственный пыл грузинских меньшевиков и буржуазии, и показать, что Советская власть сможет себя в любое время защитить, 20-го декабря на границах Грузии, со стороны Азербейджана, была мирная демонстрация красных войск. Центр демонстрирующих сил был в Казахе, в 20 верстах от границы. Демонстрация удалась вели-

коленно. Меншевистское командование не на шутку перепугалось. Отдельные полковники и генералы под'езжали с противной стороны к Куру (река Кура служила границей) и наблюдали в бинокли за нашими позициями и движениями. Через короткое время они летели с донесениями в свои штабы, на их место приезжали другие, так все время у них была лихорадочная гонка, на глазах наших посмеивающихся красноармейцев. Многие красноармейцы, получая приветствия Советской власти с тыла противника, уже ждали желанного часа пойти на выручку придавленных меньшевиками революционных масс Грузии. Но демонстрация и осталась только демонстрацией.

Вскоре после нее произошло еще одно благоприятное событие, укрепившее нашу веру в скорое падение меньшевистской власти и вовлечение Грузии в орбиту Советских государств. На участке красной 59 бригады N дивизии и еще в некоторых других местах, против них стояли грузинские части, сочувствующие большевикам. Наши красноармейцы начали ходить в гости к грузинам, грузины к красноармейцам. Грузинские солдаты очень живо интересовались и просили давать им советских газет; просьба, конечно, всегда удовлетворялась. Таким образом, опора меньшевиков, их армия—начала разлагаться. Отчасти этому способствовало недовольство солдат армейцев против народогвардейцев. У меньшевиков, кроме обыкновенных частей—была еще особая народная гвардия, сплошь из партийных меньшевиков, которая была поставлена в привилегированное положение. Ей, преимущественно, поручалось подавление революционных восстаний и принудительная мобилизация крестьян в армию, а также охрана наиболее важных мест. В народной гвардии было очень много офицеров, юнкеров, интеллигенции. И ненависть многих армейских грузинских частей к народогвардейцам, а со стороны последних недоверие к первым—значительно ослабляли меньшевистские силы, а у красноармейцев пробуждали больше бодрости и надежды на будущее. Обе стороны, наши красноармейцы и части грузинских войск, большевистски-настроенные, только и ждали сигнала к об'единению и об'единенной борьбе против продавшихся европейским капиталистам меньшевиков—этих типичных предателей, болтунов и лицемеров. В начале февраля началось крупное восстание крестьян Лорийской долины.

12-го февраля 1921 г., не вынеся всех издевательств грузинских меньшевиков, крестьяне пограничного с советской Арменией и Азербейджаном Борчалинского уезда, независимо от национальности: грузины, армяне, татары, русские (переселенцы-духоборы)—первыми подняли знамя восстания. Они образовали свой Военно-Революционный Комитет, организовали у себя Советскую власть, на их сторону сразу же перешел один полк грузинского правительства. Восстание стало

быстро перекидываться в другие соседние уезды. Меншевицкие правители вместо того, чтобы как-нибудь договориться с восставшими, пытались огнем и мечем задуть непокорных крестьян. Восстание для них было очень опасным, оно было по соседству с нейтральной зоной (между Грузией, Арменией и Азербейджаном), грозило перекинуться и в другие уезды „демократической“ республики, где установилось зловещее спокойствие. Вот почему правительством меньшевиков спешно посылались в Лори карательные отряды.

Когда запылали крестьянские села и крик гибнущих граждан-повстанцев далеко разнесся за пределы Борчалинского уезда — Военно-Революционный Комитет Лори обратился к Красной Армии за помощью.

Сам он с своей стороны выставил на-спех сколоченную военную силу, но она одна не могла одолеть выдрессированных частей меньшевицкой народной гвардии. Час возмездия для меньшевиков Грузии действительно настал. Медлить было больше нельзя. Нельзя было предоставить свободу меньшевицким головорезам и громилам, творить суд и расправу над трудящимися, нельзя безнаказанно терпеть до весны, когда они соберутся с силами, и, при помощи разношерстной контр-революционной рати, пойдут походом на Красную Армию. Терпеть и медлить с наступлением, наблюдать со стороны жестокости и зверства над мирным населением — больше было нельзя. Пора уже было великий тракт, соединяющий Европу с Азией, который лежал через Грузию, выбить из рук империалистов и сделать опорой социальной революции. Тем более, что настроение большинства населения Грузии складывалось не в пользу меньшевиков. Вот почему пограничные части XI Красной Армии пошли на помощь восставшим крестьянам и рабочим.

При переходе красными частями границы, нигде им не было оказано сопротивления. Только во время взрыва меньшевиками Пойлинского моста, мы потеряли два взвода красноармейцев. В остальных местах мы встретили только слабые выстрелы. Солдаты грузинской армии и гвардии целыми частями и отдельными группами сдавались в плен или отступали в панике под Тифлис, бросая на пути много военного имущества. Многие грузинские солдаты бежали под Тифлис не потому, что они хотели защищать свое правительство — на такое грязное дело соглашались только часть наиболее преданных народогвардейцев, интеллигенция и местные кулаки. Причиной этому были постоянные меньшевицкие запугивания большевиками, которых рисовали в Грузии как варваров, дикарей, уничтожающих все на своем пути. После же, и даже такая часть обманутых солдат, убедилась, что все эти ужасы и страхи — обычная клевета.

С величайшей радостью и энтузиазмом встречало наступающую Красную Армию мирное население, которое почти все поголовно выходило смотреть и приветствовать невиданную никогда в мире силу. Встречая такой радушный прием у населения, принимая массу пленных-добровольцев и имея перед собою панически отступающую грузинскую армию, и мы ясно видели, что меньшевистская власть сгнила на корню.

Восстание, подкрепленное поддержкой Красной Армии, явилось ни больше, ни меньше, как прорывом давно натянувшегося меньшевистского нарыва. Красноармейцы шли на соединение к повстанцам с сильно приподнятым, праздничным настроением. Об их воодушевлении и жажде оказать помощь трудящимся Грузии, чтобы сбросить с себя путы меньшевистской власти, можно судить по тому, что из демобилизованных, подготовившихся к отправке домой к своим семьям, которых они уже не видели несколько лет, все-таки очень многие добровольно остались и организовали новый отряд на помощь повстанцам. Празднично, с энтузиазмом, вдохновляемые горячей верой в победу и правоту своего дела, ободряемые мирным населением, быстро проходили повстанцы и красноармейцы десятки верст, в 2 дня дошли до Тифлиса (80—100 верст от границы), куда меньшевики стягивали отовсюду свои силы, чтобы оказать решительное сопротивление, серьезно думая подавить повстанцев и разбить их красных союзников, но история приготовила уже меньшевикам Грузии политическую смерть.

б) Едем в Грузию.

До начала восстания в Грузии и боев с меньшевиками, я находился некоторое время в Поарме (Политический Отдел Армии), который квартировал в Баку. Из нашего Поарма 16-го февраля 1921 г. для политической работы в районе восстания был выделен Полевой Поарм в составе 17 товарищей. Кроме меня, поехали еще следующие товарищи: т. Гришковский, Розенфарб, Каневский, Козловский, Покровский, Омар (араб-коммунист) и другие.

Мы выехали из Баку 17-го февраля в 4 часа ночи. Зная, что на небольшом меньшевистском фронте будет живое, полное приключений и богатством переживаний время, мы были в самом веселом настроении. Под качку вагона-теплушки мы пели революционные и просто народные песни, перепели их все, какие знали, после чего начали поочередно рассказывать про боевые операции в прошлом, в которых приходилось участвовать. В таких беседах всегда как-то сближаются люди и между ними устанавливается самая тесная товарищеская связь. Ехать нам до Пойли пришлось слишком чetyреста верст. Проехали мы день и ночь 18 февраля. В Елисавет-

поле (по-персидски „Ганжа“) мы встретили первых сдавшихся повстанцам в плен грузинских солдат. Мы их приветствовали, и они нас. Только два грузинских офицера морщились на такое братское излияние чувств. Пленные грузины ходили свободно по станции и городу, чувствовали себя как дома.

В Акстафу (около десятка верст от границы) приехали мы днем 19-го февраля. Здесь все говорило о близости фронта. Скопившиеся обозы, частей, ушедших под Тифлис, поездные составы, 2—3 бронепоезда, пленные, полевой телеграф, санитарное имущество, грузовики и подводы, приехавшие с фронта за снарядами, патронами, продовольствием. Жизнь на станции была ключем. Все были в напряженном состоянии, чувствовали свою связь с фронтом, обязанности перед ним.

Мы не стали задерживаться долго на станции, стремились скорее попасть в район непосредственной борьбы с меньшевиками. Наша политгруппа приняла следующее решение—доехать до взорванного Пойлинского моста с паровозом, переехать на пароме через Куру и пешком по линии жел. дор. Пойли—Тифлис нагонять повстанческие и красноармейские части. Из 17 человек мы отобрали 8 товарищей, исключили всех взятых с нами технических сотрудников, и вечером, когда стемнело, мы выехали на Пойли. Попали в одну теплушку с художниками бакинского отделения РОСТА, которые торопились ехать в Тифлис. Мы вызвали их на разговор, всячески трунили над их политической безграмотностью (такowymi они почти все оказались в политическо-экономических и философских вопросах).

Но скоро нападения сменились у нас жалостью к ним и дружбой (они сами мало были виноваты в такой отсталости) и остальное короткое время 1½ часового переезда провели мирно в рассказах кавказских анекдотов и песен. Сквозь щели нашей теплушки таинственно светила луна, своим светом придавая особенную красоту горам и долинам. Лунные ночи на Кавказе бывают великолепны. Очарованный окружающей природой, счастливый близостью товарищей, я не заметил, как наш поезд остановился в версте от Куры. Товарищ толкнул меня в плечо, предлагая вылезать.

Небольшой полустанок в версте от моста через Куру, глухой прежде, теперь ожил. Кругом него кипела работа по починке моста и переправы обозов паромом. Взорванный меньшевиками мост на второй-же день стал исправляться. Для ускорения работ сюда приехал знаменитый в Азербейджане инженер-коммунист т. Серебровский. Работа кипела днем и ночью. Рабочие дали себе зарок восстановить мост в 3 дня. При лунном и электрическом свете, под голосистый стук моторов и скрип обозов, весело кипела работа.

Каждый из вновь прибывающих для переправы считал своим долгом у кого-нибудь местного спросить о мосте, когда будет готов, почему дали возможность меньшевикам взорвать,—так как от своевременной переправы через реку зависел скорый или более замедленный, но несомненный для всех успех восстания. Пойлинский мост кажется был самым большим на Кавказе. Высоко приподнятая над быстроходной Курой, окруженный низинами, которые вдалеке переходили в возвышенность, он среди этой чудной и дикой природы, красиво, ярко выделялся, как произведение человеческого гения и техники. Мы любовались с возвышенной жел.-дорожной насыпи мостом, над сверкающим при луне водами Куры, мы вдыхали в себя теплый, приятный южный ночной воздух. Но долго мешкать было нельзя. Сознание необходимости быть там, среди своих, оказать немедленную помощь в борьбе, заставило оторваться от величественной панорамы. Нам хотелось, наконец, скорее быть на той стороне, на грузинской земле, которая в эти знаменательные дни отряхала от себя меньшевистский прах.

Переехать на пароме нам не стоило большого труда. Мы переехали вместе с четырьмя подводами, подсобляя им везжать с берега на плавучие бревна. Паром ходил на канатах, хотя с быстрым течением паромщикам приходилось все-таки выдерживать немалую борьбу.

Довольные, благополучно переехав, мы были безумно рады от одной мысли, что наконец-то стоим на земле, недавно принадлежавшей агентам Антанты (союза капиталистических государств), теперь по праву возвращающейся под власть Советов грузинских рабочих и крестьян. Весело мы зашагали по шпалам, вытянувшись в ленту на 100 сажень. Были среди нас два товарища, не привыкшие двигаться пехтурой, натерли на ногах мозоли и чувствовали с непривычки страшную усталость. Из-за них мы останавливались больше, чем следует. Но все-таки шли быстро. За ночь прошли 35 верст, прошли мимо нескольких ж.-д. станций, на вокзалах которых при бегстве меньшевиками были в беспорядке разбросаны разные бумаги.

Под утро, когда после нескольких десятков верст ходьбы, ноги порядочно устали, ночевали на одном захолустном полустанке, под открытым небом, у небольшого костра. Утром мы двинулись опять в поход. Линия огня была в 20-25 верстах. На ст. Караязы мы нашли штаб N дивизии, повидались с начдивом тов. Куйбышевым и военкомдивом тов. Лисовским. Они нас познакомили с положением фронта. Оказывается, вчера весь день был бой, продолжается он и сегодня. Повстанцы и красноармейцы уже подошли к Натлу, последней станции перед Тифлисом. Но противник отбросил красные силы, пользуясь бронепоездами, тяжелой ар-

тиллерией и аэропланами, которых у нас не было совсем. Взрывом моста, задержавшим наши бронепоезда и тяжелую артиллерию, противник, несомненно, отсрочил на несколько дней занятие Тифлиса, который вокруг имеет целую сеть железных дорог, и бронепоезда меньшевиков безнаказанно и смело курсировали, не получая отпора с нашей стороны. Вот почему Куйбышев и Лисовский сразу-же поинтересовались ходом работ на мосту. Противник тоже мостом был озабочен, его аэроплан сегодня три раза делал разведку, наблюдая за ходом работ. Помешать им он не мог, наши орудия могли всегда подстрелить в случае близкого перелета. Передав захваченную из Баку литературу для частей, мы на двух дрезинах двинулись к линии фронта.

Вдали громыхали орудия, и слышен был треск пулеметов. Над нашими головами пролетело еще два аэроплана, они бросили несколько листовок, в которых красноармейцы и повстанцы призывались бросать оружие. Никакого действия такие меньшевистские пилюли, конечно, не оказывали; лозунгами повстанцев и красноармейцев были: „даешь Тифлис“, „за Советскую Грузию“. С ними они героически бились и умирали, не сдаваясь, не убегая даже от ураганного орудийного обстрела и пулеметного дождя. На позиции мы приехали к вечеру, когда боевые действия уже стихли; только к западу на левом берегу Куры бой еще продолжался. Мы застали повстанцев и красноармейцев у костров, за изготовлением скудного обеда и ужина, делившихся между собою пережитыми впечатлениями за день. Тут в ночном отдыхе перемешались пехота и кавалерия, пестрая по своим костюмам, своему говору (русские, грузины, армяне и проч.). Только небольшая часть стрелков была часовыми на передовой линии и в особенно важных других пунктах.

Мы присоединились к отдыхающим, говорили с ними о новостях и, надо признаться, под конец крепко уснули, проспав до утра.

На следующий день говорили с коммунарами и комиссарами о боевом и политическом положении частей, как держит себя противник, давали инструкции, как должны относиться красноармейцы и повстанцы с пленными, какое взаимоотношение должно установиться с мирным населением. Наше отношение к пленным было самое вежливое, воспрещалось раздевать и разувать их. Высказывалось желание сразу-же брать их, как рабочую силу, на ремонт моста. Надо сказать, что половину работы по исправлению моста, нам проделали добровольно пленные грузинские солдаты. С мирным населением даже в тех селениях, по близости к Тифлису, где оно было запуганно меньшевиками и неуверенно в победе революционных сил, мы стремились всегда устанавливать самые добрососедские отношения.

Пока мы судили, да рядили, из повстанческо-красноармейского операционного штаба пришел приказ о приостановке на некоторое время наступления для того, чтобы привести в порядок революционные силы, выждать, пока будет готов мост, чтобы сразу, подкрепившись бронепоездами, ударить по меньшевикам и, не тратя лишних жертв, выбить их из Тифлиса. Новый приказ быстро облетел повстанцев и красноармейцев, все его считали правильным.

Мы решили воспользоваться временным затишьем, чтобы переправиться через Куру на правый берег, к главным силам повстанцев и стрелков, где наше присутствие будет особенно необходимым. На этом левом же участке мы оставили для работ тов. Розенфарба. Переправа через быстроходную Куру, на утлых лодках кардаша (татарина), стоила не малых трудов. Дул очень сильный ветер, мы несколько раз отплывали от берега и обратно возвращались к нему, будучи не в силах преодолеть течения. Раз даже лодка чуть-чуть не опрокинулась. Наконец-то, после ряда безуспешных попыток, нам все-таки удалось преодолеть силу стихии. На другом берегу нас встретили очень дружелюбно татары из местных аулов, которые жаловались на притеснения меньшевистских властей. Они охотно накормили нас, когда узнали, что мы голодны. Мы предлагали деньги за хлеб, но они считали это оскорблением. Правда, попадались богатые хаты, откуда обитатели убежали вместе с меньшевистским начальством. Под сильный ветер, пешком и на подводах, понавшегося на пути обоза, наконец-то мы добрались до ст. Джандары, где был полевой штаб всей группы повстанцев и войск, действовавших под Тифлисом. С этой южной стороны, благодаря шаткости одного полка, который состоял из большинства армянских крестьян и самовольно снялся с позиции на обед, революционным силам пришлось несколько отступить, что немало в начале обрадовало меньшевиков. Но все время шла новая подготовка к решительному напору всех революционных сил на меньшевиков. Они не замедлили наступить 24-го февраля на подступах к Тифлису.

в) Работа и бои под Тифлисом.

22-го февраля мы весь день употребили на то, чтобы связаться с действующими силами. Мы уже узнали, что в Шулаверах (большое село Грузии) образовался Военно-Революционный Комитет Грузии, куда вошли: Охарошвилли, Шальва, Элиава, Думбадзе, Ладос, Гегечкори, Буду Мдивани, Эманошвилли и др. Этот самый Ревком меньшевики в Тифлисе окрестили „Шулаверскими шутами“ и провели через Учредительное собрание постановление объявить членов вне закона, за измену родине. Но уже через 4 дня, Ревком этот был уже настоящим, законным, действительным правительством

Грузии и заседал во дворце, который до того занимала учредилка. Нашу группу в 7 человек Ревком Грузии встретил очень сочувственно и думал лучше всего использовать во время 2-х дневной передышки на работе среди прифронтового населения, по организации Ревкомов. Для руководства ею Ревкомом был выделен т. Эмановский. Мы согласились, до вступления в Тифлис, выполнять такие задания наряду с работой среди боевых частей.

Для лучшего использования сил, наша небольшая политгруппа разбилась на две части.

Одна часть во главе со мной (еще т. т. Козловский и Ильин) направилась в район повстанческих и красноармейских частей, расположенных у Кодэ и Кумис. Вторая группа из 4 человек во главе с т. Гришковским — в район расположения восточной бригады курсантов, расположенных в селах Мукачи, Наргие, Елисаветполь. Было условлено, что вместе с перечисленными частями мы встретимся в Тифлисе, где и сойдемся все, подтянем и развернем работу Политотдела во всем объеме.

Закончив писать одно воззвание (материалы к печати для Тифлиса мы готовили заранее в пути), я тронулся с т. т. Козловским и Ильиным, от Джендар на Кодэ. Расстояние через высоты и долины было 15 верст. Дорога была военная, вымощенная камнем. Раньше по ней проходили солдаты царской армии, для выполнения империалистических захватов в Персии и Турции. Раньше серая русская шинель чувствовала себя здесь, как в завоеванной стране, проводя великодержавную политику Российского империализма. Раньше проходили солдаты, избиваемые своими офицерами, вымученные до мозга костей, набитые разной казарменной чепухой. Теперь шли мы, рядом с нами на ряду с повстанцами, двигались воинские части, обозы Красной Армии революционной России. Шли славные бойцы, сломившие не только российский империализм и буржуазию, но беззаветно отдавшие свои силы на борьбу с происками всех мировых хищников. Шла армия, которую не боялось мирное население, за исключением князьков и чиновников. Шла армия, радостно встречаемая мирным населением, на которую смотрели, как на освободительницу.

Действительно, довольно резкий контраст произошел за последние годы. Частенько среди красноармейцев встречались такие товарищи, которые раньше проходили эти места по приказу царских генералов. Теперь они идут, как солдаты революции. Сознание, что они выполняют такую почетную роль, гордостью наполняло их сердца. Они охотно в своих рассказах сравнивали прошлые свои походы в неизвестную Турцию и Персию, походы, цель которых для них была неизвестна, с настоящим походом, который, они знают, нужен для трудящихся масс Грузии. Сегодня они шли, не только подчиняясь

воинской дисциплине, но и сами добровольно принимая на себя фронтовые страдания и испытания. Нас, политических работников, представляющих мозг армии, такие сравнения прошлых походов с настоящими до глубины души радовали, внедряли больше бодрости и силы. Мы любовались на раскинутые вдалеке цепи гор, с их гребнями снежных вершушек, далеко уходящих в облака, на которых искрились лучи солнца.

Мы шли в изодранной обуви, несмотря на то, что были частью армейского начальства. Разве раньше какой-нибудь капитан, полковник, или генерал ходил пешком? Разве он был так близок к своим солдатам, жил вместе с ними одной жизнью? В Красной Армии подавляющее большинство командиров, комиссаров, политработников, за самыми редкими исключениями, были постоянно с бойцами, вместе жили их жизнью. Это придавало ей невиданную сплоченность, силу и непоколебимую веру в своих руководителей. Сознание, что мы также терпим лишения, постоянно вертимся в гуще красноармейцев, выгодно отличало нас от положения начальства в прошлом. Попадаетея по дороге завязнувшая в грязь лошадь, мы пособляем обознику ее поднять, пачкаемся в грязи, но не обращаем на это внимания.

Мы по-товарищески беседуем, отвечаем каждому обратившемуся к нам красноармейцу. Мы чувствуем себя только одной из передовых частей всего армейского коллектива. На фронте, в боевой обстановке, чувство самосохранения, жажда достичь победы, сплачивают коллектив в одну семью, как нельзя лучше. Хотя редко, но бывают иногда трения, даже безобразия и тогда долг политработников устранять эти явления, политически воспитать и развить как красноармейцев, так и мирное население. Дорогою в наших головах также бродили мысли о том, как нам лучше укрепить коллективную волю, как помочь командованию в боевых операциях, как лучше связать армию с гражданским населением. Правда, здесь в Грузии, большого труда в этом отношении прикладывать не приходилось. Среди населения сочувствие было всецело на нашей стороне. В дороге перед нами ставилась задача поднять боевой энтузиазм повстанцев и красноармейцев, лучше раз'яснить населению задачи организующейся новой власти.

С такими мыслями мы незаметно подошли к Кодэ.

Был уже вечер. Мы могли поговорить только с комиссаром и командиром бригады. Вошли в курс дела, узнали, что товарищи долго не читали газет. Рассказывали они про боевые эпизоды, и не мало гордились доблестями бригады, которая не так давно участвовала в разгроме Врангеля, когда брала Перекопский перешеек. О практической работе мы могли только условиться на завтрашний день, который являлся последним в короткой передышке. Мы ре-

шли собрать всех политических комиссаров, политруков и бюро коммунистических ячеек, собрать митинг населения села и познакомиться с боевой линией фронта.

Переночевав ночь в халупе у одного крестьянина, который все время жаловался на грузинские власти и свою нужду, мы с раннего утра приступили к работе. Сначала я написал листовку на тему „Зачем Красная Армия пришла в Грузию на помощь повстанцам“ и набросал тезисы к докладу „Об отношении Красной Армии к мирному населению“. Потом мне пришлось выступать перед митингом крестьян. Собрались только одни мужчины. Женщины в деревнях Кавказа почти совсем не ходят на собрания. Я говорил по-русски, двое товарищей переводили по-грузински и армянски. Смысл моей речи был такой: Красная Армия пришла освободить вас от подлой власти меньшевиков; меньшевики вас, крестьян, обирают, но буржуазию не трогают. Они не хотели жить в мире с Советским Азербейджаном и Россией. Пошли войной, чем причинили много вреда вам. Они пляшут под дудку заграничных капиталистов. Меньшевики подло клеветают на Красную Армию и повстанцев, что будто-бы они грабят население, убивают мирных жителей, насилуют женщин. Смотрите на нас, мы пришли и обращаемся с вами, как с братьями. Меньшевики говорили вам, придут большевики и церкви закроют, молиться богу запретят. Все это неправда, мы только отделяем церковь от государства, но не заставляем никого насильно отрекаться от веры.

Дальше я говорил, что они выигрывают, от того, что Грузия станет Советской Республикой, вступит в близкий союз с Советской Россией. Мельком останавливался я на вопросе об их тяжелой жизни и о том, как надо бороться за лучшее будущее, кратко я излагал наши программные цели. Говорил с полчаса, да еще мой товарищ несколько минут. Кто понимал по-русски, благодарил и аплодировал сразу же, остальные изв'яляли свое согласие с оратором после переводов. В заключение митинга прокричали могучее крестьянское „ура“ в честь Красной Армии и нарождающейся Советской Грузии. Весело улыбались наши отдыхающие красноармейцы, со стороны наблюдая за разношерстным митингом крестьян. Они наглядно убеждались, что не даром сюда пришли бороться.

Распустив крестьян, после небольших переговоров с отдельными из них, мы отправились проводить бригадное собрание. На нем присутствовало уже 60 политработников. Прежде всего я сделал доклад о международном и внутреннем положении. Выслушивали с большим интересом, ибо сведений давно не имели. Вторым вопросом шли доклады с мест. Они говорили о большой выносливости красноармейцев, о страшной нужде в обуви и обмундировании, большой задержке в выдаче жалования, запаздывании почты и литературы,

о большом числе заболеваемости, о напряженности своей работы. Мы выслушивали вопросы и жалобы, тут же давали на некоторые из них об'яснения, часть же записывали, для того, чтобы толкнуть, кого следует (отделы Снабжения, Экспедиции и т. д.). Третьим вопросом стояло обсуждение наших инструкций о том, как связаться лучше с населением и поднять политическую работу в частях. В первом случае советовалась вежливость, недопущение самовольных реквизиций, грубого обращения, во втором—всюду показывать личный пример, даже в походах агитировать, раз'яснять, носить с собой литературу. Нас выслушивали, вставляли замечания на основании своего опыта и принимали за необходимость строго держаться высказанных предложений. Перед окончанием мы роздали воззвания, которые они должны были распространять в своих частях, в селах и перебрасывать при удобном случае противнику.

Распустив собрание, мы отправились в разные стороны на линию фронта. Она была всего в 2-х верстах. Обозначалась она только заставами на дорогах с той и другой стороны. Мне досталось идти по дороге в большое село Кумисы, приютившееся под самой горой в ложбине. Дальше заставы меня не пустили, хотя очень хотелось. Пришлось посидеть около, поговорить с ребятами на злобу дня, узнать кой-чего новенького и у них. Сегодня им удалось задержать несколько перебежчиков, шедших с той стороны. Некоторые даже шли из Тифлиса в соседние деревни, занятые Красной армией.

От перебежчиков мы узнали, что сейчас в Тифлисе меньшевики подняли большую шумиху. Пользуясь передышкой, они склонны были заключить о своей полной непобедимости. Тифлис называли „вторым Верденом“, всюду видели большевистских агентов и измену родине, арестовывали без разбору; переполнили тюрьмы, в столице навели страшный террор. Захваченных человек 300 пленных красноармейцев (были отрезаны при отступлении одного армянского повстанческого полка) они водили по улицам, показывали своему населению, хвастались „доблестью“, что они, мол, „пленных тоже брать умеют“. Причем среди пленных попался с своей частью один комиссар полка. Боже мой, как они обрадовались, накричали, что взяли одного комиссара. В газетах аршинными буквами об этом напечатали, как о выдающемся событии. Хотя комиссар ничего из себя выдающегося не представлял, он, бедняжка, не предполагал, что своей персоной вызовет такую шумиху, обратит на себя такое „мировое“ внимание. На позиции своей армии выезжали все меньшевистские министры, призывая солдат „всем умереть, но Грузию спасти“ (от кого? от своих же). Большевистские власти пробовали мобилизовать новые силы, но им это очень мало удалось, большинство предпочитало скрываться. Бахвалясь своей непобеди-

мостью, они все-таки, однако, спешно эвакуировали город. Сведения перебежчиков несомненно были ценны для нас, я их впоследствии использовал в агитации. Были перебежчики из мирных граждан и с нашей стороны на меньшевистскую. Таких мы щедро нагружали нашими воззваниями к солдатам и населению Грузии. Последние ускорили процесс просветления меньшевистских солдат, их оболшевничивания и переход их на нашу сторону. К тому же в стан противника просачивалась правда о Красной Армии.

Кончив разговоры с заставой, я осмотрел местность противника. С возвышенности было видно далеко, тем более, что внизу лежала обширная котловина, с озером по середине. Слева вздымались скалистые горы, которые завтра утром нужно взять нашим красным орлам и повстанцам. Погода стояла ясная, воздух чистый настолько, что можно было разглядеть передвигающихся разведчиков противника. Сегодня все спокойно, а завтра здесь должны быть: бой, движение масс, сотрясение воздуха, крики и стоны борьбы. Я наслаждался этой временной тишиной, зная, что она продлится недолго, всего несколько часов.

В верстах 2-х от меня на лошадях виднелись наши красные командиры: они всматривались в бинокли, изучая местность перед боем, намечая заранее движение своих отрядов. Возвратился я в село (Кодэ) только через несколько часов. Своих товарищей, Козловского и Ильина, которые принесли также утешительные вести, я попросил пойти по ротам красноармейцев, вести с ними беседы, готовить к завтрашним решительным событиям. Сам я занялся подготовкой к будущей работе по вступлении в Тифлис. Ибо, войдя в него, в первые дни надо сразу же действовать, меньше раздумывать, больше делать по заранее обдуманному плану. Последняя работа кончилась только уже поздно вечером.

На фронте, в деревнях и аулах, при недостатке, а порою и при полном отсутствии керосина, приходится вечера убивать на раздумье, разговоры, спячки в темноте или при свете маленького ночника-коптилки на масле и жиру. Я решил до сна лучше отдохнуть на крылечке крестьянского жилья. В окно глядела яркая луна и соблазняла побыть на свежем воздухе. Действительно, наступившая горная ночь была великолепна, и я не пожалел праздного проведенного времени. Свежий, здоровый ночной воздух, доносившееся издали пение птиц, белеющие по сторонам верхушки гор, жвачка отдыхающих лошадей, спящая деревушка и редкие движения красноармейцев у костров или своих подвод, являли собой богатую картину. Луна своим светом озаряла село, дорогу, горные скалы, меня самого, давала возможность созерцать горную окрестность. Я смотрел на все окружающее и думал, что завтра, с рассветом,

эта картина быстро сменится другой. Пение птиц сменится ревом орудий и татаканьем пулеметов, горы при солнечном свете станут угрюмыми, и ночной покой сменится адом боевого дня. Но я его, как и другие, страстно хотел, ибо надоело тянуть проволочку с меньшевиками, надо скорее было водрузить знамя Советов в Тифлисе. Этого хотели и все повстанцы, занимавшие часть соседних пунктов. В победе Красной Армии я не сомневался. Насладившись вольной ночью, я крепко заснул до утренних событий.

Утром встали в 5 часов, двинулись на фронт. Строевые части уже выступили раньше в поход. Версту от Кодэ на Кумисы (всего 5 верст) мы шли при полном спокойствии. Но вот сигналы о начале боя дают глухие выстрелы с восточной стороны. Это наши бронепоезда, перешедшие исправленный мост, начали борьбу с бронепоездами противника. В ход пущена с той и с другой стороны тяжелая артиллерия. Через 10 минут рывкнули из своих 9 пушек расположившиеся три батареи в ложбине, против горы св. Давида (высота 3150) и скал окружающих укрепления. За орудиями пошел винтовочный и пулеметный треск выстрелов, который бывает таким отчетливым и резким в горах. На 10-верстном расстоянии в окружности Тифлиса повстанцы и красные войска перешли в наступление. Революционных сил в общей сложности было около 10.000 человек, у грузинского правительства в два, даже в три раза больше. Зато у меньшевиков не было того огня, энтузиазма, революционной решимости, какие были у нас. Хотя повстанцы были менее опытные в боях, а наши красноармейцы не привыкли к горам, но они все же лезли, карабкались на скалы, отстреливались, брали их одну за другой. В некоторых местах им удавалось уже занимать хорошо сделанные окопы противника, брать по несколько сот пленных. Грузинские солдаты сражались неохотно, вяло. Многие из них пытались добровольно сдаваться, но за спиной поставленные меньшевистскими агентами пулеметы заставляли их мириться и неохотно, кое-как, сопротивляться красным, которым они уже значительно сочувствовали.

Мне самому приходилось беседовать с добровольно сдавшимися счастливыми. Они крепко ругали своих меньшевистских правителей, с жадностью читали предлагаемую нами литературу. Часть из них сейчас - же соглашалась идти биться в рядах Красной Армии. Наши красноармейцы относились к пленным грузинам по-дружески. Бывало в прошлые годы деникинских и врангелевских пленников, хорошо одетых, обутих, они переоденут, переобуют в плохое, грузинских же товарищей оставляли в покое. Красноармейцы были очень довольны тогда, когда какой-нибудь грузин даст ему одну из имеющихся двух пар сапог. В лице пленников мы видели не врагов, а наших товарищей по труду, насильно мобилизованных,

обманутых меньшевистским правительством, которое они так же хотят сбросить, как и мы.

Единственно, кто у меньшевиков хорошо и упорно сражался, так это испытанная в подавлении революционных восстаний 1918—1920 г., опять-таки не вся, а часть народной гвардии, юнкера и отряды горско-азербейджанские, из приютившихся в Тифлисе беглых контрреволюционных сил. Они-то как раз и занимали самые выгодные позиции, которые приходилось брать с большими жертвами. Красные бойцы выносили огонь противника с изумительной стойкостью. Так, например, на участке 26 бригады, бронепоезда противника зашли в тыл цепям красноармейцев и начали поливать их смертоносным огнем. Красноармейцы не дрогнули, а продолжали организованным путем двигать цепь перебежками, пока наша артиллерия не заставила неприятельские бронепоезда уйти. Красноармейцы вообще сражались храбро. Так, один наш малочисленный полк в 300 человек отбил наступающую часть противника в 1.500 человек. Помню также многочисленные наши атаки на высоту 3.150 метров (с монастырем на вершине). Там засели отборные юнкера, которые упорно оборонялись. Наши несколько раз под частым вражеским огнем делали продвижения вверх, доходили до монастырских стен и, опять не осилив, несколько спускались вниз, чтобы через короткое время повторять атаки. По боевой линии помимо выстрелов, шел крик, наши кричали меньшевикам: „сдавайтесь, товарищи“, меньшевистские командиры самодовольно орали: „даешь Пойлинский мост“, который к несчастью для них был уже восстановлен.

Красноармейцы, усталые от лазанья по тропинкам, бодрились каждый раз, как только сдавалась новая партия пленных или какой-нибудь перебежчик сообщал новости о намерениях и состоянии противника. Нам было известно, как меньшевикам выгодно занимать горные позиции, сделанные еще в прошлую царскую войну, как меньшевистское командование до отвала кормит своих солдат мясными консервами, выдает много вина, думая таким задабриванием подкупить их на дальнейшее сопротивление. Грузинские солдаты ели, пили, но тут-же большинство не переставало ругать свое правительство и выражать сочувствие большевикам. Только тупицы меньшевики, из интеллигенции, местного дворянства и богатых крестьян, оставались верными правительству меньшевиков.

24-го февраля все революционные силы были уверены во взятии Тифлиса. В самом городе, в тылу меньшевиков, рабочие тоже этого ожидали. Вот почему так горячо идет бой в течение целого дня. Я провел день поочередно, на позиции (в штабе одной боевой бригады), занимающей центральное положение, ведя агитацию в только что занятых нами деревнях. На позиции я

виделся с комиссарами, с командирами, они делились боевыми впечатлениями, новыми вестями о противнике, я делился вестями с других участков фронта.

В занятых деревнях, селах я собрал перепуганных от боя жителей, которые первый раз видели такую картину. Все они прятались в подвалах, домах, тряслись, боясь получить, уже не красный, а меньшевистский снаряд (по деревням мы никогда почти не стреляли, отступление от правил было только в исключительных случаях). Грузинские крестьяне с удовольствием брали воззвания, кой-кто из них понимал по-русски; большинство из нас, политработников, в том числе и я, грузинского языка совсем не знали. Произносились на митингах под музыку орудий и пулеметов короткие речи, переводившиеся по-грузински. Редко такие митинги кончались спокойно. Очень часто они разгонялись рвавшимися снарядами. Раз, например, около одного митинга, надо было проехать красной артиллерии (перемена позиции). Противник ее заметил и хотел подбить. Посыпались снаряды, наша артиллерия свернула в сторону, а неприятельские снаряды продолжали рваться на месте разбежавшегося митинга. Было горько и смешно в одно и то же время. Но мы все-таки и после этого не бросали своей агитационной работы среди населения, ибо знали ее плоды, в случае если нам придется еще временно отступить (тогда население вражеского тыла будет работать за нас).

В штабе все время по телефону получались донесения и отдавались боевые приказы. В небольшом домишке грузинского крестьянина, у одной из больших скал, приютился наш руководящий штаб 3-х боевых единиц. Снаряды противника ложились недалеко от штаба, но это нисколько не волновало привычных красноармейцев-ординарцев, разведчиков связи и командиров. Волновались только при получении известий об успехах или неудачах. Плохо доставалось тем частям, которые во время не заняли указанных по приказу пунктов. В минуты сравнительного спокойствия, штабные люди и их окружающие делились новыми известиями, впечатлениями. Очень обрадовало, например, известие об образовании Ревкома в Белом-Ключе и о восстании крестьян в Душете, в северной части Грузии, в тылу меньшевиков.

Внутри Грузии было беспокойно, порох восстания против меньшевиков сделался сухим, оставалось только его поджечь. Красная Армия помогала повстанцам справиться с этим делом. Образование Ревкомов при ее помощи стало „насущной потребностью“ не только в местах, занятых восставшими отрядами и Красной Армией, но и в тылу меньшевиков. Ревкомы приобретали огромную популярность. В связи с ростом революционного под'ема в Грузии, поднималась боевая энергия красных частей и повстанцев.

Донесения говорили о больших удачах наших на крайнем правом фланге, где не было таких гор и укреплений, как с южной стороны Тифлиса. Всем было ясно, что если не сегодня, то обязательно завтра мы будем в Тифлисе. Вечером картина ярко определилась, для всех стало очевидным то, что меньшевики не могут больше сопротивляться. Перед нами был выбор: овладеть ли Тифлисом сегодня, 24 февраля, но положить при этом в несколько раз большее число жертв, или, укрепившись на завоеванных за день позициях, выждать ночь, когда армия противника еще больше разложится, или сам он отступит под покровом темноты. Ценя каждую человеческую жизнь, особенно жизнь красного бойца, нашему командованию пришлось избрать второй путь.

Ночь застала нашу тройку политработников в деревне Цалахнури, самой ближней к фронту. Проведя в ней половину ночи, мы все-таки решили отойти на две версты в тыл, где помещался оперативный штаб, чтобы войти в курс положения на всем фронте. Дорогой заблудились около гор. Блуждали бы может быть и долго, да противник выручил своими ракетами. В целях демонстрации он пускал их усердно по направлению к нам, ярко озаряя небо, надеясь этим прикрыть свое трусливое ночное бегство.

В штабе ночью только об одном сожалели, что не придется захватить вместе с Тифлисом и меньшевистских воротил. Но в остальном были спокойны, все надежды возлагали на утреннюю схватку. С мыслью о „завтра“ мы крепко заснули.

2. Вступление в Тифлис.

Утром наша разведка доносила, что противника нигде на бывших вечерних позициях не обнаружено. Нашим отрядам был дан приказ двигаться вперед в боевом порядке. Были некоторые предположения, что противник окажет сопротивление в самом Тифлисе. Хотя одно было бесспорно для всех: сегодня над Тифлисом будет реять знамя Военно-Революционного Комитета Грузии.

Я стал тормошить своих товарищей, Ильина и Козловского, скорее двигаться пехтурой в Тифлис. От Кумис до Тифлиса было 9 верст. Они думали еще подождать, пока не выяснится точно картина, чтобы не ломать зря ног, а с другой стороны, хотели дожидаться завтрака у гостеприимного хозяина: Мной охватило жгучее желание немедленно все свои силы направить на то, чтобы двигаться скорее на Тифлис, войти в него с первыми частями войск. Посему я быстро зашагал один. По дороге обошел несколько обозов 1-го разряда и запасные части идущие на поддержку. Пройдя гору высотой в 3150 (на вершине ее ютился монастырь), по совету встречных грузин, которые уже шли из Тифлиса и разносили вести об отступлении

меньшевиков, я свернул влево и пошел горами напрямик. Местности, конечно, не знал и сбился с прямого пути. Пришлось подняться на 2 горы и, пройдя с полверсты по равнине, перейти на спуске к Тифлису еще 3 горы и свернуть на дорогу у окраины Тифлиса перед самой Курой. Из центра города до меня донеслись звуки революционной песни. Я понял, что наши уже входят, и я немножко запоздал, чтобы вступить в передовом отряде.

На первой же улице я увидел брошенную меньшевиками походную военную кухню с готовой кашей из бобов. Чувствуя адский голод, я набросился на кашу, пустив в ход брошенную рядом банку из-под консервов. Подошла какая-то женщина и сострадательным голосом заговорила: „милый, не ешь, наверное, разбойники нарочно отравили“. Признаться, я не то, что поверил ее словам, а, все-таки, из целей предосторожности перестал есть. Дальше мне пришлось идти мимо красивых дач длинной улицей к центру города. Дорогой раздавал захваченные еще в Баку воззвания „к рабочим, крестьянам и солдатам Грузии“. Их брали на расхват, жадно читали, старались понять каждую мысль желанных красных помощников в борьбе против меньшевиков. Раздавая воззвания, я не заметил, как ко мне подошли две девушки с теплым хлебом и предложили отрезать, если я голоден. Я воспользовался, хотя и в небольшой степени, их добротой.

Ободряемый радостными лицами граждан, я быстро двигался к площади городской Думы. Чем ближе к ней подходил, тем больше по улицам стояло, ходило, бегало народу, много было и с красными бантиками. Вначале на улицах я больше замечал татар, русских, армян, персов, но скоро стали попадаться и грузины. Надо признаться, меньшевики грузинскую часть населения Тифлиса очень напугали большевиками, вплоть до таких ужасов, что чуть ли не всех их большевики повырежут или сошлют в Советскую Россию, и воспретят говорить на грузинском языке. Большинство рабочих такой провокации не поверило, но на мещанскую, интеллигентскую, мелкобуржуазную часть это сильно повлияло. Сначала она не показывалась на улицы, хотя после убедилась в обратном. Большевики показали себя, даже в ее глазах, вежливыми порядочными людьми, не в пример русским войскам времен царского режима. Мне пришлось слышать о впечатлении некоторых интеллигентов - грузин, которые поражались сознательностью, интеллигентностью и рыцарской отвагой красноармейских частей. Вдвойне угнетенные меньшевиками мелкие нации в Грузии—армяне, персы, татары,—были тоже вне себя от радости. В Советской власти они видели борца за равноправие всех народностей. Русские, которые состояли из прежних царских чиновников, отставших от белой армии беженцев—хотели

видеть в Красной Армии завоевательную силу „великодержавной политики“ России. Но им пришлось скоро разочароваться. Красная Армия пришла не завоевывать Грузию, а только помочь рабочим и крестьянам Грузии установить Советскую власть. Мне самому пришлось наблюдать пришедшего в большое недоумение одного русского полковника, которого один красный командир арестовал за слова такого приветствия, которые он выпалил от избытка своих „национальных“ чувств: „рад служить верой правдой нашим соотечественникам“. После всем таким гражданам дали хорошо понять, что Красная Армия не является завоевательной силой, а глубоко интернациональной, освободительной силой, другом всех угнетенных и обездоленных народных масс. Конечно, среди русских, были некоторые рабочие, оставшиеся с бывшего кавказского фронта, демобилизованные солдаты или скрывшиеся пленные красноармейцы, убежавшие от Деникина или Врангеля. Они безусловно сразу же разобрались в истинных целях прихода Красной Армии и желали только одного: скорейшего установления советского строя, хотя и самостоятельной Грузинской республики, но терпимо относящейся к другим проживающим на ее территории, многочисленным национальностям, способного превратить Грузию из враждебной в дружественную страну по отношению к Российской республике Советов.

Наблюдая весь пестрый национальный состав Тифлисского населения, высыпавшего посмотреть и приветствовать Красную Армию, в частности, получая приветствия и по своему адресу, я в нетерпении, и под градом новых впечатлений, добрал до думской площади. Там собралось несколько тысяч народу. Какой-то красноармеец на коне говорил перед толпой речь. Я прислушался, стал пробиваться к оратору, думая поговорить после него. Говорил незнакомец-красноармеец мало содержательно, без особого энтузиазма, но толпа, революционно настроенная, была довольна его речью и шумно аплодировала. Кончив свою речь, товарищ красноармеец охотно уступил мне свою лошадь, как временную ораторскую трибуну. У меня был большой подъем духа: вид революционной толпы, жаждущей речей советских ораторов, разжег мои чувства. Я говорил громко, воодушевленно, резко нападая на грузинское правительство, разоблачая его ложь и лицемерие, развивая цели прихода Красной Армии. Свою речь я пересыпал ядовитыми примерами, сравнениями, сильными пословицами, выражениями вождей революции. Народная масса была в большом восторге, после каждых пяти минут аплодировала молодому, неизвестному для нее красноармейцу, в действительности же скромному политическому работнику. Я кончил и предложил толпе прокричать „ура“ в честь Красной Армии, в честь нарождающейся

молодой Советской Грузии. Могучее „ура“, вырвавшееся из многих тысяч грудей, огласило Тифлис впервые после весны 1917 года, даже больше и резче. Здесь же в толпе я объявил, что если есть рабочие из типографий, прошу их отойти в сторону. Нашлось несколько человек, которым я выяснил необходимость, в интересах населения и Красной Армии, напечатать сегодня же номер советской газеты и воззвания. Они согласились. Записав адреса их типографий, я направил их за другими товарищами, чтобы быть готовыми на месте принять к набору материал.

Возвращаясь обратно, я увидел, как по направлению к площади двигались с вокзала прибывшие советские танки, которые сопровождала многотысячная толпа с оркестром; танки не были в боевых действиях, но одно их появление увеличивало подьем радостного настроения. Один из комиссаров танков, знавший меня по фронту, просил выступить с речью. Я согласился. Еще раз, на площади думы, я произношу громкую речь о том, как достались нам эти английские танки, как Красная Армия разбивала в прошлом многочисленных врагов, как меньшевики лгали на нее, и выражал уверенность, что трудящиеся Грузии сумеют в свою очередь создать Красную Армию, сумеют наперекор желанию буржуазии и ее подголосков меньшевиков—лучше править страной через Советы, чем это делали меньшевики. После меня выступали еще некоторые военные работники, рядовые красноармейцы и некоторые грузины из толпы. Каждая речь награждалась громом аплодисментов и криками ура.

Нам отвечали грузинские товарищи.

В памяти у меня выступление с балкона Думы одного знаменитого поэта Грузии, который, отмечая наши, как он назвал, „прекрасные речи“, приветствовал Красную армию от имени „прекраснейшей страны в мире—Грузии“, заявлял о своем счастье жить в это знаменательное время переворота.

Сойдя с танков, я встретился с стоявшими по близости товарищами из нашей политгруппы, которые только что вошли в Тифлис, к концу моей второй речи. Встрече мы очень обрадовались и, после короткого обмена мнениями, решили немедленно приступить к работе, и отправились действовать.

Когда мы шли по улицам к типографиям, то всюду стоял кучками, или шел возбужденный, народ, радостно поглядывая на нас. Вся улица говорила о революционном подеме масс. Тифлис, с вступлением Красной армии, представлял из себя картину только что происходящей новой революции. Очевидцы мартовских дней 1917 г. в Тифлисе передавали, что даже тогда не было того подема и движения, обостренных страстей, как это было 25-го февраля и в следующие первые дни вступления Красной армии. Все это нас очень

радовало, оправдывало нашу борьбу, вознаграждало за перенесенные испытания, придавало внутреннего огня.

В какие-нибудь 15 минут мы добрались до одной из лучших типографий Тифлиса, где печаталась националистически-буржуазная газета „Грузия“. Временно мы ее превратили в штаб Полевого Политотдела, куда приходили за литературой, инструкциями, докладами, представители вступающих воинских частей. Наборщики частью были уже наготове, частью пришлось разыскивать их на улицах и уговаривать оставить временное любопытство и приняться скорее за работу, чтобы быстрее с помощью печати осветить совершившиеся грандиозные события. Быстро набирались написанные заранее статьи, хотя их хватило только на одну страницу газеты. Другую пришлось молниеносно составлять на месте. В типографии же мы нашли целый ворох официальных газет, забытых отступившими. Газеты все были переполнены надеждами на непобедимость меньшевистской армии. Газеты противника дали нам большой материал для ответной агитации. В типографии и редакции нам удалось разыскать обширный архив меньшевистских и буржуазных газет, изучить впоследствии все их настроения и аргументацию против нас.

Позднее нас в типографию пришли представители Ревкома, с тем, чтобы печатать экстренные известия. Но, к своему несчастью, они не обладали такой быстротой и натиском, которые выработались на фронте у военных работников. Нам пришлось им помогать. Мы выпустили свой № газеты „Красный воин“ в тот-же вечер, гораздо раньше „Экстренных известий ревкома“. Вечером наша газета уже раздавалась на улицах города, расхватываемая прямо-таки в драку толпой, жаждущей большевистского слова. Только на фронте не кажется странным, выпуск газеты на ходу в 3-х часовой срок, как сделали это мы в Тифлисе, чем побили рекорд. Кроме газеты у нас печатались одновременно разные воззвания.

К тому же вечером во многих театрах нам удалось провести ряд экстренных митингов, прошедших с шумным успехом.

Следующие дни протекали в горячелихорадочной работе. Повстанцы и Красная армия безостановочно продолжали наступать к Сурамскому перевалу, где меньшевики думали оказать решительное сопротивление и куда они просили Антанту прислать им помощь. Власть в Тифлисе и в захваченных уездах только что создавалась. Нам нужно было в дальнейшем ободрять армию, способствовать разложению противника к переходу его на нашу сторону, помочь укрепить молодым органам Советской власти и диктатуры пролетариата, Ревкомам коммунистической партии, профессиональным союзам Грузии. Нам нужно было давать директивы коммунистам в армии в том, как нужно держаться и работать в Грузии. Наконец нам было неотложно необходимо всецело овладеть сочувствием мирного населения только

что занятых мест в нашу пользу. Во многих гражданах еще сидел страх перед большевиками под влиянием клеветнической агитации меньшевиков. Из этого видно, насколько велики были наши задачи.

В Тифлисе оставался необходимый гарнизон, который нам надлежало обслуживать. Наконец, в советской Армении произошли события, подготовленные при помощи меньшевиков Грузии. Пользуясь почти полным отсутствием Красной армии, снисходительным отношением к себе Советской власти, партия дашнакцун подняла контрреволюционное восстание и на время захватила Эривань. Наше командование, видя такой сложный клубок событий на Кавказе, решило скорее ликвидировать попытку дашнаков вернуть себе власть. Нам нужно было обслуживать и те небольшие части Красной армии, которые пошли в Армению на помощь армии и крестьянам советской Армении. Тифлис таким образом был в центре политической и военной жизни, главным бьющимся пульсом Закавказья. Я не могу перечислить всей той колоссальной работы, которую произвел в то время наш полевой Политический Отдел XI-й армии, со всеми его частями в дивизиях и комиссарским составом. Я буду перечислять только часть ее и наиболее характерные места.

Мы издавали ежедневно газету. Очень много воззваний, напечатанных нами, переправляли к противнику с аэропланов.

По вопросу о работе коммунистов Красной армии в Грузии, была выработана специальная инструкция, на основе предложений тов. Ленина, которые он прислал по телеграфу.

Инструкция Полепоарма XI, утвержденная Реввоенсоветом.

Кладя в основу следующее руководство тов. Ленина о тактике коммунистов в Грузии, переданное по прямому проводу Грузинскому Ревкому,

1) Надо немедленно вооружить рабочих и беднейших крестьян в целях создания Грузинской Красной армии.

2) Необходима особая политика уступок по отношению грузинской интеллигенции и мелких торговцев. Надо понять, что последних не только нерасчетливо национализировать, а надо пойти на известные даже жертвы, лишь бы улучшить их положение и оставить им возможность вести мелкую торговлю.

3) Чрезвычайно важно искать приемлемого компромисса для блока с Жорданнем или подобными ему грузинскими меньшевиками, кои еще до восстания не были абсолютно враждебны мысли о Советском строе в Грузии на известных условиях.

Необходимо помнить, что и внутреннее положение и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не

применения русского шаблона, а умения в гибком создании своеобразной тактики, основанной на большой уступчивости всяческим мелким буржуазным элементам.

Исходя из признания существования Грузии, как самостоятельного Советского государства (с сохранением грузинского языка, как государственного), заключающего союз с другими Советскими Республиками, коммунистам Красной армии необходимо добиваться следующего:

1) Внедрить в сознание населения Грузии освободительную цель временного прихода Красной армии, раскрыть обман буржуазии и меньшевиков, раз'яснить значение и необходимость Советской власти и занимаемое Грузией место в международной обстановке; заручиться горячим сочувствием и деятельной поддержкой Красной армии со стороны населения.

2) Следить, чтобы поведение красноармейцев соответствовало их освободительной роли; раз'яснить красным воинам, как им нужно держать себя в Грузии; не допускать грабежей и самочинного занятия помещений, захвата подвод и продовольственных закупок без разрешения Ревкомов или соответствующих Советских органов; не допускать никаких действий, которые могли-бы задеть национальное самосознание трудящихся Грузии и восстановить их против Советской власти.

3) Особенное внимание необходимо обратить на агитацию за вступление в организующуюся сейчас—Красную армию Грузии.

Красная армия Советской Республики находится в Грузии временно.

4) Считая основной руководящей и опорной силой — Коммунистическую Партию Грузии—необходимо укреплять ее ряды, помогать организовываться всюду коммунистическим ячейкам, проявлять в этом деле широкую инициативу и делиться опытом партийного строительства Советской России.

Необходимо энергичной агитацией вытравить меньшевистское влияние в населении и распространить на него широкое коммунистическое влияние.

5) Влияние на советскую работу с тем, чтобы она была революционной, отвечала духу коммунистической политики, не противоречила бы приказам Ревкома Грузии—необходимо оказывать через существующие местные партийные организации Г. К. П. путем товарищеского воздействия, избегая каких-бы то ни было видов принуждения.

В тех случаях, когда товарищеское воздействие не приносит результатов и возникает конфликт, разрешать его необходимо в Ц. К. Коммунистической Партии Грузии, представляя материал в Поарм XI.

Все усилия должны быть направлены к самому тесному контакту и дружной работе с местными партийными и советскими организациями.

6) Памятуя, что Кавказ является сейчас ареной схваток империалистических сил Антанты и ее прислужников—с силами Советских Республик и мировой революции, необходимо постоянно разъяснять красноармейцам смысл международных событий, их высокую обязанность; необходимо всеми способами повышать боеспособность и коммунистическое сознание Красной армии“.

Мы провели массу митингов в населении по вопросу: „Зачем пришла Красная армия в Грузию“, „Что такое Советская власть“, „Что такое коммунистическая партия“ и т. д. На многих вокзалах в короткий срок удалось организовать агитационные пункты. Почти во все дивизии полетели инструктора Полевого Политотдела с литературой, инструкциями, для связи, для помощи в работе. Реввоенсовет нашей армии и Ревком Грузии с своей стороны предпринимали также все меры для того, чтобы приободрить Красную армию, воздействовать на противника, углубить советское настроение в массах. С этой целью был проведен в Тифлисе парад части Красной армии. Парадом все население осталось очень довольным.

Похороны жертв, как красноармейцев, так и солдат грузинской армии, происходили вместе торжественным порядком, в присутствии десятков, если не сотен тысяч народа (Всего погибших под Тифлисом обнаружено человек 70). Хоронили тех и других вместе, как братьев, которые пали жертвой меньшевистской политики и обмана. Не знаю, найдется ли в истории до 1921 г. такой случай, который бы говорил о похоронах победителями своих погибших солдат, совместно с солдатами бывшего противника. Такая трогательная символическая картина оказала огромное психологическое воздействие на массы.

Хоронили их в Александровском саду, в центре города, как раз в том самом месте, где меньшевистским правительством в 1918 г. разгонялся митинг при помощи пулеметов. Через три года положение резко изменилось и прежних хозяев пулеметов и власти уже не было в столице Грузии.

Я помню то редкостное единение, которое создалось на собрании во дворце труда. Мне пришлось произносить речь к представителям профессиональных союзов, с выражением приветствия от Красной армии, и остановиться на той великой роли, какую профессиональные союзы играли во время революции в Советской России, будучи становым хребтом пролетарской диктатуры. Мы выражали уверенность, что профессиональные союзы Грузии не отстанут и также с честью выполнят свои задачи.

Очень деятельно мы помогали неокрепшей еще после выхода из подполья Коммунистической Партии Грузии. Совместно проводили

„женский день“—8/III, праздники: 4-х летия февральской революции, Парижской коммуны. Все они проходили с подъемом, при огромном участии народных масс, очень сочувственно относившихся к Красной армии. Давали мы своих агитаторов и в деревни, для агитации среди крестьян. Не мало нам пришлось поработать среди пленных, из которых потом отбирались надежные элементы для будущей Красной армии Грузии, остальные после краткой политической обработки распускались по деревням, где они являлись проводниками Советских идей.

В целях быстрой ликвидации войны Ревкомом Грузии была объявлена амнистия всем меньшевикам, всем тем, кто до сего времени боролся против попыток организации Советской власти и Красной армии. Амнистия была действительно правильным политическим актом, колоссально уменьшающим силы противника. Советская власть отказалась от мести меньшевикам, несмотря на то, что меньшевики, будучи еще в Тифлисе, для членов Ревкома Грузии вынесли постановление, объявить их вне закона, т. е. покарать смертной казнью. Одновременно в связи с этим широко развернулась армейская и партийная (Ком. Парт. Грузии) политико-просветительная работа. Для лучшей ориентировки в Грузии и более полного использования своих сил, мы провели несколько общегарнизонных собраний коммунистов.

Красная армия держала себя в Грузии образцово. Никаких грабежей, разгула и пьянства не замечалось. Такой корректности, порядочности, вежливости, гражданское население прямо-таки поражалось. Был только один небольшой инцидент на ст. Натлу, где помещались склады с военным имуществом. Пронюхали про них несколько громил, к ним примкнула часть мирных жителей, и начали было грабить склады. Но, благодаря быстро принятым мерам и высланной к складам воинской силе, грабеж был приостановлен. Громилам и политическим шулерам, которые, несомненно, к этому приложили свои руки, не удалось своей грязной работой уронить достоинство Красной армии. Красная армия пользовалась высоким авторитетом у мирного населения. Она не занималась грабежами, за поведением каждого бойца был установлен общественный контроль самих красноармейцев. Какие нужны были товары и предметы для армии, красноармейцы покупали на деньги. Бумажные деньги Советской России с первого же дня образования Советской власти в Тифлисе, без каких бы то ни было обязательных приказов или принуждений, а так прямо, добровольно принимались населением наравне с деньгами Грузинского правительства, причем по одинаковому курсу. Только знаки соседней Азербейджанской Советской Республики не принимались. Вследствие большого наплыва покупателей, а также скрытия торговцами большинства товаров,

цены на них быстро росли. Так бывает всегда в такие переломные моменты. (Только при вступлении Красной армии в Крым, товарные цены, бывшие при Врангеле, сразу же упали).

Очень бойко заторговали, со вступлением Красной армии, оставшиеся иностранные фирмы—особенно Итальянские. Дело доходило до того, что итальянские купцы соглашались отпускать красноармейцам товары в кредит на большие по тому времени суммы (как, например, на 100.000 руб.), по заверении долговых записок комиссарами и командирами частей. Такой любезностью итальянских комерсантов Красная Армия, конечно, не воспользовалась. Она рекомендовала купцам съездить в Москву и заключить сделки с Правительством. Но данный случай наглядно подтверждает, насколько сильно было тяготение к торговым сношениям с русскими большевиками, насколько надоела им блокада, что сами буржуа тяготились ею. Позднее, насколько мне помнится, несколько итальянских, немецких и других фирм образовали что-то вроде синдиката по торговле в Закавказьи. Итальянцы проявляли в своих отношениях к нам вежливость, даже сочувствие. Сам итальянский консул, оставшийся в Тифлисе (представители Англии и Франции позорно бежали с меньшевиками), частенько заходил к нам в Полевой Политотдел за газетами, воззваниями и просто — побеседовать; он не скрывал перед нами симпатий к Советской власти, которые господствуют у рабочих и крестьян Италии. Приходили к нам и разного рода французские дельцы. Один француз все время усердно предлагал нам доставку в каком угодно количестве белых русских и иностранных газет. Небольшое число, как материал для нашей агитации и изучения врага—мы у него все-таки купили.

После нескольких дней пребывания в Тифлисе, как только стали создаваться комиссариаты, все оставшиеся в Грузии служащие, лица свободных профессий, без различия политических убеждений, потянулись служить. Шли не только здоровые, полезные и честные люди, шли враждебные Советской власти или даже незнакомые с тем делом, за которое они брались. Наученные горьким опытом разбухания Советских учреждений в городах, занятых Красной Армией после Деникина (на Дону, Украине и Северном Кавказе), мы предлагали грузинским товарищам проявлять сугубую осторожность. Мне самому пришлось вести беседу со штатом служащих редакции и конторы газеты „Грузия“. Все они вплоть до редактора, оказавшегося каким-то юристом, продавали свои убеждения и совесть Акционерному т-ву „Грузия“. Редактор писал статьи, враждебные большевикам, всего несколько дней тому назад, и теперь хотел, чтобы мы его взяли на службу. Некоторые с унижением, прямо-таки до тошноты, просили принять их на большевистскую службу. Нам сначала пришлось им прочитать целую лекцию

о классовой борьбе, продажности буржуазной печати, вскрыть позорную роль, какую они играли до сего времени, работая без какой бы то ни было идеи. Мы взяли из общей массы только наиболее лояльных и нуждающихся.

В двух пунктах Тифлиса стояли гуд. голосов и длинные очереди. В одном регистрировали всех денкинских, врангелевских, оставшихся еще после ликвидации Турецкого фронта в 1918 году, русских офицеров, военных чиновников. В другом регистрировали безработных. Таких в Тифлисе оказалось несколько десятков тысяч. Страшная безработица, свирепствовавшая при меньшевиках, вела к массовому нищенству. Такого обилия уличных нищих, как в Тифлисе, мы нигде не встречали. Наконец, ни в одном городе Советской России и Советского Кавказа мы не видели в таких размерах проституции, такого множества красящихся женщин, как в „демократической“ Грузии. Все это наглядно говорило о том, что при меньшевиках, капиталистическая система и неизбежность буржуазного порядка, сильно порождала социальные бедствия и болезни (безработица, нищета, продажность, распутство).

Еще несколько остановимся на партийных группировках, существовавших в первые дни после вступления Красной армии.

Коммунистическая Партия Грузии, вышедшая из подполья, была еще слаба. Эмигранты из России и Азербейджана успели приехать в незначительном числе. Очень много меньшевики увезли с собою в кутаисскую тюрьму в качестве заложников. Но партия все-таки, следуя общему под'ему, энергично принялась за работу. Она явилась главной опорой Советской власти в Грузии. Меншевицкой партийной организации уже не было. Она отступила с правительством. Часть меньшевиков осталась в Тифлисе, или не успев отступить, или получив задание от своего правительства: задержавшись в Тифлисе, разлагать тыл повстанцами Красной армии. Они очень усердно распространяли слухи о якобы идущей на помощь меньшевикам, большой силе союзников, о мнимых наших поражениях под Сурамом и т. д. Но никакой паники они не создали, никаких положительных результатов в своей провокаторской работе они не достигли. К Красной армии они вообще подойти никак не умели, да и не могли,—почвы для них не было. Кроме коммунистов в Грузии, пользовались еще заметным влиянием социалисты-федералисты. Левое крыло, руководимое т. Глonti, было всецело, сразу же за Советскую власть и все время работало с нами в контакте. Впоследствии Глonti ездил с мирной делегацией нашим парламентаром для переговоров с меньшевицким правительством в Батуме.

Клубы и культурно-просветительные организации при меньшевиках никакой роли не играли, являясь больше предлогом

для попоек, разных игр и драк. Тем более в первые дни Советской власти, они ничем себя не проявили, все пришлось создавать заново. Таким образом, враждебные нам силы были парализованы, а советские силы только росли. Успехи повстанцев и Красной армии на фронте способствовали этому. Красные силы безостановочно двигались к Сурамскому перевалу. Как меньшевики ни пытались задерживать сопротивлением, взрывами мостов, порчей железнодорожных путей, победное движение об'единенных революционных сил все равно продолжалось. Перед Сурамом мы задержались на 2 дня. Три цепи высоких снежных гор выстроились тяжелым препятствием для Красной армии. Единственная удобная и более доступная дорога через Сурам на запад, 7-ми верстный туннель был загорожен меньшевиками. Нужно было переваливать через горы. Наши красные орлы на это решились. Увязая по пояс и шею в снегу, под градом пуль и снарядов меньшевистской армии, повстанцы и красноармейцы овладели гребнем Сурамского хребта. Меньшевики пришли в ужас от такой решительности и отваги. Они никак не могли представить себе, чтобы Красная армия была способна на такие легендарные, беспрецедентные подвиги. Другой армии, конечно, было-бы не под силу одолеть Сурамских приступов в такой короткий срок, но Красная армия привыкла побеждать, она видала препятствия пострашнее под Перекопом, она не остановилась и перед Сурамом. Теперь ей открылась широкая дорога на запад, к Черному морю. Правда, быстрое наступление по разоренной дороге и голодной местности отозвалось большой усталостью и приведением в негодность обозов (весной при распутице пришлось с обозами ехать половину пути по жел. дор. полотну). Но эти обстоятельства Красную армию и повстанцев особенно не смущали, они продолжали наступать, стремясь расширить территорию Советской Грузии и как можно скорее покончить с меньшевиками.

д) С мирной делегацией из членов Учредительного собрания

10 марта, минут через 15, после приезда ко мне жены из Донской области, я получил приказ от Реввоенсовета армии, немедленно отправиться сопровождать мирную делегацию к меньшевикам, составленную из членов учредительного собрания, перешедших на сторону Советской власти.

Несмотря на усталость от напряженной работы последних дней и приезд жены, с которой не видался много времени, я без упрека и оговорок выполнил приказ, через 20 минут был на вокзале, готовый к от'езду. Предварительно я получил от т. Орджоникидзе соответствующие инструкции. Я должен был во чтобы то ни стало проводить делегацию через фронт в лагерь меньшевиков,

потому, что врангелевцы презирали грузинских меньшевиков, а меньшевики, в свою очередь, не хотели помощи врангелевцев и открытого союза с ними, боялись потерять остаток своего влияния, который они еще имели в массах. Теперь для всех стало ясным и для самих меньшевиков тоже, что никто не придет к ним на помощь. Не приходят на их призывы защищать „свое“ правительство даже его подданные. Развал грузинской армии был в полном ходу. Хотя они у Сурама начали десятками расстреливать своих солдат за попытку перехода к Красной армии, все-таки число перебежчиков с каждым днем прибывало к Советской армии. Я сам видел группы в сотни и тысячи человек грузинских солдат, шедшими по своим домам, благодарившими Красную армию за гуманное, братское к себе отношение. Меньшевики таким образом были предоставлены самим себе. В этом заключался трагизм их положения. Развязка конца приближалась для них с неизбежностью рока. Нам нужно было ускорить развязку, сократить число ненужных жертв—путем переговоров мирной делегации. Поэтому нам следовало спешить скорее на линию огня, чтобы делегатов отвезти в Батум, куда, поближе к морю, эвакуировалось правительство меньшевиков. Я и делегаты чувствовали за собой колоссальную ответственность за срочность исполнения возложенных заданий. Поэтому-то мы нажали в штабе группы войск все пружины, требуя быстрой нашей отправки к реке Рион. Товарищи в штабе на этот раз шли охотнее во всем навстречу, ибо на несколько дней установилось перемирие, всеми сознавалась необходимость скорейшей развязки.

Поехали мы из Кутаиса дальше таким способом. Верст 20 ехали на испорченной дрезине, которую везла по рельсам лошадь (Путешествие для мирной делегации поистине необычайное). Встречные железнодорожные мосты приходилось преодолевать, самим двигая дрезину, а лошадь, чтобы не провалилась в канавы, вести стороной, а ли одну по узеньким дощечкам моста.

В то время, как мы громыхали по рельсам, из штаба группы был отдан приказ, двинуть нам навстречу с позиции (ст. Сантреди) поезд, а также сообщено было Грузинскому правительству, чтобы выслали поезд за делегацией с их стороны. Штабные телеграммы оказали свое действие. На четвертом часу движения, мы получили возможность пересест в специально поданный поезд и покатали на фронт, который тянулся по реке Рион. Мост через Рион был взорван, но можно было ходить по наложенным доскам. Дав условленный знак патрулю противника, чтобы не стреляли, мы все перешли на вражескую сторону. Нас было 7 человек—4 делегата, я и комендант полка, занимавшего данный участок позиции.

Мы зашли в халупу, где помещалось караульное помещение для меньшевистской команды. Там мы нашли офицера и несколько закоренелых солдат из меньшевиков. Показали документы. Поговорили насчет войны. Мы задали вопрос: „почему вы не сдаетесь, все равно скоро в Батуме будем“. Меньшевистские агитаторы с ехидством говорили: „зачем, мол, пришли вы, большевики, в Грузию, мы маленькая страна, что вам нужно, до вас много сюда приходило, турки, немцы, англичане, но все они скоро уходили, оставляя нам часть своего военного имущества. Уйдите и вы, а Батум ни за что мы не отдадим“. Меньшевики по своей оппортунистической ограниченности никак не могли понять величайшего размаха, и широты всей грандиозности разыгравшихся в Грузии событий и неизбежности утверждения в ней Советской власти. Тупость и мещанская самонадеянность, хвастовство сквозило в каждом их слове. Они, между прочим, знали уже о Кронштадтском мятеже и со злорадством кричали: „Советской власти в России пришел конец“. По правде сказать, мы в это время ничего еще не знали из своей информации о Кронштадтском мятеже, ибо при фронтовых операциях связь с центром у нас распаталась—поэтому меньшевикам мы сначала не поверили, думая, что это просто провокация. Однако, минут через 15 завязавшиеся горячие споры двух вражеских сторон пришлось прекратить, ибо меньшевистский офицер требовал немедленного отъезда делегатов в Батум, а нам с комендантом предложено было уйти обратно на советский берег.

Мы простились самым задушевным образом с делегатами, просили их держаться настойчивее, они, в свою очередь благодарили за все оказанное в дороге внимание. Грузинам мы на прощанье дали в подарок свои газеты, чему они обрадовались и, в свою очередь, подарили нам мясных консервов (английских и аргентинских консервов у меньшевиков была пропасть). Довольные успешной переправой и благополучным свиданием с заставой противника, мы вернулись к своему паровозу. У меня словно камень отвалил с груди, ибо сознание говорило, что порученное дело, хотя и с трудностями, а исполнил. Теперь я свободен, больше не придется, словно няньке, возиться с непривычными к походной жизни интеллигентами-делегатами. Теперь я могу поработать или же скорее вернуться в Тифлис. О последнем мне как раз там говорили при отправлении. Я все-таки решил на день-два остаться на фронте, для знакомства с воинскими частями, инструктирования и агитации среди населения. В 3-х верстах от позиции на нашей стороне находился небольшой городок Сантреди, который имел свою типографию. Около Сантреди, на равнине в ближних селениях, было сосредоточено большинство частей боевой группы. Я решил остаться еще и потому, что без восстановления мостов мне пришлось бы очень долго

двигаться в Тифлис, лучше было, подождав в Сантреди, поработав на фронте, дожидаться более удобного случая для быстрого переезда обратно. Да, наконец, задержавшись на фронте, мне хотелось с передовыми отрядами войти в Батум. Ночь пришлось провести на вокзале Сантреди, чтобы завтра со свежими силами пустить в ход всю энергию (в агитации, знакомстве и инструктировании частей и Ревкома).

е) День на район-Сантрединском участке фронта.

В Сантреди мною проведен был митинг, на котором присутствовало около 500 человек. Говорил на злобу дня—„зачем пришла Красная армия в Грузию“ и „что такое Советская власть“. Говорили после меня еще несколько местных грузинских коммунистов. Слушали всех с большим вниманием, в конце под'ем духа собравшихся дошел до высшей точки кипения. Почти никого не было, кто бы сочувствовал меньшевикам. Кроме митинга, издали листовку, нападающую на меньшевиков и опровергающую клевету их на Красную армию.

Районный ревком в Сантреди только что был организован, и ему пришлось заняться, первым делом, предоставлением квартир и подвод для красных частей, учетом брошенного на произвол судьбы владельцами-буржуа имущества и агитационно-просветительной работой. Во главе его стоял испытанный товарищ коммунист, только что вышедший из подполья.

Из расположенных в Сантреди и рядом частей (весь участок фронта) были: Терская бригада, 12 кавалерийская и 9-я стрелковая дивизии. Мне пришлось побывать в частях первых двух дивизий. Первоначально мне товарищи показали воззвания противника, сброшенные с аэропланов, содержание которых, насколько припоминаю, таково: „Кронштадт и Петроград в руках восставших. Сообщение между Петроградом и Москвой прервано. В Тверской губернии идут бои. Харьков, Орел, Саратов, Воронеж и т. д. в руках восставших. Большеvizму в России наступил конец. Пока еще большевики сидят на северном Кавказе, откуда их остается выгнать. Товарищи красноармейцы, повертывайте оружие в тыл, расходитесь по домам, бросайте большевиков, переходите к нам и т. д.“. В этом обращении сказалась вся провокационная гнусность меньшевиков. Еще простительно им, как определенным врагам Советской власти, призывать к ее свержению, но чувство негодования всегда вызывает сознательное искажение фактов. На последнее меньшевики вообще большие мастера. Никто иной, как Ной Жордания (председатель их правительства) в своих воззваниях писал такую ересь, что будто бы Красная армия все имущество вывозит из Грузии в

Советскую Россию, мобилизует все мужское население от малолетних до 50 лет и угоняет на север,—запрещает говорить и писать на грузинском языке и т. п. Ему очень хотелось бы представить Красную армию не в роли освободительницы, а завоевательницы грузинского народа. Но вся подобная клевета слишком была в глаза, чтобы кто-нибудь серьезно ей верил, кроме фанатичной послушной меньшевистской братии. Наши красноармейцы, великолепно зная агитационные приемы меньшевиков, их постоянный обман, сначала вообще не поверили даже в то, что существует какой-то мятеж. Мы же, политические работники армии, видя большой шум и радость меньшевиков, догадывались, что что-нибудь произошло, но были уверены в скорой ликвидации какого-бы то ни было восстания. Мы только боялись одного, как бы Кронштадтское восстание не обнаружило, не прибавило храбрости меньшевикам и не дало повод англо-французским империалистам бросить им подкрепления. От этого только еще больше усиливалось наше нетерпение скорее быть в Батуме. С красноармейцами на эту тему мы решили не говорить до получения точных сведений по телеграфу, тем более, что меньшевистские воззвания ничем не поколебали ни преданности, ни стойкости. Исключение составил всего один эскадрон кубанцев, который заколебался, но был осужден решительно всеми частями. По этому уже одному можно было судить о том высоком героизме Красной армии, когда такое событие, как Кронштадтский мятеж, не поколебало ее рядов, несмотря на недостаточное снабжение и получение из деревень красноармейцами писем, где во всех почти, за редкими исключениями, сыпались жалобы на разверстку.

Проезжая по линии фронта, разговаривая с бойцами, комиссарами и командирами, я убеждался в бодрости и постоянной боевой готовности армии. Красные части второй день стояли на месте, отдыхали. Отдых потребовался главным образом потому, что повстанцы и красноармейцы, особенно лошади, от быстрого продвижения ежедневно вперед при весенней распутице, при постоянных стычках—страшно устали. Все помнили ошибку, которую мы понесли при безостановочном наступлении на польском фронте под Варшавой, и инстинктивно понимали необходимость избежать того-же здесь. Потому-же мы уперлись в большую реку Рион, ее нужно преодолеть. Конечно форсировать среднюю реку пустяки для Красной армии, но для этого потребуются жертвы, мы же думали путем мирных переговоров обойтись без всяких жертв, склонив меньшевиков к добровольной сдаче. Ибо для них и для нас было вполне ясным, что мы так и так на днях будем в Батуме. Только при занятии с боем Батума больше пострадают сами меньшевики, в случае же добровольной сдачи, они получали амнистию, экономию жертв, избегали разрушения государственного имущества.

Воспользовавшись кратковременным отдыхом, части приводили себя в порядок, даже ухитрились проводить политико-просветительную работу. Мы, политработники, больше всего обращали внимания при обследовании частей на то, как ведут себя красноармейцы с мирным населением; в данном случае картина выяснившихся отношений армии с населением была удовлетворительной. Оказались только два случая недостойного поведения, когда неправильно было присвоено имущество, за что виновные предавались суду. На несколько десятков тысяч людей, переносящих тяжелые испытания, всегда найдутся 2—3 грязных человека. Однако, благодаря сознательности красноармейцев и постоянному контролю командного состава, политработников—зараза эта не распространилась на остальную массу. В общем у Красной армии с населением большею частью были братские, добрососедские отношения. Тоже я заметил в районе Сантреди. Очень плоховато было только насчет фуража для лошадей, которые измотались до крайности при распутившихся весенних дорогах. Из Сантреди в Тифлис о настроении противника и Красной армии мною было послано несколько телеграмм, которые помещались в газетах. Между прочим, было передано содержание одной из многих листовок меньшевиков о Кронштадтском мятеже, подлинник которой здесь привожу:

Радио-телеграммы.

Свержение Советской власти в Петрограде.

Иностранные миссии в Батуме получили следующее радио:

Восстание моряков Балтийского моря приняло грандиозный характер. Организовалось временное правительство, которое взяло в руки это движение. 6-го марта временное правительство предъявило Совету Народных Комиссаров ультиматум с требованием очистки Петрограда в течение 24 часов. По истечении этого срока, началась бомбировка Петрограда; он весь об'ят пожаром. Местная власть комиссаров выехала в Москву“.

Ревкому Сантреди пришлось давать целый ряд советов из Российской практики, как нужно работать первое время; товарищи выслушивали внимательно.

Однако, я часто заходил ночью на местный телеграф, где следил за ходом переговоров между Ревкомом Грузии из Тифлиса и меньшевистским правительством в Батуме (провод действовал хорошо). Из переговоров выяснилось, что меньшевики признавали неизбежность своего поражения, готовы были вступить в мирные переговоры с Ревкомом, при участии посредника Росс. Совет. Республ. тов. Енукидзе, только что приехавшего из Москвы. Даже больше того, меньшевики, боясь захвата Батума турками (такие опасения были

и у нас), соглашались на наше предложение: ввести несколько частей Красной армии в Батум, не дожидаясь исхода мирных переговоров. Местом переговоров был выбран Кутаис.

Под утро 17-го февраля начальник гарнизона Сантреди получил предписание из штаба группы красных войск: выехать летучкой к мосту (на реке Рион) для встречи мирной делегации меньшевистского правительства, чтобы экстренным порядком отправить их в Кутаис. Начальник гарнизона предложил и мне поехать с ним на мост.

Передо мной тогда развернулись две перспективы. Первая—пользуясь случаем, с мирной делегацией быстро возвратиться в Кутаис, а оттуда и в Тифлис, вторая—получив содействие меньшевистской делегации, уехать в Батум скорее наших двинувшихся частей, пробраться в тыл к противнику, чтобы подготовить соответствующую почву для встречи Красной армии на берегу Черного моря. Мысли и желания мои раздвоились, я переживал внутреннюю борьбу. Одно желание было заманчиво скорым отдыхом, другое заманчиво впечатлениями меньшевистского тыла, и счастьем первым вступить в столь долгожданный Батум. Из нерешительности, куда двигаться, меня вывел председатель грузинской меньшевистской делегации, он-же военный министр, Лордкипанидзе. Когда я к нему обратился, как представитель политотдела армии, с просьбой дать записку к их командованию с разрешением, мне одному, до движения красных частей, проехать в Батум, мотивируя необходимостью подготовить почву и обеспечить больший порядок, то он, без большого упорства, таковую выдал. Такое скорое согласие я об'яснил тем, что Лордкипанидзе слышал обо мне хорошие отзывы от Глonti, Церетели и других членов мирной делегации, а с другой стороны, он сознавал, что все равно положения своего теперь уже не спасешь, еслипустишь днем раньше к себе в тыл вражеского агитатора, да еще с легальными правами.

Имея в руках записку меньшевистского министра, я твердо решил ехать в Батум.

Простившись с друзьями из красноармейских частей и членами меньшевистской делегации, которых насчитывалось около десяти человек, половина штатских, половина военных, я быстро поскакал обратно к пограничному Рионскому мосту. У меня мелькали кое-какие сомнения на тот счет, что меньшевики могли арестовать, взять меня в качестве заложника, увести с собою за границу, наконец, убить, но успокаивали, с другой стороны, надежды на деморализацию, растерянность вражеского стана, да и желание побывать в тылу врага, хоть первый раз за всю гражданскую войну, было очень сильным. Какой-то дух искания приключений, желание разнообразных пере-

живаний, стремление больше принести пользы Советской России, толкало меня на этот рискованный шаг.

Теперь я еду, и яркое, теплое, весеннее солнце, наполняло всего меня радостью, с бодрым духом подходил я к пограничному мосту, чтобы перешагнуть туда, где меньшевизм еще доживал свои последние часы.

ж) Один день в тылу меньшевиков.

Переход через мост прошел благополучно. Захожу с одним из часовых в штаб его охраны к дежурному офицеру. Два дня тому назад, ночью, 15-го марта, я был в этой же халупе, когда отправлял свою мирную делегацию в Батум, где она и осталась до прихода красных войск. Смело открываю дверь, подаю записку меньшевику-командиру. С кислой миной он посмотрел на меня, но вынужден был немедленно отправить дальше, на ближайшую станцию. В качестве сопровождающего мне дали какого-то солдата-вахлака, который, на мой вопрос „почему воюет с нами“, не знал что ответить, не знал даже обращений своего же правительства к меньшевистской армии. Таких темных крестьян у меньшевиков было не мало, и они не пытались их обучить.

На станции, версты за 4 от места, мы нашли командира дивизии, занимающего данный участок, бывшего полковника-толстяка, со всеми сохранившимися привычками человека привилегированного положения. С ним вместе был молоденький ад'ютант, русский по происхождению. Я показал ему записку Лордкипанидзе и просил поскорее отправить в Батум. Полковник бегло прочитал бумажку, убедился в ее неподдельности, попросил подождать меня на платформе, сам же начал запрашивать по телеграфу начальника группы войск Мазниашвили, штаб которого был дальше, через одну станцию. Последний счел необходимым пропустить меня и обещал выслать паровоз.

Пока шли переговоры и ожидался паровоз, я разговорился с солдатами и командирами меньшевистской армии. Перед ними я старался рассеять их страхи насчет кровожадности Красной армии, говорил об амнистии Ревкомом Грузии всей армии меньшевиков, говорил о том, как идут у нас дела в России, как неосновательны надежды на скорое падение Советской власти, вскрывая губительность политики меньшевистского правительства, ориентирующегося на Антанту, а не на Советскую Россию, говорил о том, как организованным порядком пойдут к вечеру через станцию первые отряды Красной армии. Солдаты слушали меня со вниманием, хотя говорить приходилось крадучись, делая вид, что меня принуждают вопросами, а сам я только отвечаю. Командиры и меньшевистские агитаторы

просили несколько раз своих солдат не разговаривать со мною, разойтись, но они все-таки мало слушались своего начальства, лезли ко мне как мухи на сладкое, чтобы послушать появившегося российского большевика. Солдаты слушали молча мои речи, мотали себе на ус, кой-кто вставлял свои слова недовольства войной или сочувствия к красным. Зато частенько не выдерживали спокойствия присутствующие здесь их агитаторы и агентурные сотрудники особого отряда (контр-разведка меньшевиков), которые беспрестанно раздражались меньшевистской руганью. Обычно они вертелись около вопросов: „красные империалисты, зачем вы пришли, мы маленькая страна, что вам надо; у вас Чека расстреливает направо и налево, вы и нас-то хотите расстрелять; вы насаждаете социализм на штыках, искажаете Маркса, у нас Ной Жордания, самый верный ученик Маркса и т. п.“. Конечно, я им отвечал по всем вопросам, но встретил все-таки политическое тупоумие и ехидное упрямство у своих противников. Особенно вызывало возмущение во всей этой клевете и демагогии меньшевиков—вопрос о Чека, о „социализме на штыках“ и „красном империализме“. Эти избитые словечки меньшевиков вообще нельзя слушать без тошноты. Чекой они постоянно пугали себя и других, им она казалась невиданным чудовищем; слово же „социализм на штыках“ в качестве довода годится только разве курам на смех. Они никак не могли понять, что революция развивается тяжелым путем, социализм одерживает победу над буржуазией сначала в гражданской войне. Как они могли вообще обвинять нас в насилии, когда сами свой меньшевизм насаждали в Грузии при помощи карательных отрядов и широких расправ с трудящимися-революционерами. Теперь же, несмотря на горячие симпатии большинства трудящихся своей страны к Советской власти, они все-таки пытались силой цепляться за „демократическую учредилку“. Опасность „красного империализма“ они восприняли от Западно-европейской буржуазии, которая об этом стала особенно трубить с тех пор, как мы успешно наступали на польском фронте. Однако, в действительности наша Советская власть вела самую миролюбивую политику и войну воспринимала как неизбежное зло; в Грузию Красная армия вступила, как я упоминал ранее, только в целях поддержки восставших рабочих и крестьян, по их просьбе и ради закрепления революции на Кавказе. Рядовые солдаты это понимали, и у большинства их возникал в голове план о переходе на сторону красных. Меншевистские же агитаторы и командиры этого не хотели понять, может быть потому, что больно было сознаваться в своей неправоте, слабости, неизбежности краха. Они все еще пробовали внешне храбриться.

На этой-же станции стоял их бронепоезд, и по деревушкам были размещены остатки войск.

Одновременно с приходом паровоза, грузинский полковник получает приказ встретить переходящий через мост красный полк, задержать его на станции с час, пока под него подадут состав на Батум. Такие вести страшно ошеломили все позиционное начальство на моих глазах. То они силой, с боем, задерживали красные войска, а теперь, на удобной позиции, они должны их встретить, как своих и отправить на Батум в вагонах. Я же еще просил их угостить красноармейцев мясными консервами. Перетрусивший полковник был согласен на все. Чтобы какнибудь приготовиться к встрече и рассеять дополнительными переговорами по телеграфу свои бродившие в голове сомнения—„правда ли большевикам разрешено свободно двигаться в Батум“—он попросил меня с начальником его штаба выехать на паровозе навстречу полку, попросить его подождать. „В противном случае—заявил он: я не знаю, что делать, пожалуй, прикажу задержать огнем бронепоезда“. Во избежание кровавой сцены, я согласился задержать полк на полчаса. Его встретили мы за две версты от станции. Впереди с командиром и комиссаром ехал кавалерийский эскадрон с ярким красным знаменем. Кони гарцовали после отдыха, и лица наших товарищей были веселыми, выражали одно желание: „скорее, скорее вперед, чтобы ни случилось, а раз мы будем в тылу противника, то бороться ему с нами будет трудно“. С полком шла снятая с моста охрана.

Значит, мост свободный, сегодня по нем будут проходить другие красные части. Наши товарищи без всякого упорства согласились подождать, чтобы не портить первых хороших отношений с меньшевистским командованием.

Полк остановился, к нему приблизились группы грузинских солдат, и начались разговоры, поздравления, начался процесс оболышевичивания неразбежавшейся части армии противника. Начальство его бессильно уже было окончательно привести к послушанию своих солдат. Оно махнуло на все рукой. Полный упадок дисциплины и развал армии меньшевиков просачивался отовсюду. Только одна команда бронепоезда представляла из себя дисциплинированную единицу.

Кончив 5-минутный разговор, мы с Начальником Штаба дивизии меньшевиков вернулись на станцию, полковник был уже более спокоен. Всех их я успокоил, что красноармейцы будут держать себя миролюбиво, никого не расстреляют, не повесят, лишь бы к ним дружески отнеслись. Попрощавшись, я сел на свой паровоз, получил себе 2 проводников из Штаба и покати к Мазниашвили.

Ехали мы верст 20. По пути попадались разбитые, уходящие в тыл меньшевистские части, на полустанках к нам присаживались озлобленные сестры милосердия из студенток, да кой-кто из запоздалых беженцев-мещан тащился по вязкой грязи со своими скри-

пучими арбами или пешком. Вполне знакомые мне картины отступления.

Станция, на которой помещался Штаб генерала Мазниашвили, была очень многолюдной, живой. На под'ездных путях стояло много составов, груженных и пустых. На платформе толпилось много солдат и офицеров из охраны Штаба, тыловых, обслуживающих боевые части, команд и беженцев; последние, главным, образом были торговцами и чиновниками из меньшевистского стана.

Меня встретил Мазниашвили, как официального делегата Красной армии, отданием чести. Поздоровались, перекинулись двумя словечками, я дал понять о необходимости немедленной отправки в Батум, просил его оказать содействие в движении по дороге. Пока мы говорили, толпа беженцев, офицеров и солдат, удивленно осматривала неожиданного гостя, который так вольно себя чувствовал, „не плененный, а красный враг. Вот куда он пробрался, уж не пошло-ли все крахом“, жевали некоторые потрусливее в стороне от меня. Посмелее задали даже вопросы: „военный, далеко ли там красные?“ Я спокойно отвечал: „сегодня вечером будут здесь, мост уже перешли?“ — „Лжет он, он большевик, шпион“ — кричали истерически некоторые меньшевики.

Действительно было трудно поверить, так быстро все перевернулось в другую сторону. Всего только два дня тому назад правительство из Батума обратилось со специальным воззванием к армии и населению, в котором опровергало панические слухи о скором приходе Красной армии, а тут, извольте, само свободно разрешает частям Красной армии войти в Батум. Картина быстро изменилась. 15-го марта меньшевистское правительство, заигрывая с турецким, ангорским правительством, надеялось на его помощь в борьбе с нами, с другой стороны, обнадеживало себя успехами Кронштадтского мятежа. Но турки не хотели играть на руку меньшевикам, сами имели виды на захват Батума, пользуясь очень удобным случаем, о Кронштадтском же мятеже приходили неутешительные вести. Вот почему меньшевики так быстро переменили фронт, не предупредив своих подданных, ввели их в заблуждение, чем усиливали панику и растерянность.

Мазниашвили, боясь моего сближения с толпой, поторопился усадить меня в великолепный делегатский вагон, дал одного полковника для сопровождения, несколько пониже рангом проводников, и я покатил быстро по рельсам к Черному морю, где дорога должна повернуть круто на Юг и пролегать берегом до самого Батума. На всех станциях, во время коротких 5-ти минутных стоянок, я выходил из своего вагона обозревать неприятельский тыл. Полковник, в целях предосторожности (как бы большевик чего-нибудь не выкинул), всегда меня сопровождал.

Толпа беженцев, железнодорожных служащих, наэлектризованная ожиданиями событий, с большим интересом посматривала мою сторону. Большинству из них вообще было в диковинку посмотреть на русского большевика.

Всюду мои взоры наблюдали развал меньшевистского тыла, панические настроения, упадок веры и трепетный страх перед грозным и сильным врагом—каким они считали большевиков.

В промежутках станций, во время езды, все время удавалось мне посматривать в окно вагона на великолепную окружающую горную местность слева и величественную Рионскую равнину справа. Я не видел еще во всей Грузии таких красивых мест (разве только небольшой кусочек Боржомской жел. дороги, пролегающей среди прекрасных гор и ручейков). Здесь же, близко от моря, весна была уже в полном разгаре.

Мои наблюдения и думы о том, что придется делать по приезде в Батум, все время обрывали сопровождавший меня полковник и набившиеся в пути попутчики на Батум—офицеры, ординарцы, чиновники меньшевистского военного ведомства. Они осаждали меня вопросами о том, что „из себя представляет Красная армия, правда ли на фронте появился Буденный со своею конницей, верно ли, большевики всех офицеров расстреливают?“ Некоторые говорили с холодным потом на голове, так они были напуганы вымышленными рассказами о советских зверствах по отношению к офицерству. Они, лучше всех других, знали о неизбежности скорой встречи с Красной армией и перехода в распоряжение Советской власти, страх перед тем, как с ними поступят победители, заставлял каждого из них переживать внутреннюю мучительную борьбу, сомнение и смутную надежду на лучший исход. Почти все они пытались передо мною, как представителем Красной армии, оправдать себя, свое прошлое поведение. — „Разве мы были бы против Советской власти, если бы знали о ней правду, если бы верили, что Грузию она не уничтожит“. — „Мы пошли по принуждению, мы исполнители распоряжений власти, в политику не вмешиваемся“. — „Нам нужно было как-нибудь жить, у нас семья, пришлось быть на военной службе, теперь мы не прочь служить где угодно, лишь бы существовать, мы не отказываемся от Советской власти“. В таком смиренном духе сыпались заявления моих перепуганных, то бледнеющих, то краснеющих собеседников. А всего каких-нибудь несколько дней тому назад большинство из них ругало большевиков и, наверняка, бряцало оружием, восклицая вместе с Жордания: „все ляжем костьми, но Грузию спасем. Смерть большевикам!“ Теперь же они вдруг сделались такими смиренными, „тише воды, ниже травы“. Я с большим интересом и наслаждением наблюдал за всей этой братией и широко вел не только агитацию, но стал читать чуть ли не целые

лекции о наших взглядах на войну империалистическую и гражданскую, о терроре, о значении Советской власти, о развивающемся революционном движении на западе и востоке, о причинах крепости и непобедимости Красной армии и т. п.

Все они выслушивали со вниманием, во время моих остановок вставляли свое нытье, причитания и вопросы. Я чувствовал, что работа моя очень благодарная. Ибо в такие исключительные переломные моменты, люди все произносимое другими, все замеченное глазами и мозгом, поразительно запоминают; все это накладывает неизгладимый отпечаток на дальнейшую жизнь, а некоторых буквально перерождает.

При таких интересных разговорах с офицерством противника, и не менее интересных выходах на станции во время коротких остановок — дорога меня совершенно не утомляла, путь не казался длинным. Наоборот, чем ближе мы под'езжали к Батуму и чем расстояние становилось незначительнее, тем я более, хотел немного продлить интересный путь.

В 40 верстах от Батума нас застала ночь. Но ехать и ночью по берегу Черного моря, при блеске догорающего солнечного заката, при переливах морской зыби и богатой тропической растительности на берегу — было захватывающе интересно. Наконец, чем ближе мы под'езжали к Батуму, тем все больше и больше на станциях, полустанках и раз'ездах нам попадались многочисленные составы поездов, паровозов, согнанных меньшевиками со всей Грузии; тем большие беспорядочные толпы беженцев-меньшевиков и растерянных остатков армии глазели на каждый проходящий поезд, пытаясь узнать что-нибудь, новенькое. Теперь все ясно увидели, что их меньшевистское правительство обмануло, война проиграна, власть советов и крестьян Грузии восторжествует. Даже среди этой оравы беженцев и солдат оставшихся еще преданными, находилось очень много таких, которые снялись с якоря или остались в рядах войск, не из-за любви к меньшевикам, а исключительно под угрозой расстрелов, ареста семьи и конфискации имущества меньшевиками. Вот они-то сейчас уже нескрываясь радовались и с нетерпением ждали появления первых отрядов Красной армии.

Кой-кто из таких подходил уже ко мне с вопросом: „товарищ, скоро советские придут, надоело ждать“... Впервые я слышал на ближних станциях к Батуму слово „товарищ“. У меньшевиков это слово не было принято, оно считалось симптомом большевизма.

В Батум мы приехали, кажется, в 11—12 часов ночи. Опасения моего проводника - полковника, что нас могут долго продержат на станции, не оправдались. Нас быстро подали в тупик, ближе к порту, где стояли вагоны меньшевистского правительства и их главного генерального штаба.

Я просил сначала направить меня к арестованному советскому представителю в Грузии т. Шейману. Но моя просьба не была удовлетворена, ибо полковник получил от Мазниашвили указания доставить меня в генеральный штаб, очевидно, придавая большое значение нашей встрече, хотя на самом деле я никаких полномочий не имел и являлся только представителем политотдела армии для своих-же частей. Но делать было нечего, власть в Батуме еще была в руках меньшевистского правительства — пришлось подчиниться.

В главном штабе нас встретил меньшевистский главнокомандующий, высокого роста, средних лет генерал. Кроме него были еще два военных. Мы отдали друг другу честь, поздоровались и обменялись несколькими короткими словами. Меньшевистский главнокомандующий поинтересовался, как прошла первая красная часть через Рионский мост и скоро ли она будет в Батуме. Я передал ему весь эпизод перехода и временной задержки на первой станции и обнадежил, что к утру отряды будут в Батуме, если еще где-нибудь не задержат в дороге. Со стороны я замечал, как генерал немного трусил, был несколько растерян, со мною же держал себя вежливо, что не подобает обычно генералам армий, враждебных Советской власти. Может быть здесь имела влияние боязнь за свою шкуру, приспособление к новым переменам жизни — но такая вежливость рождала, с другой стороны, во мне больше дерзаний и смелости в объяснениях.

Минут через 15 главнокомандующий повел меня к своему правительству. Оно заседало в салон-вагоне где-то рядом на путях. Войдя в вагон, я увидел целое заседание правительства и наиболее видной меньшевистской знати. Из собравшихся я узнал только Жордания, Чхеидзе и Гегечкори, одного раньше видел (Чхеидзе) лично, остальных по фотографиям. Жордания предложил мне стул рядом с собою и не успел я опомниться, оглядеть физиономии собравшихся, как меня начали засыпать такими вопросами: „зачем вы пришли, завоеватели, покорить демократическую Грузию, кто вас хочет в стране?—сидящее здесь правительство, единственно желанное народом Грузии. Вы заключаете союз с некультурными азиатами, турками (Жордания даже показал мне приказ турецкого правительства о занятии турками милиции, телеграфа, фортов и радио-станции, причем ехидно улыбался, когда я читал). Вы хотите свой большевистский социализм на штыках навязать Грузии, красные империалисты. Все равно долго вы не продержитесь в Грузии, будете вынуждены скоро уйти“. Большинство этих меньшевистских напевов были мне знакомы и раньше. В ответах им я тоже не стеснялся откалывать резкие комплименты. Мною указывалось, как меньшевики повинны в этой войне, благодаря своей авантюристской и холопско-преданной к

Антанте—политике. Мы пришли не покорять, а освободить трудящихся Грузии от той власти, которой они переставали доверять, да многие и никогда не доверяли. Лучшим доказательством потери народного доверия служит то, что народ и солдаты Грузии отказываются защищать свое правительство. У вас, господа, из сорокатысячной армии, в последние дни под Батумом осталось всего каких-нибудь 5000 солдат и офицеров. Остальные сдались в плен и разбежались. По вопросу о союзе с турками, персами и вообще о нашей восточной политике, мне пришлось указать, что все это в интересах революционного освободительного движения, и мы не должны уподобиться тем цивилизованным европейским и американским буржуа, которые смотрят на отсталые азиатские народы, как на рабочий скот, как на лучший материал для эксплуатации труда. Лживость и внутреннее ничтожество меньшевистского демократизма ярко выдает себя и на этом вопросе.

Туркам, может быть, хочется занять Батум, как важный соседний торговый город, вокруг которого большинство мусульманского населения. Но кто виновен больше в этом? Кто пригласил турок в Батум, думая сравить их с Красной армией? Теперь вы, меньшевики, бессильные расхлебать заваренную кашу, передаете это дело нам. Мы не отказываемся, ибо Батум нужен Советской Грузии, нужен он и для Советской России и Азербейджана.

Ваши запугивания, господа, о скорости нашего ухода напрасны. Мы действительно уйдем, но, не уступая напору контр-революционных войск, а только когда увидим, что Советская власть в Грузии окрепла, и ее самостоятельная Красная армия сумеет оберегать свои границы“. Вот приблизительные ответы, всех точно не припомню, какие я давал членам меньшевистского правительства.

Весь наш разговор носил обостренный политический характер. Сильнее других на меня нападал кажется, Джугели — начальник отборной меньшевистской „народной гвардии“. Чхеидзе мало вмешивался в разговор, только раз меня остановил и спросил: „ты не петроградский-ли, где-то там я тебя видел“. Хотя я действительно был петроградским пролетарием, но никогда с Чхеидзе прежде не приходилось мне разговаривать. Кто-то из пришедших на собрание отцов меньшевистского семейства неожиданно прервал наш разговор. Мне предложили идти спать в один из соседних вагонов. Я просил дать мне проводника, проводить меня к тов. Шейману, только что освобожденному из тюрьмы. Было около 1 часу ночи. Мне вторично отказали в этом, ссылаясь на невозможность отыскать квартиру, а с другой стороны, у меньшевистского правительства, как впоследствии выяснилось, была большая спешка удирать в порт на ожидавшие там их англо-французские пароходы. Перспектива пережить ночь после сильного утомления мне тоже улыбалась. Я не

стал упорствовать и согласился на гостеприимные предложения Гегечкори и Чхеидзе.

Пока я с ними шел в спальный вагон, из разговоров запомнил такие слова Гегечкори: „Вам большевикам, чертовски везет за границей, многие европейские рабочие буквально влюблены в Советскую Россию. Только им придется разочароваться в вас, когда они узнают, что вы насильнически покончили с демократической властью в Грузии. За одно вас можно похвалить: Вы здорово бьете контр-революцию, белогвардейщину, но совершаете ошибку, когда таким же путем расправляетесь с нами“. Упоминание о насильничестве, разочарованности иностранных рабочих от того, что, вместо меньшевистской демократической республики Грузии, большевики помогли родиться Советской—мы оставляем целиком на совести Гегечкори. Ни того, ни другого после не было. Грузинских меньшевиков поддерживали только меньшевики типа Каутского, Вандервельдэ, Макдональда, Гомперса, которые как до краха меньшевистской власти в Грузии, так и после одинаково любезно относились к меньшевикам. Однако, из уст такого матерого меньшевика, как Гегечкори, лестно было слушать и о наших достоинствах.

Чхеидзе что-то брюзжал о нашей смелости, способности увлекать массы и внушительно пытался меня вразумить тем, что рабочие Англии, Франции никогда не будут идти с нами. Ибо, по словам Чхеидзе, „они любят хорошо одеваться, ходить постоянно в кинематограф, ежедневно читать газеты, хорошо поесть и т. п. Удивительно обывательская меньшевистско-пошлая философия Чхеидзе выявилась в этих разговорах. Мне стало стыдно за петроградский пролетариат, что в первые месяцы февральской революции 1917 г. этот суб'ект, благодаря еще политической незрелости масс—находился во главе Петроградского Совета Р. и С. Депут. Кто из рабочих или трудящихся не любит хорошо одеться, поесть, сходить в кинематограф? Разве Советская власть отнимает эту возможность от рабочих, не борется против разрухи, виновницы переживаемой нужды, как следствия семилетних войн?—Что-же касается театров, газет и книг, то нигде в мире нет такого простора в пользовании ими, как в советской России. Чхеидзе не удосужился узнать того, как низко падает жизненный уровень рабочих масс западной Европы, как капиталисты об'единенным фронтом наступают на рабочих, как опасности новых военных конфликтов и многое другое основательно тревожат рабочие массы. Большевистские перевороты, революционные движения пролетарских масс мира имеют главной причиной своего возникновения — не вопрос о пиджаках и кинематографах. Имеются вопросы освободительного движения и исторической роли пролетариата, поважнее, повозвышеннее за которые можно не только бороться,

но страдать и умирать пролетариям всех стран. Этому-то как раз Чхеидзе по своей меньшевистской близорукости и мелкобуржуазности не понимал, как и огромное большинство сторонников его партии.

С нескрываемой иронией и презрением я дал Чхеидзе один или два ответа, попрощался с ним и Гегечкори и довольный, что наконец-то остался в купе вагона один, могу отдохнуть от давления тяжелой атмосферы меньшевистского царства—быстро заснул.

Разбудила меня часа через 1¹/₂—2 винтовочная перестрелка по соседству с вагонами. Я быстро вскочил и сначала подумал: не наш ли прибывший полк вступил в перестрелку по недоразумению или какому-нибудь поводу с войсками грузинского правительства. Подозрения мои насчет своих красных рассеялись, как только я прошелся по вагону. Он был пустой. Большинство обитателей его из министров и крупных меньшевистских чиновников уехали на иностранные пароходы в порт, о чем мне сообщили служитель вагона и забившийся в уголок—один грузин интеллигентного вида. Фамилию его я не запомнил, только узнал, что его правительство держало, как тяжкого преступника и постановило предать военно-полевому суду, за оставление санитарных поездов в Тифлисе, во время вступления в последний красных войск. Он трусливо жался в уголок, боясь шальной пули. От обоих я узнал, что перестрелка идет между турками и охраной поездных составов грузинского правительства, как равно и в других частях города, где шла перестрелка между турецкими и грузинскими солдатами.

Меньшевистское правительство хотело натравить турок против большевиков, на деле вышло, что оно натравило их против себя. Не знаю, имелись ли у турок намерения захватить в плен грузинское правительство, что, при наличии сил, сделать в ту ночь было легко, или просто их прельщала добыча, собравшегося многочисленного эвакуированного имущества на путях—только перестрелка была горячая и продолжалась до утра.

Передо мною было два пути: один—уйти из вагонов туда, где освобождаются арестованные коммунисты, или же оставаться в вагоне до утра, рискуя быть подстреленным или захваченным турками. Я избрал второй путь, надеясь сдержать гнев победителей заявлением о причастности к русскому большевизму (турецкие солдаты-кемалисты в то время очень симпатизировали большевикам и вообще русским).

Но, несмотря на очень опасное свое положение, я все-таки чувствовал удивительное спокойствие, в то время как два их соседа дрожали от непривычки к боям, как осиновые листья. Мне даже удалось несколько раз заснуть и вновь просыпаться, слушать кон-

церт трескучих, сухих выстрелов и крики в ночной тишине незнакомого таинственного города.

На рассвете выстрелы затихли, за исключением редких одиночных, чтобы возобновиться в сильной степени днем на окраинах города в боевой схватке грузин с турками. Воспользовавшись сравнительным успокоением и светом грядущего дня, а также услугами осужденного меньшевиками грузина, согласившегося провести к Шейману, я вышел из вагонов, зашагал по улицам. Навстречу попадались редкие прохожие, больше солдаты-грузины, которые с удивлением посматривали на нового пришельца. Мой проводник по-грузински об'яснял, кто я и куда путь держу. Нас тогда пропустили свободно.

Шеймана мы застали в каком-то маленьком домишке еще в постели. Он всю ночь работал, помог арестованным грузинским коммунистам образовать Ревком, беседовал с Ревкомом о работе, с чего начать, что бы главное не упустить. В Ревком вошли т.т.: Кавтарадзе С., Торошелидзе М., Махарадзе Давид, только что освобожденные из тюрьмы.

Тов. Шейману, как полномочному представителю Р. С. Ф. С. Р., не мало трудов и хитрости стоило отвести попытки турок (кемалистов) склонить его к признанию их власти в Батуме и принятию охраны самозванно об'явленного турецкого коменданта города. Т. Шейман посвятил меня в планы турок захватить Батум и их попытки взять его сегодня днем, и только решительность советского представителя сдерживала их в немедленном осуществлении своего намерения. Хотя в Москве между Чичериным и представителем Кемали в это время уже было достигнуто соглашение на установление границ что-то около 20 верст южнее Батума, турки своим явочным захватом Батума хотели нас поставить в переговорах перед совершившимся фактом. Приглашенные меньшевиками в Батум в качестве гостей и для помощи в борьбе против большевиков, они почувствовали себя хозяевами, с самого начала, однако, не порывая с нами дружбы.

Т. Шейман справился о том, как движутся наши части, меня же он просил помочь в работе только что образованному Ревкому, и сам хотел сегодня выехать с докладом в Москву. Мы успели перекинуться с ним кратко насчет позорного поведения меньшевиков и их бегства.

Несколько посвященный в курс Батумских событий, я вышел со своим неизменным грузином на улицу. Слышу, как опять участилась перестрелка.

Моя первая забота была сходить на станцию, справиться, не прибыли ли наши красные части. Однако, на станции и нигде на путях наших частей не оказалось. Дежурный по станции вы-

сказал такие соображения на этот счет: „наверное, турки задержали, или где-нибудь на больших станциях закупорилось движение“. Неудовлетворенный ответом, досадуя на запоздание должных прибыть частей, я направился разыскивать Ревком. Время еще было раннее, утреннее. Солнце всходило над красивыми очертаниями Батумских гор, купаясь своими лучами в море. Водивший меня грузин, ставший другом по несчастью в вагоне, за все время дороги рассказывал мне про достопримечательности города.

Батум был, действительно, один из красивейших кавказских городов. Тропическая растительность украшала его улицы и парки. Невысокие домики удобно располагались на чистеньких улицах. Отовсюду веяло свежестью и уютом. Я шел, с интересом осматривая все на пути, не обращая внимания на где-то трещавшие выстрелы, чувствовал внутреннюю радость от сознания, что отныне Батум, этот важный приморский город, становится советским, о чем уже где-нибудь в типографиях печатаются приказы Ревкома. Меншевицское же правительство отдало себя под охрану английских миноносцев и покинуло, бежавшую с ним в Батум ораву беженцев. Будь, что будет, а утром, 18 марта 1921 г., в Батуме впервые была об'явлена незыблемо Советская власть. Может быть, придется за нее еще бороться, но победа конечная все равно будет на ее стороне.

В борьбе за советский Батум не жалко ни сил, ни жизни.

з) Два дня (18—19 марта) в Батуме.

В помещении Ревкома я нашел настоящий муравейник. Большинство комнат было полно вооруженными, только что вышедшими из тюрьмы коммунистами. Некоторые, после короткого отдыха на частных квартирах, только что являлись регистрироваться. Часть с боевыми отрядами немедленно отправлялась на поддержку частям в борьбе против турок, на охрану брошенного меньшевиками имущества и в особенно важные пункты, в виде пикетов и засады. На истощенных лицах у всех была написана восторженная радость, революционная бодрость. Они бурно приветствовали первого представителя Красной Армии Советской России, и справляясь, сколько ее вошло в Батум. Мне пришлось им давать уклончивые ответы, в роде того, что не вошла, а только приближается к городу. Потолкавшись минут пять в человеческом муравейнике Ревкома, перекинувшись отрывистыми разговорами с представителями Ревкома и одним членом, которые работали на-спех, я решил немедленно приняться за работу.

Первым делом считал необходимым выпустить воззвания и газету, чтобы приободрить грузинских солдат и мирное население Ба-

тума, повлиять на исход борьбы с турками и создать психологическую основу для советской работы. На помощь себе от Ревкома я получил еще одного товарища, великолепно знающего местные типографии и несколько знакомого с газетной работой.

Пока мы шли от Ревкома до типографии, то повстречали нескольких газетчиков, торгующих утренними газетами „Батумская Жизнь“ и „Эхо“, в которых ругали большевиков, не предвидя их торжества в тот же день. Нам пришлось конфисковать все номера газет, газетчиков послать за отбором такого сорта литературы в другие места, предупредив, чтобы они явились через три часа за советской газетой для распространения.

В типографии мы застали мало наборщиков и печатников. Пришлось их с большим трудом, но быстро собрать с квартир. Мы приступили к тщательной работе, с невиданной быстротой отхватывая статьи и воззвания. Работать приходилось в очень напряженной обстановке. Кругом на улицах, недалеко, разгоралась перестрелка грузинских солдат с турками. Мимо типографии в панике перебежали солдаты или перепуганные мирные граждане. Иногда, наиболее боязливые, думая укрыться от пролетающих пуль, влетали к нам в типографию, чуть ли не падали в истерику. Последнее очень нервировало наборщиков, они работали, как на иголках, некоторые пробовали бежать. Только наше присутствие и успокоительные заявления, что с большевиками их не тронут—заставляло их продолжать работу. Я не знаю, был ли в какой другой стране случай, когда в разгар боя в городе, в который вошли только что обе враждующие силы, какая-нибудь из них начала издавать свои газеты и воззвания. На фронтах же Советской России это часто случалось. Через 1½ часа работы вышло наше первое воззвание на русском, грузинском и турецком языках. В нем мы написали о вступлении Красной Армии в Батум, которое расклеивалось по городу за 8 часов до действительного вступления красных войск. Оно произвело удручающее впечатление на турок, которые стали понимать невыполнимость своего первоначального плана овладения Батумом.

Вот текст этого воззвания:

Рабочие, солдаты и граждане Батума!

Сегодня части XI Красной Армии Советской России вступают в Батум на помощь вам и молодой установившейся Советской власти—в лице Военно-Революционного Комитета.

Красные бойцы—это не шайка убийц, грабителей, насильников, как подло клеветали на них меньшевики и буржуазия.

Это армия, которая освобождает всех тружеников и угнетенных, всюду помогает им установить Советскую власть, вводит образ-

цовый революционный порядок, к мирному населению относится дружелюбно, трудящихся Грузии считает своими братьями.

Не бойтесь, приветствуйте с радостью красных героев в шинелях, одолевших подступы к Тифлису, Сурамский перевал и выдержавших неисчислимы бои за социалистическую Революцию.

Красная Армия своим пребыванием в Батуме поможет революционным рабочим и солдатам закрепить этот важный приморский город за Советской Грузией.

Рабочие, солдаты и граждане! Много вас обманутых меньшевиками бежало со своих мест от мнимых „кровожадных красноармейцев“.

Теперь вы убедитесь в лживости тех, кто удрал сегодня ночью за границу, кто еще остался в Батуме, не зная что делать от своей растерянности.

Не обращайтесь внимания на лгунов и трусов, соблюдайте революционный порядок и дисциплину.

Вы находитесь под защитой красных войск.

Да здравствует самостоятельная Советская Грузия!

Да здравствует Советский Батум!

Да здравствует Освободительница Красная армия!

Полевой Политотдел XI Красной армии.

Второе воззвание с обращением на 3-х языках было обращено исключительно к аджарцам—населению небольшой местности Аджарии; вследствие того, что оно в большинстве своем было мусульманским (хотя и грузины по национальности), меньшевистское правительство и его генерал-губернатор постоянно преследовали его. У аджарцев были сильные стремления к автономности, меньшевистское правительство им ее не давало. Вот почему аджарцы больше симпатизировали в то время туркам, чем меньшевистскому правительству, ибо от первых они надеялись получить некоторую самостоятельность. Настроение Аджарии имело важное значение для исхода борьбы за Батум. Надо было ему показать значение Советской власти, ее национальную политику, право каждой нации определять свою судьбу, необходимость самого тесного сближения с Советской Грузией и с Советской Россией.

В возвании к ним мы писали:

К трудящимся Аджарии!

Товарищи и граждане!

Свершилось великое дело.

Бывшее меньшевистско-буржуазное правительство Грузии, притеснявшее вас, свергнуто благодаря грузинским повстанцам и усилиям Красной армии. Советское знамя реет в Тифлисе, Кутаисе

и Батумской области. Некоторые члены меньшевистского правительства позорно бежали за границу, в том числе и бывший диктатор Аджарии генерал-губернатор Чхиквишвили.

Аджария, при Советской власти в Грузии, наконец-то получает возможность, как автономная часть Грузии, свободно учиться, писать на своем языке, иметь свою трудовую власть.

Та ненависть к грузинам, которая была раньше, вследствие угнетательской политики меньшевистско-буржуазной власти, теперь не должна иметь места.

Каждый аджарец - грузин должен видеть сейчас в рабочем, крестьянине и труженике остальной Грузии своего брата и товарища по борьбе. Теперь, трудящиеся Аджарии, за вами дело устанавливать свою Советскую власть, организовать Ревкомы, бороться со своими кровопийцами беками, продавшимися русскому самодержавию, меньшевикам и Антанте—нашим общим врагам.

Теперь беки пробуют стать у власти, чего допустить нельзя. Они вам клеветуют на Красную армию, когда говорят, что она будет грабить, разрушать ваши дома, издеваться над вашей верой и обычаями. Это наглая ложь.

Советская власть предоставляет всем веровать, как кто захочет, не вмешивается в нравы и обычаи отдельных наций, предоставляя им самим устанавливать свои трудовые порядки, создавать вооруженную Красную армию.

На помощь, товарищи аджарцы, молодой Советской власти! За усиленную работу! Не давайте себя провоцировать бекам и всем контр-революционерам!

Да здравствует Советская власть в Грузии и Аджарии!

Да здравствует освободительная Красная армия!

Все воззвания и газета в первые дни издавались за подписью Полевого Политотдела XI Красной армии и Ревкома Батумской области, хотя первый был представлен пока в единственном числе. Наши воззвания имели громаднейший успех. Их брали, читали, передавали, каждое слово врезалось в память читающему, одних приободряло, а другим, к прискорбию их, говорило, что борьба закончилась в пользу Советской власти.

Грузинские солдаты, офицеры, мирное население Батума из многочисленных наций (грузин, русских, турок, греков, армян, персов и т. д.), под впечатлением воззваний, стали искать места, где проходили или остановились красноармейцы, на которых надеялись, как на единственных спасителей из того запутанного положения, в какое попал Батум. В них видели предотвратителей той национальной резни, которая могла-бы разгореться. Но, увы, никого еще из Красной армии, кроме меня и 2-х красноармейцев, службы

связи 9-й дивизии в Батуме еще не было. Да и то на нас, до появления воззваний, смотрели с удивлением и подозрением, когда мы проходили по улицам. Многие еще не знали о бегстве правительства на пароходы, о выпуске на свободу коммунистов.

Воззвания, а вслед затем выпущенная газета, сразу разрядили атмосферу и, положили конец неопределенности с агитировали огромное большинство населения в пользу Советской власти. Ошеломляюще подействовали воззвания на многочисленные толпы беженцев в большинстве из интеллигенции и мелкой буржуазии. Поверив словам своего меньшевистского правительства, они спасались бегством в Батум, где их накрыли теперь большевики, бежать дальше им было некуда, да и не было средств заплатить за пароходные билеты. Перспектива скитания в нужде за границей их тоже не прельщала. Большевики брали только видных своих работников и военных, ибо последних они думали использовать в будущей войне с Советской Грузией. Но к великому огорчению для них и к чести солдат и офицеров грузинской армии, отступивших к Батуму, последние отказались быть предателями своей родины. И в трудный момент, хотя и поздно, но поняли необходимость для Грузии Советского строя. Вот почему с меньшевистским правительством уехало не более 15—20 офицеров, да еще из особо-отрядчиков, на совести которых лежало немало рабоче-крестьянской крови, за что они боялись возмездия. Вся же основная масса Грузинской армии добровольно перешла на сторону Красной армии, в том числе и популярный в Грузии генерал Мазнишвили, с которым мне приходилось уже встречаться.

К вечеру 18-го марта мы, вместе с представителями Ревкома Грузии, провели в 3-х местах митинги. В одном пункте особенно много собралось беженцев. Зная их трусливую психологию и учитывая переживаемые ими разочарования, я взял такой тон речи, который лучше бы на них подействовал, пробрал их за ошибку прошлого, агитировал за Советскую власть, и вместе с тем не лишил их надежды на лучшее будущее. Мои товарищи, коммунисты Грузии главным образом останавливались на разоблачении меньшевиков, их позорном бегстве и приветствиях вступающей Красной армии. Помню, как почувствовал я большое неудобство от незнания грузинского языка, хотя большинство беженцев все равно понимало и русский язык.

Привожу сжато сокращенную речь: „Товарищи и граждане! Позвольте приветствовать вас от имени Красной армии с народившейся Советской властью в Батуме. Правда, много вас бежало от этой власти, как от чумы, терпело лишения, страдания, потеряло имущество и теперь уперлось в Черное море. Куда же дальше?—Разве в капиталистических странах Европы легче будет жить, чем здесь. Зачем же вы бежали? Вас меньшевики запугали,

когда расписывали про большевиков разные ужасы. Они говорили, будто бы мы всех перережем, имущество все отберем, запретим разговаривать на родном грузинском языке и т. п. Все это клевета, и вы убедитесь в этом, когда придет Красная армия.

Зачем мы пришли в Грузию?—Мы пришли по призыву восставших крестьян, мы пошли на расправу с меньшевиками, ибо не в силах были больше терпеть их провокационной политики, помощи белогвардейским и бандитским шайкам, их попытки, по приказу Антанты, использовать небольшую страну, как базу для войны с Советской Россией и Азербейджаном.

Никто иной, как меньшевистское правительство виновато в затяжке войны и в ваших бедствиях. Обвиняя нас, большевиков, в своих связях с турками, они сами эту связь завели с ними не в целях революции, а хотели использовать против нее. Они пригласили турок, думая опереться на них в борьбе с нами, но, оказывается, стравили их только со своей собственной армией, а сами убежали на пароходы, нам же оставили расхлебывать заваренную кашу. По их вине сейчас проливается бесцельно драгоценная кровь трудящихся Грузии.

Красная армия пришла в Грузию установить советы трудящихся. Мы хотим, чтобы земля, фабрики, заводы принадлежали только трудящимся. Мы хотим, чтобы буржуазия больше не выжимала пота и крови из рабочих и крестьян в интересах своей прибыли. Мы хотим, чтобы в Грузии трудящиеся всех национальностей были равны, как в Советской России. Мы надеемся, что Советская Грузия вступит в самый тесный политический и экономический союз с Советской Россией.

Советская Россия стала одной из могущественных держав мира. Она сумела раздавить войска всех контр-революционных генералов—Краснова, Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля, она сумела объединить вокруг себя массы трудящихся. Мы пришли к вам не в качестве завоевателей, а как друзья, освободители, временные гости.

Большинство рабочих и крестьян Грузии уже стали под наши знамена, мы уверены, что и большинство вас теперь твердо решит: свои силы и сочувствие отдать молодой Советской Республике Грузии. Советская власть для Грузии становится единственным спасением от гибели, единственно желанной для масс угнетенных и обездоленных.

Весь мир устал от разбойничьих войн, капиталистического угнетения и разложения. Буржуазный строй трещит, как спелый арбуз, во всех частях земного шара. Огненные языки социальной революции уже лижут со всех сторон дом капиталистического общества.

Рабочий класс всех стран, народы Востока, все раскачиваются на борьбу с капиталом. Пока он существует, не будет ни мира, ни благополучия для человечества. Наш долг его разрушить и обеспечить дальнейшее развитие и жизнь пострадавшему человечеству.

На маленькой территории Грузии мы уничтожаем меньшевистско-капиталистический порядок. На нашей стороне, правда, сочувствие трудящихся всех стран и понять это, как равно и нашу конечную победу, может всякий, кто на плечах имеет голову, а не какой-нибудь кочан капусты. Перед вами два пути: или присоединить свой голос и свои силы за Советскую власть, или, идя против нее, погибнуть в борьбе.

Мы знаем, как много среди вас было насильно мобилизованных, снятых со своих мест, обманутых своим правительством. Всякий честный, отзывчивый, любящий труд человек будет с нами, с Красной армией... Мы призываем вас к горячей, энергичной работе, чтобы поправлять разрушенное войной хозяйство, превратить Советскую Грузию и Советскую Россию в цветущее состояние. Да здравствует Советская власть! Долой предателей и пособников буржуазии — меньшевиков! Да здравствует освободительница Красная армия!

Все речи выслушивались с большим вниманием, покрывались несколько раз в середине и конце громкими аплодисментами. Настроение было очень приподнятое, многие кающиеся чиновники заливались искренне слезами. Немало присутствующих рядовых меньшевиков, переживали при этом мучительную внутреннюю борьбу, перерождались, в них шла реакция духа и настроений. Они видели и ужасались той бездне падения своих вождей, какая обнаружилась в последние дни и в только что прошедшую ночь. Они проклинали своих меньшевистских министров, которые их так подло обманывали и надували.

Отцы почтенных семейств били себя в грудь и в плешивые головы, раскаиваясь в своем бегстве и прегрешениях перед большевиками. Как бы то ни было, а перед расхождением митингов, собравшиеся дружно кричали ура в честь Советской власти и Красной армии.

Мы говорили, нас слушали, а где-то невдалеке отчетливо трещали пулеметы и шла винтовочная перестрелка. Это еще грузинские солдаты бились с турками в бессильной схватке, дожидаясь момента, когда придет Красная армия и разнимет обе дерущиеся стороны.

Была опасность, что турки задержат продвижение красных частей на Батум порчей железной дороги. Попытки со стороны последних кажется и были, но безрезультатно; эшелоны красных войск, хотя и медленно, но двигались к Батуму.

Мне нужно было завязать связь со штабом группы в Кутаисе и сообщить о намерениях турок и происходящей в Батуме драке. Единственный телеграф был занят турками. Он помещался рядом с почтой, которая пока была в руках Грузин. У одних дверей стояли турецкие часовые, у других грузины, все время со стороны

враждебно посматривавшие друг на друга. Я решил попросить у турок разрешения говорить по телеграфу. Ревком Грузии пробовал сам сделать это, но ему не разрешили. Турки не симпатизировали батумскому Ревкому и часто смешивали грузинских коммунистов с меньшевиками, а потому и считаться с Ревкомом для них означало бы признать власть его в городе, которую они думают сами захватить. Но русских большевиков и Красную армию они уважали и боялись. Я знал об этом и решил воспользоваться своим особым положением.

Подхожу к телеграфу. Часовые-турки приняли меня сначала за солдата грузинской армии и, грозно тряхнув винтовками, приказали сойти в сторону.

— „Я русский большевик, мне нужно говорить по телеграфу, разрешите“ — довольно мягко заявил я, нащупывая почву. Сверх моих ожиданий, гляжу — аскеры-часовые (аскер-турецкий солдат) сразу-же переменили свою грозу на милость, умильная улыбочка расплылась на их лицах, они свободно пропустили меня в здание телеграфа.

На телеграфе находилось всего три человека: один уполномоченный турецким консулом для контроля, второй, приглашенный им русский телеграфист, принимавший депеши от нас из Кутаиса и Тифлиса, и один красноармеец связи 9-й дивизии. Последний на свое присутствие в телеграфе получил разрешение от самого консула, который при свидании держал себя очень любезно, заискивающе и даже пригласил в гости. Такая любезность турок укрепляла в нас уверенность в том, как они нас боятся и готовы слушаться — особенно с приходом первых боевых красных частей. После проверки мандатов, уполномоченный турок разрешил мне бесконтрольно разговаривать при помощи своего телеграфиста-красноармейца.

Нам удалось соединиться со штабом группы войск, вызвать военкома Лисовского, одного из работавших на фронте питерских коммунистов. Я передавал ему сведения о новых операциях в Батуме, о двоевластии (турок и Ревкома), об идущих подкреплениях к туркам, о спешной необходимости протолкнуть движение наших частей, которые еще все не прибыли. Запрашивал также о последних политических новостях. Никто нас при переговорах не перебил, хотя дело шло о фактических хозяевах телеграфа. Мы говорили минут 15—20, получили ряд ответов успокоительного характера.

Я ушел опять в типографию, красноармеец из связи остался ремонтировать один из главных аппаратов и подбирать разбросанные по сторонам кругляши телеграфных бумажных лент.

В типографии уже закончили печатание первого № газеты, исключительно агитационно-разъяснительного характера.

Новоиспеченная газета и воззвания быстро развозились на автомобилях и разбрасывались по улицам. Постоянно бегущая толпа солдат, рабочих и остальных граждан расхватывала большую часть их налету. Везде можно было встретить внимательно читающие и разбирающие газету кучки людей. Семя печатной пропаганды падало теперь, как на распаханную землю, и приносило свои осязательные плоды.

К 8 час. вечера пришел первый красный полк. С какой радостью, с каким томительным ожиданием встретило его население и солдаты жалких остатков Грузинской армии. Да и как не надеяться, когда от Красной армии зависело сказать, чей должен быть Батум. Кто должен в нем быть хозяином: Ревком или Уполномоченный Кемаль-Паши? Из-за этого вопроса сегодня в боевых стычках пало с обеих сторон 300 убитыми и ранеными. Борьба еще неизвестно чем бы окончилась, если бы не вошла в Батум Красная армия.

Теперь она вошла с красными знаменами, музыкой; красноармейцы были в серых шинелях, со сверкающими штыками, они проходили стройными рядами. Загорелые, привыкшие ко всему фигуры красноармейцев со стороны мирных граждан окружались ореолом героизма.

Это были не те заморенные меньшевиками, раздетые, забытые 200 пленных, взятые под Тифлисом, которых они и в Батуме водили на показ по улицам. Но, несмотря на все мучения меньшевиков, эти же пленные красноармейцы все-таки, когда встретили меня, были от души рады, проклиная меньшевиков, большинство согласилось немедленно взять вновь винтовки в руки и отстаивать на новом небольшом, необычайном фронте, Советскую власть в Батуме (не знаю сколько, кажется, рота была составлена из пленных добровольцев).

Тогда рота была для демонстрации, чтобы показать присутствие русских, теперь был уже полк, это уже внушительная боевая сила, перед которой должны уступить хотя и многочисленные, но разрозненные части меньшевиков и турок.

Таящуюся в грудях и штыках красноармейцев силу чувствовали поголовно все, чувствовали и турки. Недаром, перестрелка стала ослабевать и больше не поднималась, а 20 марта турки по приказу нашего командования уже очищали форты, радиостанцию, телеграф, милицию.

На всем пути красноармейцев к Ревкому, их приветствовала толпа, кричали в честь Красной армии ура. Временами мощными звуками неслись от них революционные песни („смело, товарищи, в ногу“ „Варшавянка“ и др.). Особенно хорошо выходило под ногу:

«Смело мы в бой пойдем
 «За власть Советов,
 «И как один умрем
 «В борьбе за это».

Эхо этих песен слушали издали в порту матросы военных и торговых кораблей Антанты, которые еще сегодня не уходили в Константинополь. Слышали красноармейское эхо и турецкие аскеры и каждый из них переживал какое-то особенное чувство загадочных предположений, симпатии к новым невиданным никогда пришельцам.

Раньше русские приходили, как враги турок и всех слабых кавказских народностей, теперь же они шли под командой коммунистов-большевиков, как друзья. Всеми сознавалась эта колоссальная разница, всеми чувствовались перерождающие веяния новых сил и дней Революции.

У Ревкома полк встретили члены его и главное командование остатков грузинской армии. Сегодня над ними командиром назначен был генерал Мазнишвили. Он происходил из простых солдат, быстро подвигался, во время войны 1914—1918 г. по лестнице назначений и из всего меньшевистского командования тогда был, кажется, самым талантливым и порядочным человеком. В момент поражения меньшевиков, он первый признал бессмысленность дальнейшего сопротивления и склонился на сторону Советской власти. Мазнишвили приветствовал теперь Красную армию, как дорогого гостя, откровенно каялся перед нею в грехах за прошлую борьбу против нее. Он с гордостью заявлял, что рад теперь служить Советской власти в Грузии.

Все речи покрывались могучим красноармейским ура. Я с чувством невыразимой радости смотрел на все эти картины и думал: „есть единственная в мире армия, которую уважают, на сторону которой переходят не только друзья, но и недавние враги—это Красная армия“. Здесь-же, в Батуме, как узлом пункте сложных политических отношений, она явилась авторитетной силой для всех многочисленных наций, населяющих город и окрестности.

После приветствий, опять также стройно, с революционными песнями и музыкой, провожаемые отовсюду радостными криками толпы, зашагали наши красноармейцы на ночлег.

Мне с час пришлось еще в толпе слушать всякие разговоры о Красной армии, были и небылицы, давать справки о ее подвигах, жизни в Советской России, международном положении и т. д. Слушали охотно, многие не наслушавшись на ночь, с настойчивостью и любезной гостеприимностью, приглашали к себе на квартиру для ночлега.

Я решил пойти к одному печатнику, с целью узнать у него больше сведений о последних днях меньшевиков и заполучить ба-

тумских газет за последние дни пребывания меньшевиков. В своем выборе мне не пришлось раскаиваться, ибо действительно гостеприимный хозяин был очень словоохотлив, хотя он любил понуть, часто жаловался на свою судьбу.

Из его слов я узнал, как меньшевики гордились своей непобедимостью. Они, например, неделю тому назад писали, что их армия не была еще ни разу побеждена красными, хотя все время отступала и в тот же, кажется, день сдавала Кутаис. Очень смешны были всевозможные панические слухи о фронте, которые распускала в Батуме сбегавшаяся буржуазия. Она-то в значительной степени разрушала тыл меньшевикам. Скопление большого числа беженцев, в сравнительно небольшом Батуме, повлекло за собой большой квартирный кризис, страшное вздорожание продуктов, совершенное исчезновение многих из них. Как ни старалось Правление союза торговцев призывать своих членов воздержаться от безумной наживы, сохранить благоразумие, но никто и слушать не хотел: спекуляция гуляла повсюду. Малообеспеченные беженцы, особенно чиновники и беженцы, хватили много от этого горя.

Рассказал мне один парень и о том страхе, который они переживали последние два дня, когда не знали, чей будет Батум, очень боялись национальной резни. О последнем с ужасом вспоминала его мать и сестры, несколько раз меня переспрашивали: „а не уйдет ли Красная армия, останется ли она до полного установления порядка“. Я их утешал, хотя, по правде сказать, хорошо не был уверен, что произойдет за ночь, добровольно уступят ли турки, или придется на почве владения Батумом пережить много неприятностей.

Томимый такими сомнениями, я несколько раз выходил на улицу, но всюду было спокойно, тишина теплого южного морского города не нарушалась ни единым выстрелом.

Как сегодняшняя ночь не похожа на вчерашнюю! какое магическое действие оказала сегодня Красная армия в Батуме!—думал я, засыпая.

Утром 19-го марта я отправился в редакцию, чтобы оттуда захватить комплекты меньшевистско-буржуазных и белогвардейско-иностранных газет, которыми очень интересовался. К великому удовольствию своему, таковых нашел в достаточном количестве.

Немедленно с ними направился в типографию, где должен печататься 2 номер нашей газеты (издание Ревкома Батума и Полепоарма XI). Часть материала я использовал тут же для газетных статей и новых воззваний.

Всего за 2-х дневное пребывание в Батуме мне удалось с одним батумским журналистом-коммунистом выпустить 3 номера газеты и 8 различных воззваний—листовок. Кроме того, из речей,

произнесенных мною, нужно отметить выступление перед группой офицеров, которым я излагал наши взгляды на офицерство, Красную армию, расстрелы, т. е. об'яснял самые остро-недоуменные для них вопросы.

19-го марта мне пришлось наблюдать также отчаливание в море миноносцев и пароходов, на которых уплывало меньшевистское правительство, наблюдаемое своими подданными, дававшими злые напутствия в дорогу, особенно пожелание больше в Грузию не показываться.

Я приведу часть заполненных мною отрывков разговоров по этому поводу:

— На что-ж это похоже! Говорить—большевики не придут, а они на носу, сами же министры, тягу дают.

— Зачем же они нас сорвали со своих мест, бросили на произвол судьбы, ограбили все ценности нации и бегут проживать их за границу? Можно ли было ожидать такую подлость от Жордания, Чхеидзе!

— У, сволочи, тоже политические деятели называются, а пуще всего дорожат своей шкурой, покидая граждан!

— Хороши молодчики-правители, служащих и рабочих¹⁾ бросают на берегу моря, а сами бегут со спекулянтами и капиталистами!

— К чорту все, больше верить нашим вождям нельзя! Ну что-ж, будем жить с большевиками!

— Бегут окаянные министры морем и не краснеют, благо их защищают пушки миноносцев.

— Зачем же тогда и войну затевать, бахвалиться, народ в заблуждение вводить, если так скоро позорный конец!?

— Правы большевики, поднявшие борьбу против трусов и изменников, союзников крупной буржуазии, какие заседают в нашем правительстве!

Можно было бы подобных речей привести без конца, но и этого хватит. С большим интересом я наблюдал, как люди с пеной у рта, с блестящими от ненависти глазами, напряженными бушующими нервами поднимали кулаки, грозили, проклинали, неистово выкрикивали ругательства по адресу отплывающего, при содействии иностранцев, меньшевистского правительства. Трагедия заключалась еще и в том, что эти люди несколькими месяцами, даже неделями раньше не раз аплодировали меньшевистским вождям, чуть ли не боготворили некоторых из них, а теперь в один миг вся любовь, все уважение пропало, ибо сознание получило горький удар разочарования. Да,

¹⁾ У меньшевиков в отступлении участвовала часть обманутых железнодорожных рабочих.

меньшевики своим бегством, надежно по ветру, перед своими недавними сторонниками, разведали остатки уважения и авторитета. Они обрекали себя на длительный, если не на пожизненный разрыв со своей бывшей страной. Для них родиной с этого момента становится гостеприимная буржуазная Европа, туда им и дорога.

В этот-же день стали прибывать новые воинские части, вошел с частью своей кавалерии с юго-восточной стороны т. Жлоба, в свое время много нашумевший своей отвагой в борьбе против Краснова и Деникина. Вечером приехал народный комиссар по военным делам грузинского Ревкома т. Эллиава, который еще более решительную политику повел с турками (Тов. Шейман выехал из Батума еще 18-го марта в самый разгар боя, повидимому, принял по телеграфу тоже меры к тому, чтобы мирно уладить небольшой батумский инцидент с турками). Так, что можно сказать, что с 19 марта в Батуме начала уже водворяться нормальная жизнь, при новом хозяине. Остатки Грузинской армии при помощи нашего командования приводились в порядок, частью они распускались по домам, частью из них тут же на месте формировались отряды грузинской Красной армии.

и) Из Батума обратно в Тифлис. Конец войне в Грузии.

20-го марта, утром, я выехал из Батума обратно в Тифлис вместе с освобожденными из меньшевистских тюрем грузинскими коммунистами. Поезд был битком набит народом, хотя ехали без особой тяготы, с песнями. На всем пути от Батума до самой реки Рион (90—100 верст) мы наблюдали картину обратного бегства отступавших ранее с меньшевиками граждан. Теперь они скорее старались уйти из Батума от берегов Черного моря в глубь Грузии.

Разбитые воинские части меньшевиков радостно встречали коммунистов на станциях, офицерство же имело растерянный вид. Еще более растерянный вид можно было наблюдать у членов меньшевистской партии. У них в душе горел ад трагических мыслей, сомнений, разочарований, колебаний, они были поражены быстрым и неожиданным исходом. Особенно интересно было наблюдать меньшевистского молодого агитатора—студента, который чуть ли не готов был расплакаться или кончить жизнь самоубийством от ошеломляющего исхода, идущаго вразрез со всеми их предположениями.

Почти на каждой большой станции мы устраивали во время остановок поезда коротенькие летучие митинги. Приходилось выступать всем товарищам, которые умели говорить. Больше всех досталось работы мне и старику-грузину Церцвадзе (одному из старых грузинских коммунистов). Мы оба с ним, после 5 и 6 раз

выступлений, временно лишались голоса. Пришлось заняться в вагоне разборкой захваченной в Батуме иностранной белогвардейской и меньшевистской литературы.

Нет смысла передавать содержание русской белогвардейской литературы, в которой постоянно сквозила травля Советской власти и большевизма, а в это время она еще была охвачена гипнозом Кронштадтского мятежа, кричала, что наступил уже конец „Совдепии“. В меньшевистской литературе я заметил сразу две отличительные стороны. Первая — она старательно перепечатывала из белых и наших советских газет все недостатки, всю тяжесть положения в Советской России, нашу же Советскую самокритику никогда почти не помещала, не делала даже небольших упоминаний о наших достижениях и достоинствах. Так однобоко писать может только пресса ярко-враждебная революции, преследующая одну цель травить своего соседа — Советскую Россию. Вторая сторона — почти полное отсутствие сотрудничества в печати рабоче-крестьянских масс. Даже в такой острый для себя момент, когда решается вопрос быть или не быть „демократическому“ правительству — в меньшевистской печати нет выявления героизма, самопожертвования даже преданной меньшевикам части масс. В грузинских газетах помещались только воззвания Ноя Жордания, Лоркипанидзе, Рамишвили, полные клеветы и злобы, красивых слов о защите нации, которыми нельзя увлечь массы. Только в одной газете я нашел воззвание меньшевистского Совета Профессиональных Союзов, призывающего к борьбе с большевиками за спасение нации, наряду с возванием о том-же грузинских фабрикантов и купцов. Такой трогательный союз „социалистов“ с капиталистами лучше всего раскрывает революционными рабочими и крестьянами глаза на ту защиту нации, о коей идет речь. Хотя грузины большие националисты, но этим лозунгом увлечь массы было нельзя, причем массы знали, что большевики вовсе не собираются уничтожить нацию, а только хотят, вместо власти меньшевиков, установить власть советов.

Бледность и малосодержательность меньшевистской печати как нельзя лучше показали отмирание меньшевистского строя и отсутствие поддержки ему со стороны грузинского народа. Как выгодно отличается наша Советская печать от меньшевистской в этом отношении. В критические моменты для Советской власти и Красной армии сколько зажигательного материала, призывающего массы доводами, способными поднять их на героическую борьбу! наконец, невиданным нигде коллективным сотрудничеством масс полна была Советская печать. Действительно, вместе с армией она ковала победу, являлась грозным врагом для контр-революционных сил. Меньшевистской печати не суждено было работать на победу. Ее влияние было крайне ограничено. Она большей частью публиковала сенса-

ционные известия. Так, например, ею сообщалось, что Троцкий остался в занятом кронштадтскими мятежниками Петрограде. Много очень она занималась самоуспокоением. Вот яркие образчики этому самоуспокоению и бахвальству.

28 февраля в городском театре Кутаиса учредительное собрание собралось в бодром настроении, решив до последнего конца бороться с большевиками. 4-го марта министр внутренних дел Рамишвили заявлял, что западная Грузия должна стать крепостью против большевиков. Между 4 и 15 марта выпускается меньшевистским правительством масса воззваний, где кричат о непобедимости и распространяют разнообразную клевету про Красную армию и большевиков. 15-го марта Рамишвили делал в Учредилке доклад об организации войск самообороны. Через 2 дня они бегут на иностранные пароходы в Батумском порте, видя как их собственный народ их не поддерживает. Да, действительно, их гибель была позорной и бесславной, она граничила почти с политической смертью. И, несмотря на все это, Каутский, Вандервельде и другие желтые изменнические деятели „европейского социализма“, под истерический плач меньшевистского посла Церетелли, посылали свои протестующие телеграммы против удушения Грузинского народа большевиками, тогда как он шел всецело навстречу нам и проклинал меньшевистское правительство. Когда я читал эти телеграммы протеста в белых и меньшевистских газетах, то не мог спокойно думать о всей бездне падения и фальши социал-предателей. Поистине люди ни перед чем не останавливались в своей клевете. Но клевета их бессильна была остановить борьбу рабочих и крестьян Грузии за Советскую власть, бессильна была уничтожить успехи Красной армии. Под впечатлением всяких дум, под звон и говор окружающих и звуки революционных песен, я покачивался в вагоне, полный радости от благополучного конца. Ничто теперь не мешало, не останавливало нас на пути к столице Советской Грузии, красному центру Закавказья—Тифлису. Там ожидал нас отдых и работа в мирно-нормальных условиях.

VI. Заключение.

С поражением меньшевистской власти в Грузии Черное море надежно соединилось с Каспийским, в Закавказьи прекратилось кровопролитие и Закавказье стало надежной опорой Революции. Мы уже получили вести о том, что авантюра армянских дашнакценов близка к развязке, а работа бандитских шайк в Дагестане и на северном Кавказе, с падением меньшевистского правительства, совершенно прекратилась. Впервые после революции 1917 г. на Кавказе установилось полное спокойствие; гражданская война, поднятая белогвардейцами и меньшевиками, с их разгромом—затихла. Красная армия Советской России явилась в роли всеобщего миротворца многочисленных наций и племен. Красная армия явилась сознательной революционной силой, которая пробудила трудящиеся массы Кавказа и ближнего Востока к новой жизни. Она приостановила поток кровопролития в Закавказьи, который поддерживался меньшевиками, дашнаками, муссава тистами и другими мастями соглашательских партий.

Годы и месяцы своего пребывания в Красной армии я считал счастливейшими в своей жизни.

Угнетенные и обездоленные всего мира смотрели на Красную армию с надеждой и любовью, как на свою освободительницу и защитницу. Закончив операции в Грузии совместно с повстанцами, Красная армия закончила один из славных периодов своей великой истории, она выполнила ее под руководством коммунистической партии, внутренне спаянная ее членами.

Да будет среди нас всегда жива память о славных героических подвигах великой Красной армии, она служила грозой для капитала и ее слуг, надеждой для всех угнетенных и эксплуатируемых масс мира. Где бы Красная армия ни появлялась, там спадали цепи насилия буржуазии, рабочие и крестьяне вступали в свои права, там начинали проводиться подлинные социальные реформы для освобождения человечества. Перед такой армией можно только преклоняться, заботиться о ее постоянной непобедимой мощи, всегда ею дорожить...

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

	Стр.
I. Едем на фронт	5
II. Красновский период:	
1) В Балашове. Командировка в Борисоглебск	10
2) Первоначальная работа в Борисоглебске и кое-что из истории возникновения гражданской войны	13
3) Восстание унтер-офицеров в Борисоглебске 4 октября 1918 г.	18
4) Фронт и ближайший тыл Борисоглебско-Поворинско-Новохоперского района	24
5) Захват Борисоглебска Красновцами 20-го декабря 1918 г.	36
а) бои за Борисоглебск.	—
б) какие порядки установили белые	42
в) аресты, убийства и расстрелы	44
г) поведение буржуазии и соглашательских социалистов	51
д) положение при белых рабочих, крестьян и коммунистической организации	53
е) работа партийной организации в незанятой части уезда. Борисоглебск после белых	55
6) Бои под Поворином и разложение Красновского фронта	58
III. Движение дезертиров (зеленых) весной 1919 г.	65
IV. Деникинский период:	
1) Деникин наступает	76
2) Что давала народу Советская власть и что давал Деникин	78
3) Поведение буржуазии на Деникинском фронте	86
4) Как отблагодарило крестьянство Деникина	90
5) Героическая борьба Красной армии с Деникиным	95
6) Состояние Деникинской армии и тыла	109
7) Деникин и рабочие	114
8) Деникин. Донское и кубанское казачество	116
9) Духовенство и Деникин	122
10) Печать и агитация белых.	133
V. Красная армия на Кавказе в 1920—1921 г.г.:	
1) Красная армия в Азербейджане	142
2) Красная армия в Грузии	152
а) почему Красная армия помогала повстанцам Грузии	—
б) едем в Грузию	156
в) работа и бои под Тифлисом	166
г) вступление в Тифлис	169
д) с мирной делегацией из членов Учредительного собрания	180
е) день на район—сантрединском участке фронта	187
ж) один день в тылу меньшевиков	191
з) два дня (18—19 марта) в Батуме	202
и) из Батума обратно в Тифлис. Конец войны в Грузии	214
VI. Заключение	217

64

+